

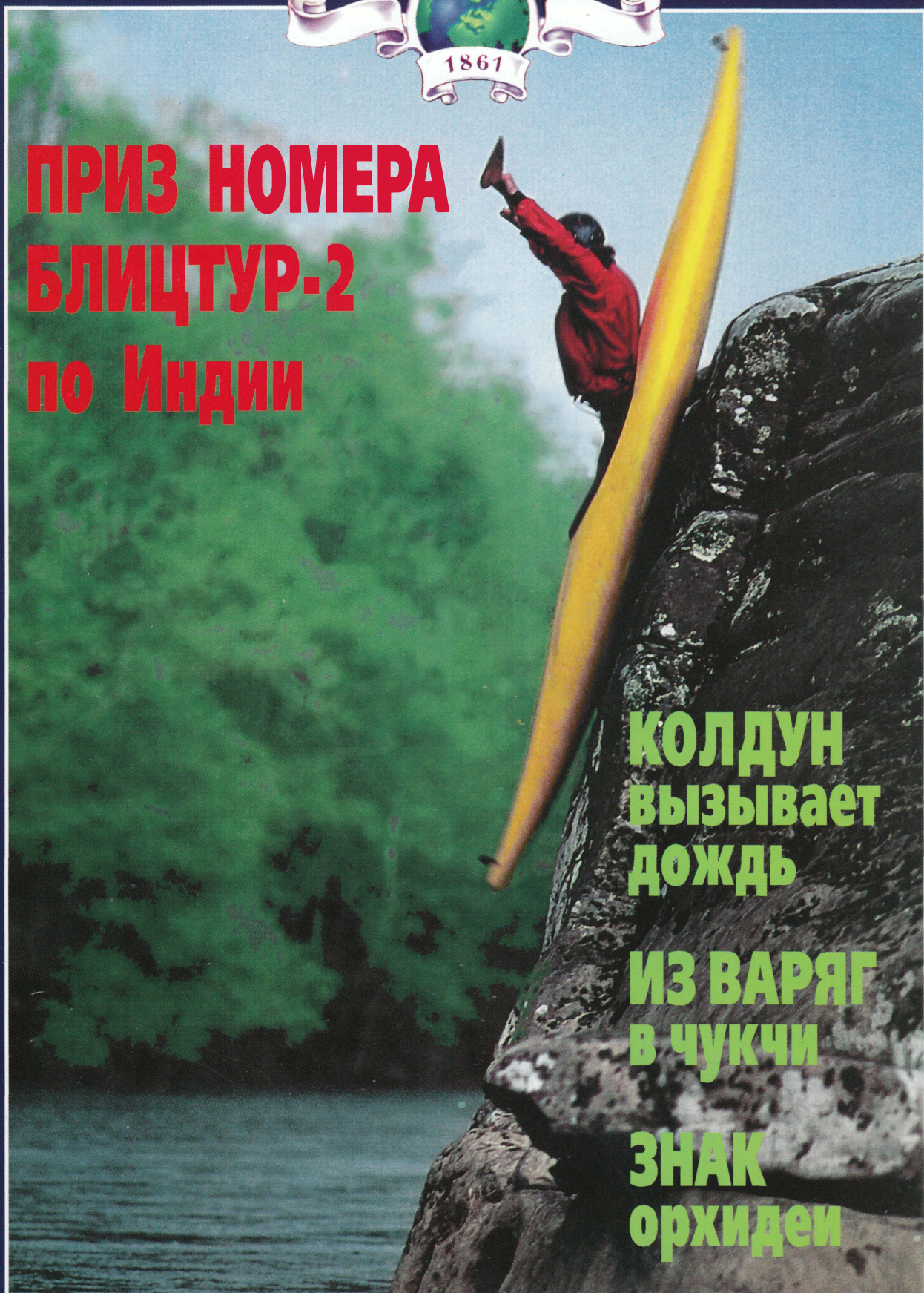

ПРИЗ НОМЕРА БЛИЦТУР-2 по Индии

**КОЛДУН
вызывает
дождь**

**ИЗ ВАРЯГ
в чукчи**

**ЗНАК
орхидеи**

В 1996 ГОДУ В КАЖДОМ ВЫПУСКЕ «ВОКРУГ СВЕТА» БУДЕТ ПРИЗ НОМЕРА — БЕСПЛАТНАЯ ТУРПУТЕВКА

Продолжаем разговор, начатый в прошлом номере, о планах редакции на первую половину 1996 года. Напомним, что в 8-м номере шла речь о том, как будут представлены на страницах «Вокруг света» его традиционные темы — страноведение и история.

Ну а путешествия? Экспедиции? Приключения? И они, конечно, будут, и в каждом номере. Замыслы наших беспокойных авторов-первопроходцев и наших корреспондентов — обширные.

Группа «Арктика», известная нашим читателям своим уникальным походом к Северному полюсу, отправится в Антарктиду, чтобы достичь на лыжах — и вновь без внешней поддержки — Южного полюса.

Трансглобальная парусная экспедиция «Ветер планеты» предполагает обойти земной шар в меридиональном направлении на парусной яхте «Уралия». Маршрут экспедиции пройдет через Антарктиду, которую планируется пересечь на парусном буере через Южный полюс. Записки руководителя экспедиции о подготовительном походе на парусном буере по нашим северным землям, совершенном в этом году, дадут читателю представление о готовящейся трансглобальной экспедиции.

В длительное путешествие в Новую Гвинею готовится группа молодых исследователей, с экспедицией которых по джунглям Амазонии читатель нашего журнала уже знаком.

По старому Чумацкому шляху пропылят на велосипедах наши корреспонденты; побывают они и на Соловках, где работает историко-археологическая экспедиция; и на островах Онежского озера, где будет проводиться очередная тур молодёжных соревнований — «Робинзоада-95», и, возможно, своими глазами увидят знаменитую парусную регату «Катти Сарк»...

В кругосветное плавание отправятся наши корреспонденты на борту парусника «Крузенштерн». Это плавание будет посвящено сразу трем знаменательным датам — 300-летию Российского флота, 225-летию со дня рождения Ивана

Федоровича Крузенштерна, первого русского кругосветного мореплавателя, и 190-летию первой русской кругосветной экспедиции 1803 — 1806 годов на шлюпах «Надежда» и «Нева», которую возглавлял Иван Крузенштерн.

Пожелаем же всем путешествующим счастливого возвращения и интересных очерков на страницах «Вокруг света»!

Каждого, отправляющегося в путь, ждут приключения. Но не секрет, что всякий путешествующий стремится избежать чрезвычайных происшествий. Однако есть люди, которые ищут рискованные ситуации, как бы вызывают огонь на себя — ищут, чтобы, победив страх перед стихией, утвердить себя. Мы предполагаем дать серию фоторепортажей о таких рискованных людях, и первыми будут каякеры, сплавляющиеся по бурным горным рекам на легких лодках-каяках.

И, конечно, как прежде, будет работать наша «Школа выживания».

На страницах журнала останутся и такие традиционные рубрики, как «Глобус», «Горячая планета», «Неведомые тропы», «Теории невероятности», «Загадки, проекты, открытия», «Пестрый мир», «Почтовый дилижанс».

Читатели хорошо приняли наши конкурсы по странам. В новом году мы сделаем их регулярными. Туристские фирмы и посольства зарубежных стран будут предоставлять приз номера — бесплатную турпутевку. Отныне конкурс будет в каждом выпуске.

Литературные страницы журнала порадуют читателей свежими фантастическими рассказами из двух самых популярных научно-фантастических журналов США — «Аналог» и «Журнал научной фантастики Айзека Азимова». Кроме того, в портфеле «Вокруг света» сейчас три приключенческие остросюжетные повести. Какой будет отдано предпочтение, мы сообщим позднее. Следите за журналом.

Уважаемые читатели! Если, познакомившись с анонсом, вы заметите, что мы обошли вниманием какие-либо важные темы, — сообщите. Еще есть время подкорректировать планы.

ПОЧТОВЫЙ ДИЛИЖАНС

«С большим интересом прочел в вашем журнале повесть Жоржа Блона о действиях авианосца «Энтерпрайз» в Тихом океане. Большое спасибо за публикацию! Она совпала с показом по телевидению американского документального фильма о сражениях в районе острова Гуадалканал, и эти экскурсии в военное прошлое значительно расширили наше представление о событиях грозных военных лет в тихоокеанском регионе.

Особенно впечатляет описание эпизодов сражения у архипелага Санта-Крус в течение всего лишь нескольких часов боевых действий. Похоже, в распоряжении автора был вахтенный журнал авианосца. Так это или нет, но мы, пожалуй, не располагаем другим подобным описанием подробностей боя авианосных соединений, выполненным весьма искусно талантливым французским писателем-документалистом.

Все эпизоды сражения исполнены так ярко,

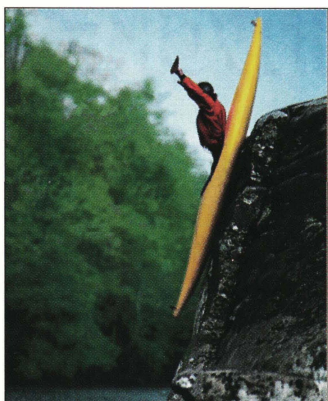
что не составляет большого труда перенести их позитивно на холст и создать целую серию картин-фрагментов того эпического боя.

Ну, а редакцию славного журнала «Вокруг света» хочется от всей души поблагодарить за такой умелый подбор публикаций к 50-летию окончания второй мировой войны, в том числе и на Тихом океане...

И все же нелишне будет отметить некоторые неточности в изложении материала. О перестановке цифр в марке самолета «Митчелл» (вместо В-25 — В-52) я уже писал переводчику И. Алчеву. В № 3 на стр. 62 помещена схема архипелага Соломоновых о-вов, представляющая контраст с подробным текстом. Во-первых, небрежно исполнены контуры островов, во-вторых, на ней вовсе не показаны острова, упоминаемые в тексте: Сабо, Тулаги и пр. К тому же в подписи Гуадалканал назван са-

мым крупным островом в архипелаге, хотя таковым является Бугенвиль (10 000 кв. км, а площадь Гуадалканала лишь 6500 кв. км). Не обозначен на схеме и пролив Тэ-Слот, по которому японцы, начиная с 8 августа 1942 г., курсировали соединениями во время боев за Гуадалканал. А ведь такие подробности в большой степени помогли бы пониманию событий. Так же на стр. 63 упомянуты отбойные молотки вместо клепальных. Первые — инструмент углекопов, а вторые — сборщиков металлоконструкций, чем, собственно, и занимались ремонтники на авианосце. Вот, пожалуй, и все, что имею честь вам передать.

Ваш искренне
Павел Попков,
участник Великой Отечественной войны,
читатель «ВС» с 1927 г.
Кубань, п/о Платнирфовской-1

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

США. Биг-Саут-Форк, как написано на наших картах, переложивших английские слова кириллицей, или — если перевести — Большой Южный Рукав реки Камберленд, ответвляется от нее на границе двух штатов: Кентукки и Теннесси. Место это объявлено в Америке, по-казенному говоря, Национальной речной и рекреационной территорией. А это значит, что природа здесь — под особой охраной. Река прогрызла свое устье в твердых песчаниковых скалах — породе весьма упрямой. Потому течение здесь быстрое и пороги — нешуточные. То есть рай для каячников, мастеров плавания на лодках-каяках. Спортсмен несется к самому краю порога, затем откидывается назад, почти лежит на корме и соскальзывает по скользкой от вечной сырости скале вниз на более спокойные воды. Барри Кроудер, мастер этого трюка (его вы видите на снимке из журнала «National geographic») утверждает, что это куда безопаснее, чем мчаться на автомобиле по городу. Может быть, и так, ему виднее. Но почему же водительские права имеет любой взрослый американец, а прыгать в камнях через пороги на Биг-Саут-Форк позволяют мало кому?

ВОКРУГ СВЕТА

В НОМЕРЕ

15

ПРИЗ НОМЕРА

Блицтур-2 по Индии

О СТРАНАХ И НАРОДАХ

4

В. ЛЕБЕДЕВ

Масаи-Мара, или Визит к вождю воинственных бабочек

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

8

В Шамбалу... на паровозе

Ольга МЕЗЕНЦЕВА

17

Индийский канат

Александр ПОЛЕЩУК

32

Родосские колокола

39

Н. НЕПОМНЯЩИЙ

В Сиаме мы не нашли сиамских кошек

VIA EST VITA

20

Сергей ГОРЯЧКИН

Из варяг в чукчи

64

Н. МАЛИНИЧЕВА

Священные головы профессора Гасто

ЗАГАДКИ, ПРОЕКТЫ, ОТКРЫТИЯ

ПРИЗРАКИ В СТРАТОСФЕРЕ

Уже не один десяток лет летчики регулярно сообщали, что высоко над грозовыми облаками видно странное красочное сияние. Что это: НЛО или столь же таинственные шаровые молнии? И, вообще, можно ли доверять очевидцам? Ведь до сих пор достоверных подтверждений не было: никаких цифр, никаких фотографий.

Наконец летом прошлого года ученым-геофизикам Дэвиду Сентмену и Юджину Уэскотту (оба из Геофизического института при университете в Фербенксе, Аляска) удалось положить конец всяким спекуляциям на эту тему. В течение 12 ночей они и их помощники поднимались на двух исследовательских самолетах НАСА, оснащенных высокочувствительными видеокамерами, радиодетекторами и приборами для спутниковой навигации.

Они вылетали из Оклахома-Сити и направлялись туда, где на Среднем Западе бушевала самая сильная гроза — там, в стратосфере, над облаками на высоте 20 км, ученые, в самом деле, зарегистрировали какие-то таинственные сполохи. Впрочем, им нужно было запастись терпением — подобное сияние сопровождало лишь каждую сотую молнию.

Однако игра стоила свеч: Сентмен и Уэскотт оказались в самом средоточии этих видений.

«Они выглядели, как некие красные призраки, с волосами, вставшими дыбом, с пурпурно-синими щупальцами, тянущимися вниз, — вспоминали исследователи. — Совершенно не связанные с ними синие лучи, неслись вверх, в направлении ионосферы, со скоростью 100 км/сек».

Приборы на обоих самолетах, летевших на расстоянии нескольких километров друг от друга, позволили точно вычислить мир красочных фантомов: за несколько тысячных долей секунды свечение мощностью около 1 мегаватта заполняет объем свыше тысячи кубических километров.

Но подлинная физическая природа этого феномена все еще остается загадкой. Неясно, например, идет ли здесь речь об электрических разрядах, как в случае с обычными молниями, или же нет? Любопытно, что всем этим вспышкам не сопутствуют раскаты грома.

И, наконец, будут ли эти «красные призраки», или «синие лучи» представлять опасность для реактивных самолетов XXI века, которым придется совершать скоростные пассажирские перевозки высоко в стратосфере?

По материалам журнала «Geo» подготовил А. ВОЛКОВ

Печать:
Mannin Media Group Ltd., Great Britain
Цветоделение: АО «Вокруг света»
Вывод фотоформ: Издательский центр «Техника-молодежи»
Экспедирование тиража:
АО «Молодая гвардия»
Подписка:
АО «Агентство подписки и розницы»
Индекс издания 70142
по каталогу Федерального управления почтовой связи.
Распространение оптом и в розницу:
Агентство «Инком-пресс»
тел. (095) 195-89-94

Полная или частичная перепечатка материалов — только с согласия редакции

Редакция не всегда разделяет точку зрения авторов публикуемых материалов

Редакция, к сожалению, не имеет возможности ответить каждому корреспонденту письменно

Ответственность за содержание публикуемой рекламы несут рекламодатели

Свидетельство о регистрации журнала № 929 от 13 ноября 1990 г.

Учредитель журнала: трудовой коллектив редакции

Издатель журнала:
АО «Вокруг света»
Совет директоров:
Сергей Житенев (председатель)
Александр Поleshук (генеральный директор)
Владимир Малиutin
Владимир Шилов

Цена номера по подписке 6000 руб.

Номер подписан к печати 30.08.95

Тираж 75 тыс. экз.

© «Вокруг света» 1995

ISSN 0321-0669

Адрес редакции:
125015, Москва, А-15,
ул. Новодмитровская, 5а, 16 эт.
Тел. (095) 285-88-83
Факс: (095) 285-09-30

Ежемесячный
научно-художественный
журнал
путешествий,
приключений,
фантастики

№9 1995

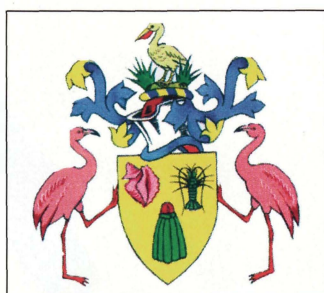
ГЕРАЛЬДИЧЕСКИЙ АЛЬБОМ 29

С.20

ЗАГАДКИ, ПРОЕКТЫ, ОТКРЫТИЯ

Сергей ДЕМКИН
Да будет дождь! 49

С.29

НЕВЕДОМЫЕ ТРОПЫ

Е.СОЛДАТКИН
Возмутители спокойствия 26

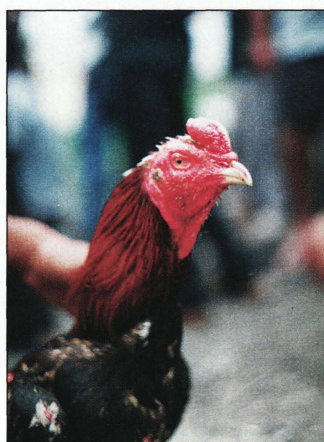

С.32

ПЕСТРЫЙ МИР 52

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ РОМАН

Алистер МАКЛИН
К югу от мыса Ява 54

С.39

АДРЕС 69

Ваш партнер —
«Ультрамар-Экспресс»
Средиземноморские Гавайи
Эти косые паруса
Бермуды
и мамина молодость

Редакционно-издательский совет:
Александр Полещук (председатель)
Юрий Веденин (зам. председателя)
Вильям Азар
Владимир Бельтюков
Сергей Житенев
Константин Ильяшевич
Владимир Лебедев
Юрий Мешков
Николай Непомнящий
Татьяна Ташева
Борис Федоров
Лидия Чешкова
Игорь Шабдурасулов

«Vokrug sveta»
 («Around the World»)
Magazine of Travels
Adventures & SF
Est. 1861

5A, Novodmitrovskaya str.
Moscow, 125015, Russia
Tel. (095) 285-88-83
Fax: (095) 285-09-30

Главный редактор
Александр Полещук

Заместитель главного редактора
Владимир Лебедев

Секретариат:
Николай Непомнящий
(ответственный секретарь)
Людмила Костюкова

Редакторы:
Лидия Чешкова
(ведущий редактор)
Игорь Алчеев
Лариса Боброва
Лев Минц
Валерий Орлов
Надир Сафиев
Вера Семенова

Отдел «Адрес»:
Юрий Мешков
Никита Кривцов

Дизайн и верстка:
Владимир Бельтюков
(главный художник)
Ольга Бойко
Алексей Городецкий
Константин Янситов

Заведующая редакцией
Надежда Малиничева
285-89-38

Финансовая группа:
Валентина Зеленина
(главный бухгалтер)
Ирина Евдокимова
Евгения Чубуркова
285-88-09

Менеджер по распространению
Александр Ребрик
285-80-58

Операторы
компьютерного набора:
Марина Грязнова
Галина Пожидаева
Галина Штуль

Приемная. Справки:
Любовь Андреева
285-88-83

Приложение «Искатель»:
Ответственный редактор
Евгений Кузьмин
285-88-84

Издательский дом
«Вокруг света»:
Генеральный директор
Вячеслав Заворотов
285-89-36

Рекламное агентство
«Вокруг света»:
Генеральный директор
Феликс Тамоян
285-80-79

Во время кенийского сафари я попал в заповедную саванну Масаи-Мара. Это путешествие было организовано туристским агентством «Альбион-тур» (с рекламой этой фирмы вы можете познакомиться на второй странице обложки). Там я встретился с кочевниками-скотоводами, и более памятных встреч у меня не было за все путешествия по Африке (а я побывал в пяти африканских странах). Слово «Мара» означает равнинную местность, покрытую точками, вероятно, имеются в виду деревья, например, заметная издали зонтичная акация. Но для меня Мара — это страна масаев, кочующих со своими стадами по всему неохватному пространству саванны, спокойно нарушая границы Кении и Танзании. Не я первый увлекся, просто «заболел» масаями. У кого не забьется сердце при виде высоких красавцев-воинов с наброшенным на одно плечо красным плащом, лишь с помощью копий и стрел наводивших в прошлом веке трепет на арабских работоторговцев. Недаром те молились: «О, Аллах! Убереги нас от встречи со львами и масаями!»

В. ЛЕБЕДЕВ,
наш спец. корр.

МАСАИ-МАРА, ИЛИ ВИЗИТ К ВОЖДЮ ВОИНСТВЕННЫХ БАБОЧЕК

Масаи грабили их караваны, отбирали слоновую кость и отпускали рабов. Предводители масайских родов — лайбоны — облагали чужеземных купцов данью. Хотя военная организация масаев была ослаблена межплеменными войнами, они были еще достаточно сильны в правление вождя Мбатиана, чтобы оказывать сопротивление англичанам. Масаи появлялись нежданно-негаданно среди бела дня и нападали на фермы первых европейских поселенцев в Кении.

И масаи, и туркана, и самбуру, что означает «бабочки», относятся к языковой группе нилотов. Их предки пришли, скорее всего, с верховьев Нила. Не зря на египетских памятниках имеются изображения рослых людей с длинными конечностями — расовая особенность нилотов.

Вот с этими самыми высокими на земле людьми мне и довелось повстречаться в Масаи-Мара и даже побывать в гостях в их деревне.

Когда мы пересекали бескрайнюю кенийскую саванну, то слово «Мара» обрело вполне конкретное значение, и было понятно, почему перед ним стоит «Масаи». Где бы ни появлялась в клубах красной пыли наша машина, всюду мы наталкивались на масаев. По многочисленным тропам, пересекавшим Масаи-Мара, шли от деревни к деревне женщины, увешанные бусами и браслетами, с вязанками хвороста и кувшинами воды. На возвышенностях застыли старики с посохами и молодые воины с копьями, охраняющие стада. Даже когда на берегу реки Мара мы разыскивали бегемотов, из-за кустов непременно выходили представители этого воинственного племени, предлагая ожерелья, где каждая бусина — фигурки слонов, носорогов и воинов-масаев.

С попытками масаев приспособиться к новым условиям жизни, их изобретательностью в этом отношении мы сталкивались не раз. Но однажды я был сражен наповал... На перекрестке дорог (если в саванне могут быть дороги) между масайской деревней, домики которой (о том, что это совсем не домики, и не круглые хижины-тукули, я расскажу позже) еле виднелись из-за живой изгороди, и лоджей-кемпингов для туристов, я увидел глинобитный сарай. Ну, сарай и сарай, казалось бы, чего особенного! Но на его стене было четко выведено черной краской: «Ole Kurpas Hotel». Несмотря на жуткий ветер, который бросал пригоршнями пыль в рот и глаза, я все же не удержался и вылез из машины, чтобы взглянуть на этот «отель» поближе. Толкнув болтающуюся в обе стороны дверь, шагнул через порог в темную комнату. За стойкой стоял... масай, правда, без копья, и бойко торговал пивом и сигаретами. За единственным столом можно было получить бутылку пива, которое, естественно, стоило намного дешевле, чем в туристском отеле «Olkurryk Mara Lodge», но конечно, гораздо дороже, чем в любой лавочке, тем более, что ближайшая забегаловка находилась отсюда в десятках километров. Тут же, около стойки, красовалось объявление о сдаче комнаты, в которую я, несмотря на все свое любопытство, не решился заглянуть.

Не успели мы миновать этот «отель», как по дороге нам стали попадаться группами и в одиночку масаи, словно сошедшие с глянцевого обложки журналов. Хотелось выпрыгнуть из машины и сфотографировать их всех, но наш бдительный шофер Самми, человек из мирного народа земледельцев-кикуйю, не

допускающим возражения тоном сказал: «Не высовывайтесь и не снимайте, а то получите стрелу или копье. Масаи гордые и сердитые, враз убьют, если, тем более, им не заплатишь».

И тут из клубов пыли, буквально из-под бампера машины вынырнул старик с ребятишками.

— Ладно, можете их снимать. Только заплатите каждому по сто шиллингов, — распорядился Самми.

Обычный старик в ветхом плаще полыхал у меня на снимке совсем другим. Словно это не он только что брел босым по пыльной дороге; на фотографии он походил скорее на сурового пророка, который, опираясь на посох, ведет свой народ в грозную даль.

Вслед за ним шли три девицы-подруги, попивая поочередно непонятный напиток из одной бутылочки. Красивые, высокие, в разноцветных платьях с бисерными ожерельями и... бритыми головами. Что ж, современная мода модой, а традиции гораздо устойчивее. На моем снимке всего лишь две девушки: третья отказалась фотографироваться — и не из-за того, что мы «унесем ее лицо», а просто потому, что ей не досталось ста шиллингов.

Мы тронулись дальше, наблюдая из окон машины удивительное зрелище. Навстречу нам двигались по двое, трое и больше масаи в ярких одеждах, кто с палками в руках, кто — с копьями. Вокруг саванна, по которой мчатся стада зебр и антилоп, а вдоль дороги идут и идут хозяева этой неохватной степи, возвращаясь в свои деревни с праздника. Вот и дом на отшибе у дороги, еле заметный за деревьями, вокруг которого еще толпились разноцветные группы масаев. Уже потом мы узнали, что здесь состоялось посвящение юношей в мораны. А как это происходит, нам объяснил старейшина одной из деревень самбуру, народа, родственного масаям.

Занятна сама история нашего посещения этой деревни. Как-то ранним утром Самми подошел к машине с таинственным видом и предложил съездить к самбуру.

— Там будет все: осмотр деревни, танцы, песни. И все это можете фотографировать. Только приготовьте по пятьсот шиллингов. — И королевским жестом он пригласил нас в машину.

И вот мы пылим по дороге через раскаленную саванну в пожелтевших зарослях колючек, откуда нестерпимо хочется вернуться на берега Пуасон-гиро — реки, тоже протекающей по саванне, но на берегах которой можно замечательно провести время за ловлей рыбы или отдохнуть в тени пальм. В мои прекрасные мечтания вторгается голос Самми, рассказывающий о земле самбуру, где днем в сорокаградусную жару опалает жаркое дыхание суховея, а по ночам пробирается дрожь от холода. В поисках травы вечные странники самбуру перегоняют стада коров, коз и овец с места на место и на вопрос, куда они направляются, отвечают: «Мы охотимся за дождем». И это правда — дождей здесь может не быть целый год.

Самми добросовестно отмечает, что на землях самбуру возникли небольшие поселки, где есть даже телефон и полиция, и все больше детей кочевников посещают школу, но, добавляет он, самбуру не хотят и слушать о разделе их земли, а когда им присылают в виде помощи немного кукурузы, то они не сеют ее, а едят сырой.

Объяснение тут простое: около селений самбуру почти никогда не бывает воды, ну а, кроме того, как все кочевники, они предпочитают мясо. «Овощи делают мужчину мягкотелым», — говорят они.

Вообще, как мы поняли из рассказа Самми, главное для самбуру — соблюдение традиций и крепость духа. «У нас твердые сердца», — важно кивая головами, поучают старейшины. Они подозрительно относятся к чужакам, не доверяют новшествам (делая, пожалуй, исключение для пива и радио: и то, и другое пользуется последние годы большой популярностью среди здешних племен) предохраняют молодых от соблазнов чужой жизни. Те подчас, окончив школу, отправляются в Найроби, чтобы устроиться плотником или даже стать полицейским, но большинство из них все же хотят стать воинами. «Воин, — говорят самбуру, — человек свободный».

Дорожные байки Самми настраивали нас на романтический лад и внушали трепетное почтение к самбуру, к чьей деревне мы вот-вот должны были подъехать.

Это чувствовалось потому, что Самми прекратил свои разглагольствования и строго предупредил, чтобы мы не забыли приготовить пятьсот шиллингов (что-то около двенадцати долларов). Да, близость деревни уже просто ощущалась во всей окружающей атмосфере, а, попросту говоря, казалось, что мы приближаемся к животноводческой ферме. Что тут поделаешь: в безводной степи люди живут скученно, вместе со скотом — и ни капли воды вокруг.

— Ну, и вонища, — охнул директор «Альбион-тура» Вадим Раянов, но покорно стал вытираться из машины, добавив: — Приготовьтесь к праздничному концерту.

И мы друг за другом пошли вперед, отдавая шиллинги какому-то деятельному самбуру с палкой в руке. Именно он вынул нас, показав, куда идти, так как поначалу мы расто-напросто не сообразили, где же разрушенная в честь нашего прибытия деревня и празднично разукрашенные самбуру.

Оказалось, деревня Гроро находилась всего в нескольких шагах от нас. Десятка два хижин, обнесенных изгородью из колючек, были настолько низкими, что буквально сливались с желтой саванной.

Позднее я нигде не мог найти название домов самбуру. У разных народов есть точные названия жилища: тукуль, яранга, изба, юрта. А тут перед моими глазами были совершенно непонятные сооружения: не то маленькие копешки, не то коробики, склеенные, связанные из кусков коры, дерева, каких-то тряпок. Настоящее убежище кочевника, доходившее мне до пояса. Позже в справочнике я прочел, что «у масаи и самбуру преобладают эллиптические постройки высотой до 1,2 метра». Мне бы хотелось, чтобы автор этих строк пожил в такой «постройке». Он, несомненно, живо дополнил бы свое описание личным — и нелегким — опытом...

Каркас стен самбуру плетут из веток, который крепят на столбах — перекладинах. Затем этот каркас покрывают сухой травой и обмазывают кизяком, не оставляя в жилище ни единого отверстия, кроме низкой двери.

Хижин стояли близко друг от друга, образуя замкнутый круг, куда и привел нас через узкий проход в изгороди человек с палкой, державшийся с односельчанами, как начальником.

И колючая изгородь, и плотно сдвинутые в круг жилища — все это было сделано для защиты скота от диких зверей. На свободную площадку между хижинами сгонялись на ночь козы и овцы, чтобы их не сожрали львы и гиены.

Сейчас на деревенской площади собралось все население деревни от мала до велика. Многие мужчины были с палками

в руках, а некоторые, стоящие у забора, держали наготове луки — это были охранники. Детишки бежали голыми, а самыми нарядными, конечно, были женщины. Все — завернутые в яркие ткани, украшенные бусами и браслетами.

Они уже, наверное, долго томились здесь на солнцепеке в ожидании нашего приезда. Как только мы ступили на площадку, вся сцена пришла в движение: женщины что-то монотонно запели, пританцовывая в такт мелодии.

Это действо явно повторялось для каждой группы туристов и, естественно, жителям деревни надоело до смерти. Но, что поделаешь, деньги уже заплачены, значит надо отработывать. Единственно, кто искренне веселился и радовался нашему приезду, так это ребята.

После танцев они вместе со своими матерями быстренько разобрали дорожки гостей и пригласили зайти в хижину. Мало кто согласился на это: некоторым, кто толще, было просто не пролезть в узкие дверцы. Я достался жене вождя, того самого энергичного самбуру с палкой. Она взяла меня за руку и подвела к одному из жилищ под большим деревом. Я согнулся в три погибели, и почти на четвереньках вполз-таки внутрь хижины и обнаружил, что это малая жилплощадь еще поделена перегородками на три части: в одной помещалась кухня и ягнята, а жилая часть состояла из женской и мужской половины. Когда глаза привыкли к полумраку, я разглядел кухонную утварь. На скамеечке резали лук и какие-то овощи, висящих на стене бурдюках, возможно, хранилось молоко, а может быть, даже кровь, которую собирают из проколотой на шее животного яремной вены, добавляют в молоко, и пьют этот целебный напиток, тем более, что воды-то зачастую просто нет.

На полу хижины у сложенного из камней очага лежала больная женщина, кормящая грудью ребенка. Дочь вождя стала предлагать мне разные поделки: бусы, деревянные фигурки, даже куклы. Я выбрал маленькую калебасу из высушенной тыквы, дав девочке сто шиллингов. Этот сосуд для воды я привез в музей нашего журнала, как памятный сувенир о деревушке самбуру.

В жилище самбуру было еще более жарко и душно, чем на улице, и я быстро пополз к выходу. Около дерева в кругу, обрамленном колючками, где обычно собирается совет старейшин, сидели вождь с палкой и еще один местный джентльмен в городской одежде, состоящей из майки с нарисованными на груди пальмами, длинных черных брюк и сандалов на босу ногу. На голове у него красовалось зеленое кепи с большим козырьком.

Это был здешний учитель по имени Инас Морис, обучающий детишек в небольшом сарайчике, находящемся неподалеку от деревни.

Вот там-то, за деревней, но в другом, более просторном помещении живут около месяца юноши, где под надзором старейшин и уважаемых женщин проходят обряд инициации, где молодежь также знакомится с законами и историей племени. Как все это происходит? Об этом и пошла беседа.

Мы сидим в кругу старейшин, а вождь и учитель, дополняя друг друга, повествуют о жестких правилах, которыми подчиняется вся жизнь самбуру, начиная с самого малого возраста, о ритуале инициации.

— Мы не делим землю. Весь мир — наш дом. Но мы — «владельцы белых коз» — так мы себя называем, и должны уважать традиции своего племени.

— Главное — нканюит, почтение к старикам и послушание. Кто не стремится к

почету, не хочет стать старейшиной и не имеет скота — тот никто.

— Поэтому молодых надо обучать нашим обычаям. Все в племени делится на три возрастные группы: юноши, воины, старейшины. Приблизительно раз в восемь лет наступает время э-муратаре — время обрезания, которому подвергают подростка лет в 12-14.

— Это у нас самый важный праздник. Юноши ожидают момента обрезания в темноте, в том самом большом доме за школой. Старейшины с ними беседуют о доблести самбуру, а женщины приносят белые покрывала, символизирующие чистоту, и повязывают их у пояса каждого юноши. Головы всем бреют и раскрашивают яркой охрой. Перед самым обрезанием они получают наполненные водой калебасы для омовения.

— Во время обрезания все громко поют песни, чтобы выгнать из тела страх и внушить мужество новым воинам. Хотя отцы волнуются, а матери кричат и плачут, но у посвящаемого в воины не должны дрогнуть даже веки. Кто сморщится от боли, закричит или заплачет, когда его режет мбае — острый нож, тот не только навлечет страшный позор на свою семью, но и никогда не станет воином. Но такого у самбуру не бывает — в нашем языке нет слова «боль».

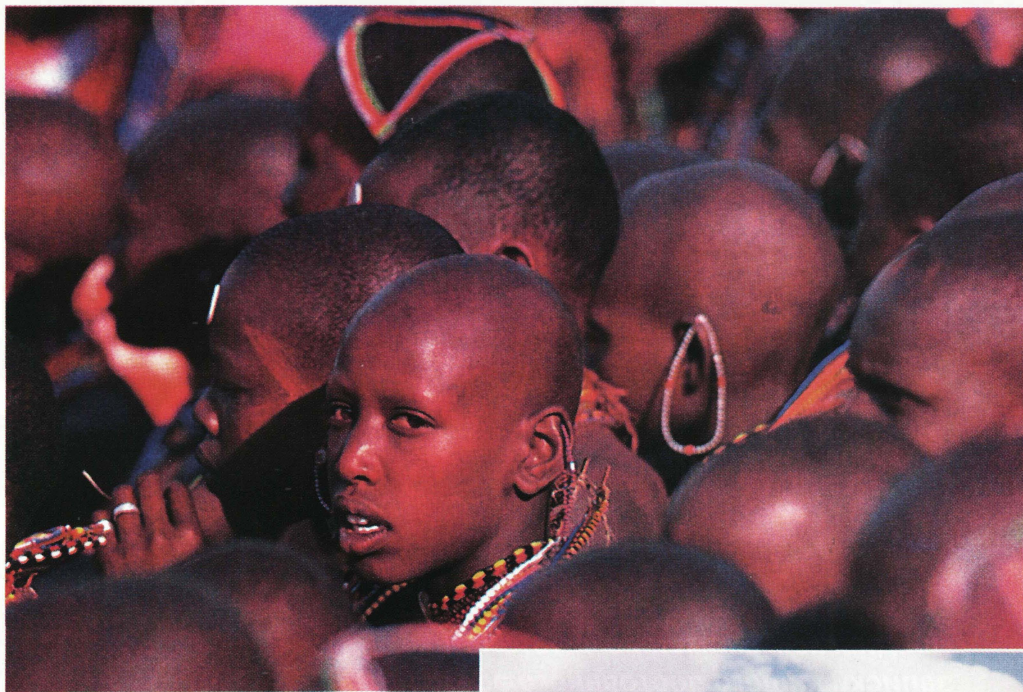
— И вот юноша становится на многие годы воином-мораном. А воин должен быть сильным, смелым, полным достоинства. У нас говорят, что мораны, как птицы, — ищут добычу в колочих зарослях. Они живут на отшибе от деревни, перегоняют скот в поисках корма, защищая его от зверей и воров. Поэтому ходят всегда вооруженные копьями и луком. Для морана дело доблести убить льва, браконьера или даже угнать овец у крестьян-земледельцев. На то они и воины!

Но воины должны быть и красивыми. Поэтому мораны отпускают длинные волосы, заплетают их в десятки косичек и смазывают коровьим жиром. Часами они раскрашивают лицо и все тело оранжевой охрой перед карманным зеркальцем, украшают себя пестрыми бусами, вдевают в уши серьги, чтобы понравиться незамужним девушкам, которые по традиции все принадлежат им, дело воина взять себе по душе. Но ни один воин не сядет есть с женщиной. Это ему разрешается после женитьбы, когда он становится старейшиной.

Невеста тоже должна пройти обряд обрезания перед свадьбой, лишь тогда она считается порядочной и непорочной. И ни одна девушка не противится этому, так как иначе не сможет стать женой, а значит, у нее не будет скота! А ведь иметь корову для самбуру — самое заветное желание.

— Жених выкупает невесту у отца за пять — семь голов скота. Три дня справляется свадьба, и все три дня невеста и жених не разговаривают друг с другом. Они и позже даже не касаются друг друга — это неуважение. Кровь быка, которую мужчины пьют еще горячей, завершает свадебное торжество. День спустя невеста покидает родной дом, нарядная, одетая в красную, выделанную и выкрашенную кожу козы, увешанная украшениями. Она следует в деревню мужа, прихватив с собой кое-какие пожитки.

Но она еще долго будет жить в доме свекрови и во всем ее слушать. Лишь став взрослой (ведь она выходит замуж лет в двенадцать), женщина строит свой собственный дом и садится впервые за один стол с мужем, чтобы разделить с ним трапезу.

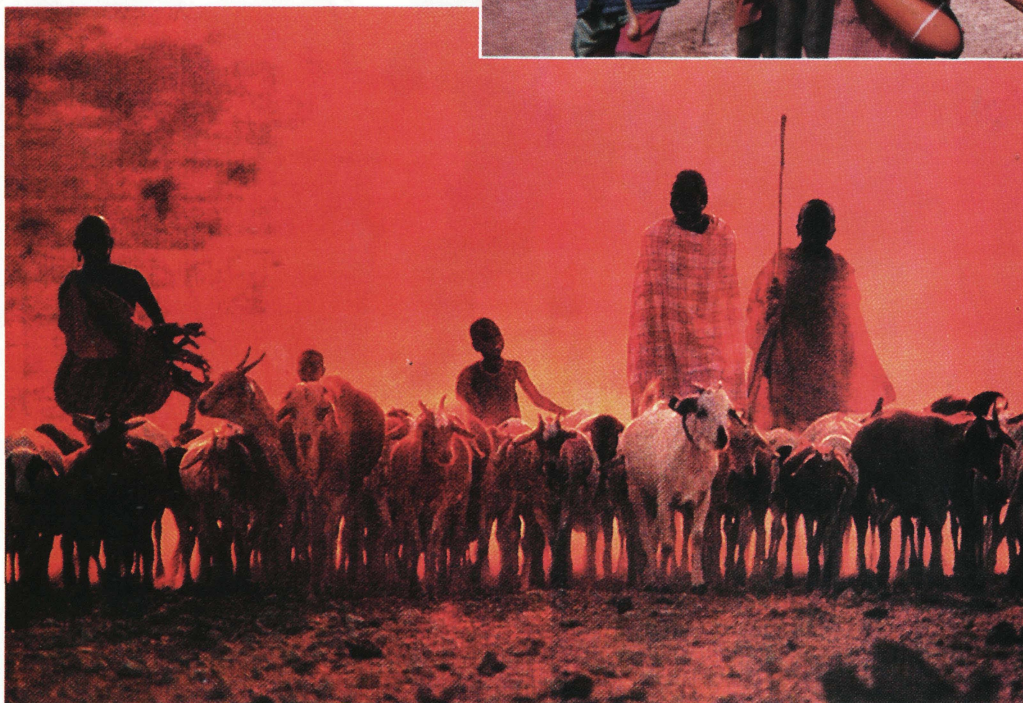
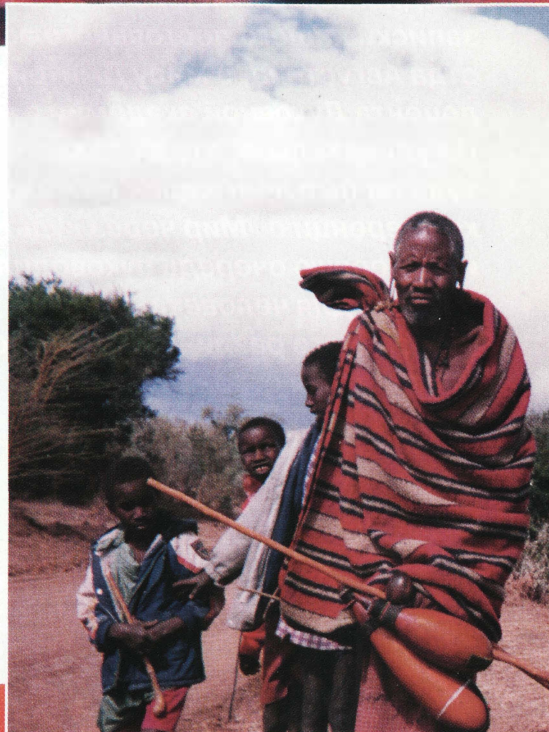

Но это когда воин становится старейшиной, примерно в возрасте тридцати лет. Он теперь вершит правосудие, разрешает споры, семейные и племенные проблемы. И конечно же, сможет позволить себе распить бутылочку пива и послушать радио. Он будет жить жизнью, которая, как говорят самбуру, пахнет жиром, молоком и дымом.

Беседа окончена, хозяева уже устали от гостей, да и нас изрядно припекло африканское солнышко. Я в последний раз оглядываю деревушку: купаются куры в пыли на площади, детишки куда-то тащат козу, женщина с ребенком на руках застыла у своей хижины. Да, это не яркие картинки из альбомов — это подлинная жизнь самбуру-кочевников, тяжкая и неприглядная. Наверное, правильнее сказать — для нас, приезжих чужаков. Но для гордого народа воинов-бабочек — это свобода и жизнь, которую они ни на что не хотят менять.

Кения

Фото автора и из журнала Grands reportages

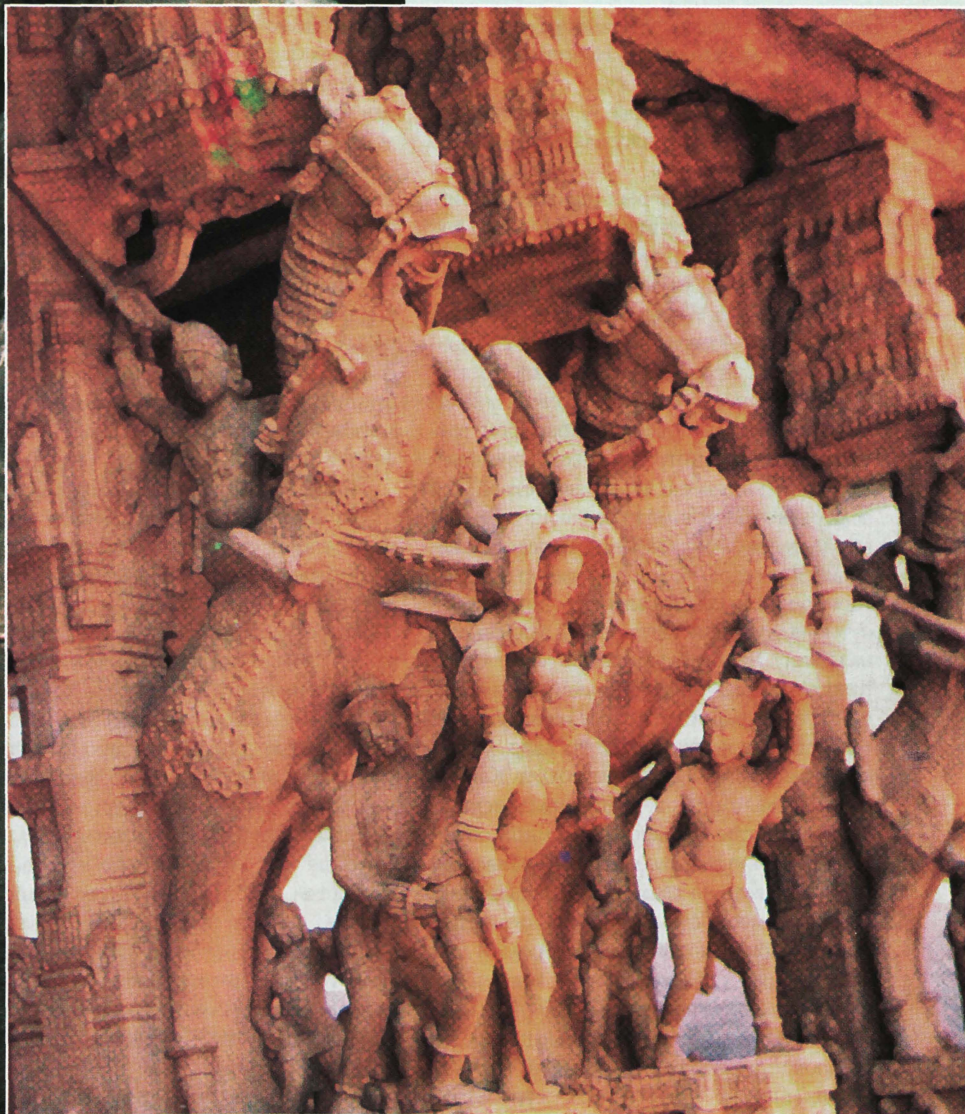

Архимандрит АВГУСТИН (НИКИТИН)

В ШАМБАЛУ... НА ПАРОВОЗЕ

Предлагаем вниманию читателей записки нашего постоянного автора отца Августина, в миру Дмитрия Никитина, доцента Духовной академии в Санкт-Петербурге. Не удивительно, что в странствиях по Индии, куда он был приглашен на международную конференцию «Мир через культуру», им в первую очередь руководили профессиональные интересы. А Индия для человека, изучающего различные религиозные конфессии, — благодатная страна...

МАТХУРА. ХРАМ КРИШНЫ

Я вернулся из Айодьи в тревоге: искры печально известных событий в этом индийском городе не затухли. Напомню: в конце 1992 года в Айодье индусские фанатики снесли мечеть Бабри Масджид и вместо нее воздвигли временный храм-шатер в честь бога Рамы, родившегося на этом месте. Этому в течение долгих лет предшествовали бесконечные споры, распри между индусами и мусульманами и, к сожалению, кровавые столкновения со многими жертвами...

А как обстоят дела в Матхуре, городе, где находится знаменитый храм Кришны? Чтобы узнать это, я решил отклониться от традиционного туристского маршрута в Агру с ее всемирно известным мавзолеем Тадж-Махал.

«Матра! Матра!» — кричит шофер автобуса, отправляющегося из Агры в Матхуру. Через полтора часа прибываем в этот город — один из крупнейших центров паломничества индусов, — место, где, как они полагают, родился Кришна. При въезде в город бросается в глаза большое число

солдат. Для городка, удаленного от границ, это тревожный признак. На пути от железнодорожного вокзала, куда пришел автобус, до центра Матхуры — полчася хода. По дороге то и дело вижу плакаты: «Матхура — город Кришны».

На улицах — обычная жизнь. Велорикши, обгоняющие путника, предлагают свои услуги. Из придорожной мастерской выходит мальчишка с большой корзиной на голове. Он несет на базар статуэтки индуистских божеств — гипсовые и ярко раскрашенные. Следуя за ним, я безошибочно достигну цели. И впрямь — вскоре возникает величественное, облицованное мрамором здание храма, воздвигнутого в честь Кришны.

Это сравнительно недавняя постройка, и если бы не три купола, украшающие ее, здание выглядело бы как черноморский санаторий 50-х годов. Из многочисленных лавок, торгующих религиозными сувенирами, несутся индуистские песнопения, записанные на пленку. Чаше других слышится — «Харе Кришна, Харе Рама!» (кришнаиты-европейцы позаимствовали эти слова из индуизма.)

Паломников, входящих во двор храма, встречает двойной контроль солдат. Каждого ощупывают и проверяют металлоискателем: опасаются терактов. Паломниц обыскивают женщины-солдаты за занавеской. Чтобы попасть на храмовую площадь, поднимаюсь вместе с паломниками по лестнице — и снова выборочный контроль, а при входе в храм солдаты еще раз проверяют уже обысканные ранее котомки и приказывают оставить их вместе с обувью в нише, за которой присматривает служитель.

Спрашиваю: почему такие строгости? Солдаты отмалчиваются, а офицер объясняет, что индуисты опасаются нападения мусульман, чья мечеть находится рядом с храмом. Истоки конфликта уходят в средневековье. В Матхуре было, по меньшей мере, четыре индуистских храма, посвященных Кришне, но три из них были разрушены мусульманскими монархами. В 1670 году могольский правитель Аурангзеб сравнял с землей величественный храм Кришны и на его месте построил мечеть Шах-и-Масджид.

С установлением британского владычества в Индии ислам утратил былое влияние, и индуисты смогли усилить свои позиции. В начале XIX века местной индуистской общине были переданы семь гектаров земли близ мечети Шах-и-Масджид. Но потребовалось еще более ста лет, чтобы на этом участке началось строительство храма Кришны. И сейчас в любое время у храма толпится народ — в отличие от мечети, где бывает многолюдно лишь по пятницам и большим праздникам.

В 1960-х годах духовные лидеры индуистской и мусульманской общин договорились, что храм и мечеть будут мирно соседствовать рядом. Однако в последнее время со стороны радикально настроенных индуистов все чаще раздаются голоса, требующие снести Шах-и-Масджид. И связаны их доводы с пещерой, которая считается местом рождения Кришны. Она расположена ря-

дом с храмом, и туда ведут указатели с надписью: «Место первого явления Кришны».

Внутри пещеры — статуя Кришны, кругом узоры, парча, курение благовонных палочек, служители, состоящие при святыне. Здесь, говорят индуисты, мог бы появиться еще один храм и включить под свою крышу эту пещеру. Но пещера почти примыкает к мечети — той ее части, которая обращена в сторону Мекки. Выходит, мусульмане, собирающиеся на молитву за этой стеной, невольно кланяются индуистской святыне... А возгласы муэдзинов, призывающих мусульман на молитву, пять раз в день перемежаются с индуистскими песнопениями в честь Кришны.

Но это лишь внешние поводы для религиозной конфронтации. Историки индуизма считают, что в эпоху мусульманского господства в Индии более трех тысяч индуистских храмов было либо разрушено, либо перестроено в мечети. Индуисты не настаивают на возвращении всего утраченного, но требуют передать в их полное распоряжение два самых почитаемых места: в Айодье и в Матхуре. Впрочем, вопрос с Айодьей уже решен, но, к сожалению, ценой крови и жертв. И в Матхуре не раз приходилось вызывать полицейские подкрепления для защиты мечети от решительно настроенных индуистов. А с 6 декабря 1992 года здесь постоянно находятся воинские подразделения, чтобы не допустить «второй Айодьи». Потому-то и автоматчиков на храмовом дворе, кажется, больше, чем паломников...

Между храмом Кришны и мечетью — глубокий ров, и рабочие строят ограждения с «мусульманской» стороны. Уже готовы бетонные столбы, а кое-где на них натянута колючая проволока. Солдаты несут дежурство по обе стороны будущей «берлинской стены». Они придерживаются нейтралитета. Среди них заметны сикхи в зеленых, армейского цвета, тюрбанах. Солдаты переговариваются через заграждения между собой и со строителями. Те тоже наняты за поденную плату — это их заработок, который приносит им межрелигиозная вражда. Здесь же установлены приборы ночного видения, чтобы обнаруживать злоумышленников в кромешной тьме.

Однако, действительно, темнеет, а еще надо побывать в мечети. Выхожу из индуистской «зоны» и, обогнув квартал, попадаю в мусульманскую. Снова путь лежит мимо храма Кришны. Вход в него украшен скульптурой: что-то вроде ангела с крыльями, а по обеим сторонам изваяния — голубые свастикки. Перед храмом — большой навес от солнца. Здесь на молитву и отдых собирается около тысячи паломников. При храме есть своя библиотека, школа и лечебница, где помогают больным, используя рецепты древней медицинской книги Арьюведы.

На пути к мечети пересекаю полузаброшенную железнодорожную колею, идущую проулками, минуя загон для скота. Лестница, ведущая наверх, упирается в вышку с часовым и провололочными заграждениями.

Уже смеркается, и поэтому начальник караула не разрешает войти во двор мечети. Впрочем, ее портал хорошо виден и индусам. Перед входом во двор — как и в индуистском храме — солдат больше, чем молящихся. Один солдат оказался разговорчивее других. Сам он — баптист, и к местным религиозным проблемам относится нейтрально. Рад, что в этот спор не вовлечены христиане и что войска были введены сюда своевременно, до «большой крови»...

Матхура и Айодья — две горячие точки, вызывающие головную боль центрального правительства. Третий священный город индуистов — Варанаси: там находится грандиозный храм Шивы. К счастью, там пока все спокойно.

АУРОВИЛЬ. ГОРОД БУДУЩЕГО?

Четыре старомодных автомобиля медленно подруливают к стоянке у бетонного заграждения. Пассажиры просят собраться у пропускного пункта. Охранник строго смотрит на визитеров, но сопровождающий тихо говорит ему что-то, и тот соглашается пропустить группу.

...Перед нами огромный шар, диаметром около 40 метров. В его золоченых пластинах отражаются лучи солнца. Он кажется инопланетным кораблем, приземлившимся на красноватую почву среди тропического леса. Бетонная лестница ведет внутрь «объекта». Следует команда: сдать оптику, построиться в затылок. Проходим мимо нового охранника, который пересчитывает нас — ровно 20 человек. Где-то рядом слышны очереди, похожие на автоматные.

Лестница-спираль приводит к центру шара. Здесь очередной досмотр и очередная команда: снять обувь, оставить вещи. Сопровождающий вместе с охранником разбивают группу на пятерки, и каждая медленно поднимается к последнему посту. Он расположен перед затемненным входом, ведущим в неизвестность. Каждому выдается пара белых носков, которые приказано надеть поверх своих.

Тихо входим в «святая святых». В центре зала, как бы подвешенного к вершине круглого здания, — полированный хрустальный шар, около метра в диаметре. Он покоится на четырех шестиконечных звездах, стоящих вертикально. В зале полумрак. Лишь луч света, проникающий через отверстие в куполе, падает на хрустальный шар, освещая близлежащее пространство. Вошедшие рассаживаются на полу, на белые плоские подушечки — кто у круглой стены, кто у одной из 12 колонн, поддерживающих перекрытие. В полной тишине все сосредоточенно смотрят на светящийся шар. В зале около ста «допущенных»; значит, наша группа — одна из пяти...

Все это напоминает сон или, что точнее,

одно из сюрреалистических полотен Дали. Мы находимся в «Матримандире», в зале для «медитаций и концентраций», для самостоятельного исследования «внутренней Истины». А сам гигантский шар — «Матримандир» — расположен в центре Ауровиля — «города будущего».

Ауровиль лежит в 160 километрах к югу от Мадраса, близ Пондишери, бывшей французской колонии. С Пондишери тесно связаны судьба как Ауровиля, так и его духовных родителей, а ими были Шри Ауробиндо (1872 — 1950) и Мирра Алфасса (1878 — 1973).

Что объединило этих людей? Ведь один родом из Калькутты, а другая — из Парижа. Поиск Истины, ну и, конечно, счастливое стечение обстоятельств. В возрасте 21 года Шри Ауробиндо закончил курс обучения в престижном Кембридже и вернулся на родину, где вскоре включился в освободительное движение. В 1908 году он был арестован и после выхода на волю перебрался в Пондишери: французы терпимее относились к индийским патриотам, которых преследовали англичане.

К тому времени, когда Мирра отправилась в Индию, Шри Ауробиндо уже приобрел известность благодаря своим философским работам. В 1914 году состоялось их знакомство, и Мирра стала последовательницей своего индийского наставника. Она постоянно жила в Пондишери и в 1926 году основала здесь общину (ашрам) последователей Шри Ауробиндо, который развивал систему «интегральной йоги». К этому времени их число достигало двух тысяч человек. Вслед за Ауробиндо они стали называть Мирру «Матерью».

Когда Шри Ауробиндо скончался, его с почестями похоронили на территории ашрама. А когда пришло время «конечного ухода» Матери, ее погребли близ могилы Шри Ауробиндо, и ныне во дворе ашрама устроено общее мраморное надгробье — «самадхи». Это место паломничества последователей и почитателей двух основателей нового философского направления.

В Пондишери любой житель укажет путь к ашраму. В городе довольно много европейцев, но это, как правило, не туристы. Хотя каждый из них держится наособицу, их невидимо объединяют «интегральная йога» и ашрам. Похоже, что многие из них успели обжиться и чувствуют себя как дома. По городу разъезжают на велосипедах и мотоциклах, в тапочках на босу ногу; через плечо перекинута полотняная паломническая котомка.

...Привычно снимаю обувь при входе и прохожу в небольшой дворик, где находится «самадхи». К мраморному надгробью, сплошь покрытому живыми цветами, приникли несколько человек. Остальные сидят поодаль, предаваясь духовным размышлениям. Здесь и индийцы, и европейцы. На металлической подставке курятся благовонные палочки. К вечеру их становится все больше и больше, как и посетителей, пришедших

сюда для общей медитации.

В полвосьмого вечера раздается звон колокольчика, гаснет свет, лишь сверху фиолетовая лампочка подсвечивает надгробье. Тишина становится все более насыщенной. В полумраке мерцают красные точки курящихся палочек. Облако дыма обволакивает застывшие фигуры. Через 20 минут снова слышится звон колокольчика, вспыхивает свет, медитация окончена, но люди не спешат расходиться. Кто-то поправляет цветы в вазах, украшенных шестиконечными звездами. Такие же звезды на мраморном надгробье. Это древний индуистский символ: и сегодня в Индии можно видеть, как в деревнях женщины украшают им землю перед входом в жилище.

По окончании медитации привратник доверительно сообщает, что на следующий день для желающих будет организована поездка в Ауровиль с посещением Матримандира — храма Матери. И если ваше имя попало в список, считайте, что вы получили допуск по «форме № 1». Я, по счастью, как уже знает читатель, в этот список попал.

«Где-нибудь на земле должно быть место, которое ни одна страна не могла бы считать своей собственностью, где все люди доброй воли, искренние в своем устремлении, могли бы жить свободно, как граждане мира, повинаясь только одному авторитету — высшей Истине», — так писала Мать в 1954 году. Постепенно предвидения, основанные на идеях Ауробиндо, начали воплощаться в реальности благодаря трудам и усилиям Матери. 28 февраля 1968 года пять тысяч человек прибыли на церемонию рождения Ауровиля. Горсти земли из 127 стран мира были символически смешаны и помещены в хранилище — «торжественную урну».

В то время лишь одинокое дерево — старый баньян — стояло в центре «города, в котором нуждается земля». Сегодня в Ауровиле 800 постоянных жителей, прибывших из многих стран, а плато, когда-то пустынное, засажено более чем двумя миллионами деревьев...

Согласно закону, принятому индийским парламентом, Ауровилу предоставлен особый статус, который должен способствовать успешной реализации принципов, провозглашенных в Хартии Ауровиля.

Центр будущего города — Матримандир. Строительство его было начато в 1972 году и скорее всего завершится к концу этого года. Так сказал нам прораб-индиец. Верхняя часть огромного шара с залом для медитаций уже готова, работа идет на уровне земли. Именно здесь стучат автоматными очередями отбойные молотки. От Матримандира спиралями расходятся четыре зоны города — жилая, культурная, международная и индустриальная. За ними — «зеленый пояс» ферм и лесов. В международной зоне — павильон Индии, его строительство подходит к концу, и в нем расположены библиотеки, культурные и торговые центры, а также офисы городской администрации.

В Ауровиле существуют коммунальные

службы, Центр здоровья, налажены различные производства — от изготовления арахисового масла до компонентов электронных схем и компьютеров. По отдельным проектам ожидается финансовая поддержка от многих организаций, включая правительство Индии и ЮНЕСКО.

Как и многие города, Ауровиль имеет генеральный план развития — его население должно достигнуть 50 тысяч человек.

«Ауровиль создается, чтобы воплотить идеал Шри Ауробиндо, который учил всех последователей карма-йоги. Жить в Ауровиле — значит практиковать йогу труда. Каждый житель Ауровиля должен заниматься какой-нибудь работой и выполнять ее, как Йогу», — такова одна из заповедей кодекса строителей Ауровиля.

Интересно, какое будущее ждет этот город будущего?

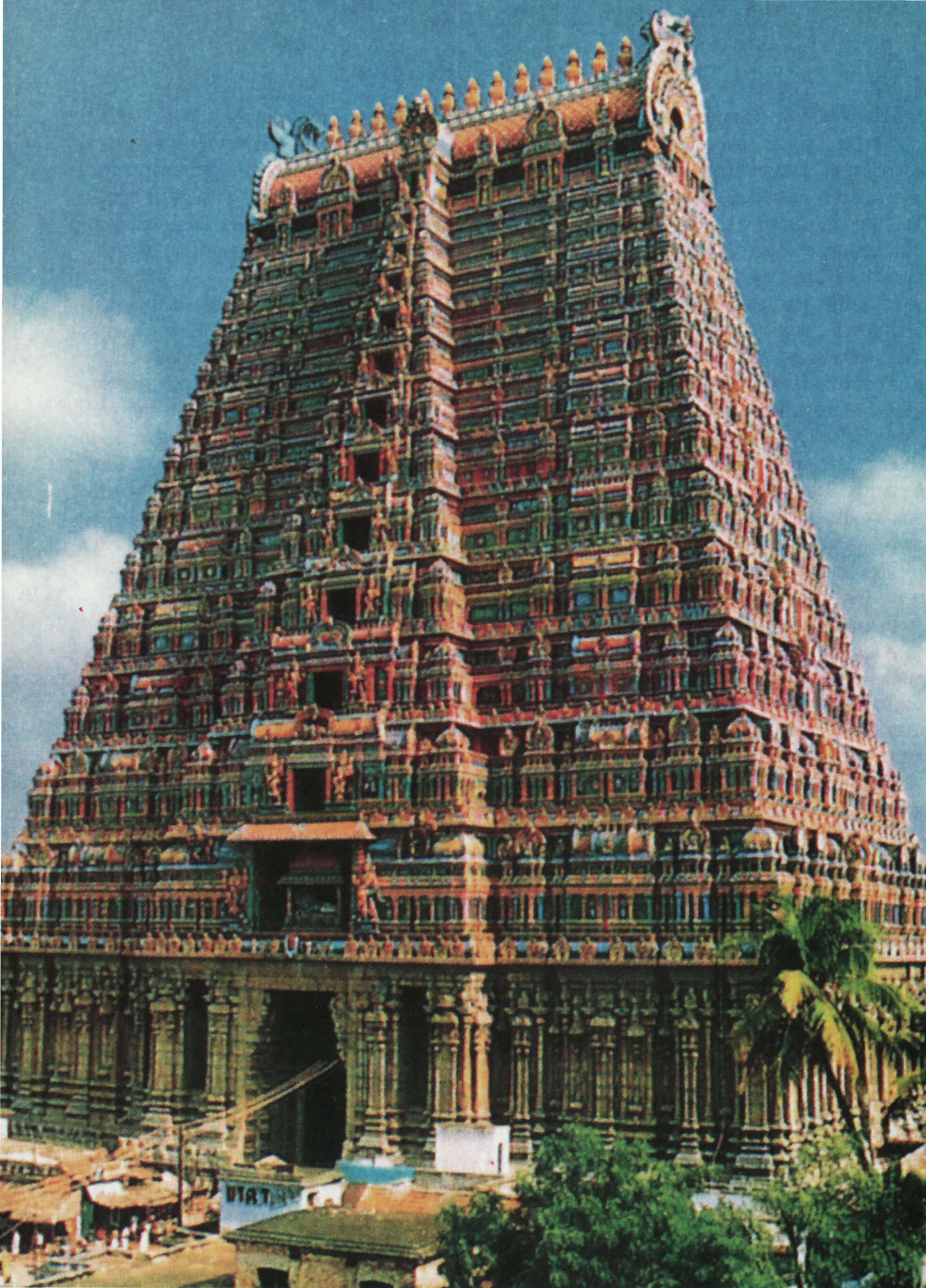
СРИРАНГАМ. ВОСЬМОЕ ЧУДО СВЕТА

Мог ли я миновать город, где, как мне говорили, находится восьмое чудо света? Но сначала о его соседе, тоже небезынтересном городке. Название Тиручираппали, бывшей столицы царства Чола, трудно произносить даже местным жителям-тамилам. Поэтому город, расположенный в 300 километрах к югу от Мадраса, в обиходе называют Триши.

Жители Триши непременно посоветуют гостям посетить «рокфор». Так звучит по-английски в их произношении «крепость на скале» (rock fort). Она видна отовсюду — городок словно облепил это величественное сооружение. Снизу кажется, что это действительно крепость, но стоит подняться на скалу метров на сто, как ты убеждаешься, что это не так.

Подъем начинается у храмовых ворот, возведенных на центральной торговой улице. Опять по просьбе привратника оставляю обувь при входе и начинаю подниматься по ступенькам, вырубленным в скале. Путь идет в тоннеле, и на каждом повороте устроена площадка, а по бокам — храмы. Самый большой из них построен в честь Шивы и Парвати. Сюда устремляются паломники, в руках у многих приношения: плетеные тарелочки с цветами и кокосовыми орехами. При входе в храм надпись: «Только для индустив». Это — вежливая форма запрета для иностранцев — европейцев или японцев здесь без труда выявляют. А вот с индийцами сложнее — ведь может войти индиец-мусульманин и индиец-христианин. Во избежание ошибки, храмовый жрец, опустив палец в красный порошок, ставит паломникам метку на лбу, и при выходе ясно, что индийцы, побывавшие в храме, — индуисты. Ну, а я — увы! — прохожу мимо, хотя звуки барабанов и труб, несущиеся из храма, завораживают.

Поднявшись еще на два «этажа», оказы-

**Гопурам
в Срирангаме**

ваюсь перед древним храмом Шивы, вырубленным в скале в начале VII века. Над этим небольшим, с каменными барельефами сооружением, нависает выступ скалы, увенчанный еще одним храмом. Гранитные ступени ведут все выше, тоннель позади, и можно взглянуть на город с высоты птичьего полета.

В Триши поражает сочетание традиций Востока и Запада. Здесь некогда пересеклись интересы англичан и французов, и потому протестантские и католические миссионеры старались обратить в христианство местных жителей, в чем и преуспели. Подтверждение этому — величественный готический собор в честь Лурдской Божьей Матери, выстроенный французскими католическими миссионерами. Его колокольня отражается в бассейне, где индуисты совершают ритуальные омовения. Слева от собора видны белые минареты мечети. Звон колоколов, зовущих на мессу, сливается с возгласами муэдзина, и все это переплетается со звуками индуистских барабанов и труб...

Вершина скалы уже близка; ее венчает храм, воздвигнутый в честь Ганеши, сына

Шивы. Здесь паломники отдыхают, любуются окрестностями города. Внизу все утопает в зелени пальм и полей, а на другом берегу обмелевшей реки Кавери виден огромный гопурам — ворота, ведущие во внутренний двор индуистского храма. Этот храмовый комплекс находится в близлежащем городке Срирангаме, и я туда непременно доберусь.

Спустившись вниз, к выходу из городского храма, украшенному каменными изваяниями слонов, вижу настоящего слона, который медленно шествует по главной улице Триши. Это не аттракцион для туристов, здесь их немного, слон работает «на себя». Подойдя к животному, индуист кладет на кончик хобота мелкую монетку (10 — 20 пайсов), и слон возлагает хобот на голову паломника, как бы благословляя его. Так слон зарабатывает себе «на сено».

Подобные сцены можно увидеть не только в Триши, но и в соседних городах: Мадурай, Танджавуре, Рамешвараме. Для индуис-

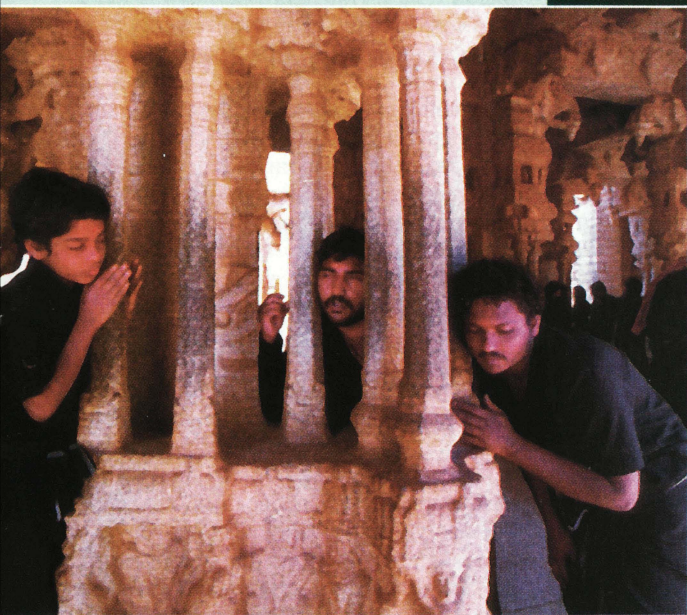
тов-тамилос слон — священное животное, посланец Ганеши (не случайно Ганеша изображается с головой слона), и после того, как благословение получено, паломник складывает ладони и благодарит животное за оказанное внимание. Причем, это происходит не только на улицах, прилегающих к храму, но и в самом храмовом дворе, где у слона есть своя выгородка. Лоб животного расписан ритуальными узорами, вокруг шеи — сбруя с колокольчиками. Иногда погонщик отправляется со слоном на автовокзал. Здесь слон просовывает хобот в окна автобуса, ждущего отправления, и собирает дань с пассажиров, раздавая благословения.

...Автобус, до предела забитый паломниками, быстро добирается до Срирангама и разворачивается перед гопурамом. Местные жители привыкли к этому монументу, но меня он ошелмляет. Как и других гостей, посещающих городок впервые. Перед нами высятся 13-этажное кирпичное строение, покрытое штукатуркой под цвет мрамора. Эта пирамида пестрит рельефами тысяч ярко раскрашенных персонажей. При входе в ворота — памятная доска с надписью по-тамилски и по-английски, сообщающая, что постройка гопурама была закончена 25 марта 1987 года, что это сооружение имеет высоту 235 футов (более 70 метров). Уверен, что если бы это здание было возведено в древности, его непременно нарекли бы одним из чудес света.

Множество паломников входит под своды гопурама — самого высокого в Индии. Над сооружением этого колоссального портала трудилось 250 рабочих в течение 15 лет. По первоначальному проекту гопурам должен был иметь 11 этажей, но по «божественному внушению» или по собственному почину старший жрец этих мест не преминул добавить еще два — «один для бога, другой для мира».

Пройдя через главные ворота, я вместе с паломниками оказался не на храмовой площади, как ожидал, а на обычной городской улице, опоясывающей площадь: лавки, закусовые, парикмахерские, рой колесного транспорта. Здешний храм превратился в город. Нужно миновать еще одни ворота, чтобы увидеть внутренний двор храма. А чтобы войти туда, надо пройти и третий гопурам.

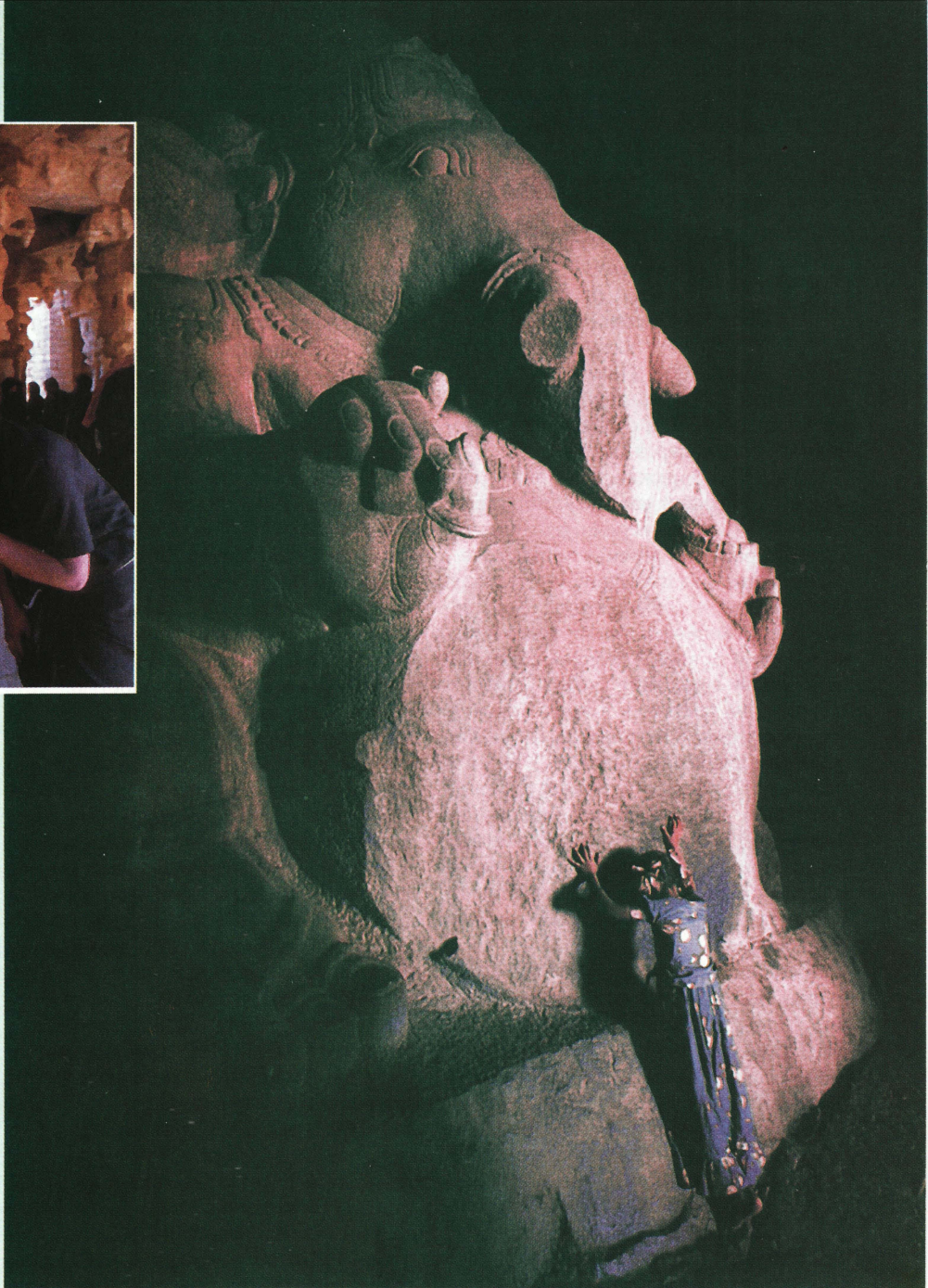
В глаза бросается множество нищих-калек. Кого-то везут ко входу, кто-то сам ползет по земле. Слева от храмовых ворот — огромная колесница. Каждое ее колесо больше человеческого роста. В праздники сотни паломников тянут ее по улицам города, впрягшись в повозку и держась за канаты длиной по 30-40 метров. Здесь же — две деревянные лошадки. Они похожи на тех, что бывают на детских каруселях. Но это ритуальные скульптуры — на лбу каждой изображен трезубец. Замечаю группу туристов — оставив обувь в своем автобусе, шлепают по коричневой недавно прошел дождь, и грязь не успели смыть. Но они кое-как приспособились: на ногах у одних — полиэтиленовые пакеты, у других — шапочки для душа.

Описывать интерьер храмов не берусь — достаточно сказать, что местные индуисты сами не всегда могут здесь сориентироваться. Перед входом в храм Срирангам для них помещен план интерьера, где указаны 83 объекта поклонения! А таких храмов здесь несколько. При входе в главное святилище, как обычно, надпись: «Только для индуистов». Здесь дежурит страж с металлоискателем и проверяет каждого входящего. Тут же — камера хранения. Как говорится, оставь все вещи «всяк, сюда входящий». Видно, пошаливают местные исламские фундаменталисты. Но в руках у паломников не бомбы, а кокосовые орехи для жертвоприношений. Любопытно еще одно объявление при входе: «Больше одного кокоса не вносить».

В святилище, где таинственно мерцают в золотых отблесках статуи божеств, мне не попасть. Но в одном из храмов устроен музей индуистской скульптуры. И я направляюсь туда мимо бассейна для омовений. На ступеньке у самой воды ловит рыбу кот. Он воспринимается здесь как экзотическое животное: ведь в Индии глазу более привычны храмовые обезьяны. Еще один «ловец» — местный садху. Его техника проста: он подходит к иностранцам, ставит им метку на лоб и просит записать свои имена в особую тетрадь. После этого выясняется, что это регистрация пожертвований, и простодушные туристы в графе «счет» видят цифры в десятки и сотни рупий.

Под сводами храма-музея собраны древние каменные и бронзовые скульптуры. Вот Натараджа — одно из воплощений индийского бога разрушения и созидания Шивы, танцующего на спине поверженного им демона. Это — знаменитый «космический танец». В стремительном движении все четыре его руки, высоко поднята одна из ног, а в стороны разлетелись длинные пышные волосы аскета. Здесь же изваяния многочисленных воплощений Вишну, сына Шивы — Ганеши, богинь Парвати, Дурги, Лакшми. На протяжении веков мастера создавали этот обширный индуистский пантеон, и многие из них

Колонны в храме отзываются на прикосновение мелодичными звуками...

Поклонение Ганеше. Этот бог с головой слона обещает верующим удачу в путешествиях и торговле.

Фото из журнала «Гео»

вложили в камень и бронзу свою душу.

Время летит незаметно, пора бы и перекусить. Паломники целыми семьями садятся прямо на землю перед храмом и начинают трапезу. К их услугам — храмовая кухня, где можно получить порцию вареного риса на банановом листе. Но эта пища только для своих, и ее едят руками. Где-то квартет музыкантов исполняет ритуальные песнопения, и музыка через динамики разносится по всему двору, дробясь внутри храма, который носит название «тысячестолонного». Напротив — танцующие апсары, вздыбленные кони в натуральную величину и множество

других уникальных скульптур. Вход в один из храмов охраняют два слона, также высеченные из камня.

В храмовый двор можно попасть через один из четырех входов; они ориентированы по четырем сторонам света. Если идти в сторону, противоположную главному гопураму, то нужно миновать точно такой же тройной барьер ворот, как при входе. Это — как бы закулисная часть храмового комплекса. Вот лежат запасные колеса для праздничной повозки, вот чья-то шкодливая рука нарисовала на основании вторых ворот серп и молот — эмблему, совершенно не сочетающуюся с индуистской символикой. Это, видимо, дело рук местных левых. Ко второй храмовой стене примыкает хлев, вдоль стены тянется ряд пальм с пронумерованными стволами: у каждой свой владелец. Между второй и третьей стенами — жилые дома, мастерские, лавки. За третьей стеной сразу же начинается деревня...

Заходящее солнце освещает гигантский гопурам, и его фантастические персонажи по-новому предстают передо мной.

ДАРДЖИЛИНГ. В ШАМБАЛУ... НА ПАРОВОЗЕ

«**Л**ама, подобный средневековому изваянию, указал на пять вершин Канченджанги и сказал: «Там находится вход в священную страну Шамбалу». Помня эти слова Н.К.Рериха, я задумал приблизиться к загадочной Шамбале и отправился в Дарджилинг — на север, в Гималаи.

Сегодня до Дарджилинга можно добраться на обычном автобусе, но я предпочел более экзотический путь — по железной дороге, на стареньком паровозе.

Станция Джалапайгури — узловая, иностранцам, которые делают здесь пересадку, не миновать паспортного контроля. Оно и понятно: городок стоит как бы в узкой горловине, через которую идет путь на восток — в штат Ассам. С юга — граница с Бангладеш, на севере сразу три рубежа: с Непалом, Китаем и Бутаном. Прямо на железнодорожной платформе лагерем расположилась на ночь рота солдат, а к услугам транзитных пассажиров — «дормиторий» — комната отдыха при вокзале, где под сетками от москитов за умеренную плату можно сомкнуть глаза.

Поезд на Дарджилинг отходит утром от перрона, стоящего на отшибе от прочих. Путь узкоколейный; длина дороги всего 51 километр. Она построена в 1879 — 1881 годах Франклином Престиджем, инженером британских колониальных войск. В справочнике по Индии конца прошлого века ее называют «шедевром инженерного искусства» — ведь эта железная дорога проходит по горным отрогам, на высоте 2200 метров.

К перрону, пыхтя и свистя, медленно приближается паровозик с тремя вагончиками. Один из них — багажный, другой — для толстосумов — пассажиров первого класса. Так что почти все пассажиры рассаживаются в среднем вагончике II класса. Это сельские жители с баулами, многие знают друг друга. В общем, поедем большим колхозом. Среди пассажиров выделяется босой аскет-индуист с трезубцем на лбу, нарисованным белой краской.

До отправления еще четверть часа, и можно походить рядом с паровозом, украшенным спереди трезубцем и свастикой, древними индуистскими символами. На паровозике красуется натертая до блеска медная табличка с номером 782 и надписью по-английски: «Mountaneer» (*горец*). Никто не знает, сколько раз уже разбирали «Горца» в ремонтном депо. По крайней мере, другая табличка сообщает: «Восстановлен в 1939 году». Проводник, признав во мне иностранца, сообщает, что вагончик первого класса гоняют в составе по давней традиции. Ведь англичане, строившие узкоколейку, за-

ботились о своем комфорте. Ослабленные малярией офицеры колониальных войск ездили по ней на отдых в горы...

Паровоз издает хриплый, словно простуженный в горах, свисток, и составчик трогается в путь. Точно по расписанию. Поезд курсирует всего раз в день, поэтому местные жители плотно обжили придорожное пространство. Путь идет мимо лавок; под навесами что-то жарят, тут же на путях люди завтракают, священные коровы упорно не хотят освобождать полотно и с удивлением смотрят на шипящее и дымящее чудо.

Первая остановка — соседний Силигури — райцентр, где желающих сесть в поезд гораздо больше, чем мест. Начинается штурм вагончика: родители просовывают детей через окна, а потом сами идут на приступ. Те, кому не удалось втиснуться в вагон, устраиваются на крыше, куда поднимают корзины с визжащей и квохчущей живностью. Хотя трасса высокогорная, тоннелей на пути нет, и можно ехать на крыше, без риска сломать шею. Пока идет «битва при Силигури», машинист сливает из паровоза отработанный кипяток прямо на платформу через краник — как из самовара. А на привокзальной площади под навесом стоит дедушка здешних паровозов по имени Беби, 1881 года рождения.

Наш «Горец» запасается водой перед началом подъема. Рельсы, извиваясь, неуклонно ползут вверх. Постепенно зеленые чайные плантации по склонам гор сменяются вечнозелеными дикими зарослями. Становится прохладнее, но не для нашего труженика-паровоза. Он хочет пить, и через час пути машинист останавливает состав прямо у водопада, который приспособлен вместо водокачки: горный поток направляется прямо в железный бак, прилепившийся к обрыву, а оттуда по трубе — к паровозу. Пока паровоз заправляется, машинист смазывает трущиеся части хитрого механизма, а кочегар сыплет шлак под откос, как это заведено здесь больше века назад.

Вскоре начинается нижняя граница облаков, но из окна вагона хорошо видны заснеженные горные вершины. Скалы все ближе подступают к колее, и неосторожный пассажир, чуть высунувший руку из окна, запросто может получить ушиб или более серьезную травму. Проводник рассказывает, что внешний рельс железнодорожной колеи расположен выше, чем внутренний. Это сделано для того, чтобы в случае аварии поезд опрокинулся не в пропасть, а на насыпь. Некоторые участки трассы носят соответствующие названия: «Точка агонии», «Поворот «Боже, пронеси». Время от времени муссонные дожди смывают участки полотна, и движение прекращается на несколько дней.

В прошлом караванный путь в Дарджилинг шел теми же ущельями, что и сегодня, поэтому железнодорожная колея иногда пересекает шоссе, а иногда идет

рядом с ним. Никаких шлагбаумов нет и в помине: кто будет дежурить у них ради двух составов? А вот и встречный поезд: он осторожно спускается с холма по большой петле, и мы приветствуем гудками друг друга. Можно посмотреть на себя как бы со стороны: такие же вагончики на 33 сидячих места, только паровозик называется «Орел Гималаев». Как и наш «Горец», «Орел» пыхтит и вместе с дымом выбрасывает угольную крошку, которую пассажиры потом долго вытряхивают из волос, карманов и даже ушей...

На станции Гиндхарья — большой привал: паровоз снова жадно пьет воду, а пассажиры — чай в станционном буфете. Здесь поездная бригада меняется; по вагону идет новый проводник, а в начале состава пыхтит свежий «Король гор».

За окном стеной поднимаются заросли бамбука. В этих труднодоступных местах бамбук некому заготавливать, и он достигает высоты трехэтажного дома. Вот железнодорожная колея упирается в склон, круто уходящий вверх. Рельсы кончились, но это еще не конец пути. По боковой, параллельной колее паровоз «перепрыгивает» из головы в хвост состава. Переводится стрелка, и мы задом наперед движемся вверх, зигзагами, пока снова не упрямся в отвесную скалу. Тогда снова приходится перепрыгивать «Короля». И так — более десятка раз, ведь Шамбалу не обведешь по кривой.

Гхум — высшая точка дороги, и надпись на железнодорожной станции указывает высоту 2257 метров. Проводник утверждает, что это — высочайшая железнодорожная станция в мире, ему очень хочется в это верить... Здесь в Гхуме, созерцая панораму окружающих гор, я различал на вершинах контуры гардзонгов — сторожевых башен, с которых издревле оповещали местное население о приближении завоевателей.

После Гхума дорога идет под уклон, и путь до самого Дарджилинга проходит рядом с автомобильной трассой. Дарджилингский вокзал выстроен в викторианском стиле — как при большой, «настоящей» железной дороге. Здесь и зал ожидания, и комнаты отдыха, и буфет, и багажное отделение. В привокзальном депо, как в стойле, томятся без дела паровозы-ветераны. Впрочем, правительство Индии изучает проекты расширения Дарджилингской железной дороги с целью использовать ее для грузовых перевозок, в которых испытывает нужду население горных районов. Трудно сказать, насколько выполнимыми окажутся подобные планы, но хочется верить, что эта дорога, уходящая в поднебесье, сохранит свой неповторимый облик.

Выйдя на привокзальную площадь, я сразу увидел освещенную закатым солнцем, парящую над высокогорьем, белорозовую вершину Канченджанги. Отсюда, как считал Рерих, начинается путь в сказочную Шамбалу...

ИНДИЙСКИЙ КАНАТ

Тайна, мастерство, мистика — все эти слова уместны, если говорить об индийских фокусниках. Бывая в Индии, я искала книги о них в библиотеках и старалась посмотреть их представления. В стране есть разные труппы — одни такие большие, что возникают проблемы с гастролями — вес реквизита составляет несколько тонн. Но чаще всего я видела совсем маленькие труппы — в туристских местах, где-нибудь рядом со старой крепостью, когда пять-шесть циркачей ждут, пока соберется побольше народа.

Наблюдая фокус, о котором читала в книге XVIII века, я испытывала странное чувство. Рождались и умирали люди, исчезали с лица земли целые династии, Индия сейчас совсем не та, что была когда-то, а цирковой трюк все тот же. Он словно жил все эти столетия своей жизнью и не зависел от времени.

Говорят, в прошлом веке английская королева Виктория предложила тысячу фунтов стерлингов тому, кто сможет публично повторить «Индийский канат» в Британии; потом английский иллюзионист Джон Макколин увеличил сумму вознаграждения до пяти тысяч, а вице-король Индии лорд Ленсдаун довел ее до десяти тысяч. Но желающие так и не появились...

О том, что чародеи на Востоке превращают в твердый вертикальный столб мягкую веревку, Европа впервые узнала из записок путешественника XIV века Ибн Батуты. Вот что он писал: «Потом мастер взял в руки деревянный шар. В нем были отверстия, и сквозь них проходила веревка. Он подбросил шар в воздух. Тот взлетел высоко вверх и скрылся из виду. Мы сидели в центре торговой площади, стояла сильная жара. Когда в руках мастера остался совсем маленький кусочек веревки, он приказал мальчику лезть по ней вверх. Тот полез по веревке и скрылся с наших глаз. Прошло некоторое время. Мастер оклик-

нул мальчика и, не дождавшись ответа, сам полез по веревке. Он добрался до ее конца и тоже скрылся из виду. Послышались громкие крики перебранки, и вдруг окровавленные части тела начали падать вниз. Разгневанный, весь забрызганный кровью, мастер спустился. Он приблизился к эмиру, распростерся у его ног, проговорил что-то, потом подошел к расчлененному телу мальчика, собрал все куски вместе, накрыл их платком и сделал над ними несколько пассов. Мальчик появился в другой части двора живой и невредимый».

Описания «Индийского каната» произвели в Европе большое впечатление. Но после об этом фокусе долгое время ничего не было слышно, и постепенно само его существование было поставлено под сомнение. Интерес к этому загадочному представлению вспыхнул вновь в последней четверти прошлого века, когда о нем упомянула одна из основательниц Буддистского теософского общества Е.П.Блаватская. Рассказы о таинственных явлениях, свидетельницей которых она, по ее словам, была, никого не оставили равнодушными. Популярность мнения о загадочности Востока, о том, что там есть тайны, которые не дано постичь европейцам, ширилась. Свободное парение веревки в воздухе вполне вписывалось в такое миропонимание...

Однако специальная комиссия, направленная в 1885 году из Лондона в Индию

«Индийский канат». Гравюра XVII века.

Обществом психических исследований, представила обескураживающий отчет. Убедительными и достоверными фактами доказывалось, что все явления, которые члены Буддистского теософского общества приписывали действию потусторонних сил, имели земное происхождение.

Итак, свидетельство Е.П.Блаватской подвергалось сомнению. Но те, кто верил в существование «Индийского каната», не сложили оружия: они находили подкрепление своей веры в работах специалистов по древнеиндийской религии и мифологии. Однако они понимали: нужно найти очевидцев «Индийского каната», которым можно было бы доверять полностью. И действительно, появились описания этого действия, свидетелями которого были видные представители британской администрации в Индии.

Интересно, что среди тех, кто видел «Индийский канат» (правда, позднее и при других обстоятельствах), называют и русских. Принадлежащий к восьмому поколению индийских фокусников П.Ч.Соркар пишет, что в калькуттской газете «Стейтсмен» в 1936 году была перепечатана статья Н.К.Рериха, рассказывавшего о своей давней встрече с Максимом Горьким. Речь шла о сверхъестественных силах и возможностях человека, вспоминает Н.К.Рерих. Все присутствующие повернулись к Горькому и были готовы выслушать его ре-

шительные возражения. Неожиданно знаменитый писатель сказал: «Индийцы очень талантливы. В молодости я встречался с одним фокусником на Кавказе. Я пришел к нему, настроенный до крайности скептически. Он же бросил веревку вверх — и вдруг она повисла в воздухе...»

Все шло к признанию того, что веревка все же стоит в воздухе, но ясности по-прежнему не было. Что это — пока еще необъяснимое явление природы или ловкий трюк? Куда исчезает мальчик, когда оказывается на самом вершине веревки? И почему, вообще, она встает вертикально?

Это массовый гипноз, утверждали одни. Индийское солнце, говорили, светит людям прямо в глаза. Поэтому зрителям и кажется, что они что-то видят: на самом деле они не видят ничего, но индийские факиры, эти прекрасные гипнотизеры, внушают им такую уверенность.

Сторонникам массового гипноза возражали врачи. Они утверждали, что степень восприимчивости людей к гипнозу далеко не одинакова, и трудно предположить, что так много людей одновременно видят одно и то же. Да и после сеанса гипноза, продолжали они, испытуемый, как правило, не помнит того, что с ним происходило, и уж, конечно, не может со всеми подробностями описать представление. И языковая проблема — не на английском же языке внушал им факир, что они присутствуют при свободном парении веревки в воздухе... Загадка «Индийского каната» оставалась.

Но, как сказал знаменитый Артур Конан Дойл, написавший двухтомную «Историю спиритизма», — нет, пожалуй, на свете ничего, что придумал бы один человек и не смог бы разгадать другой. Многие внесли свою лепту в объяснение трюка. Это и профессиональный иллюзионист из Плимута Артур Дерби, принявший сценическое имя Карачи, исполнивший в 30-е годы «Индийский канат» в Лондоне в закрытом помещении. И английский профессор Самуэль, забиравшийся вместе со своими ассистентами во время представления на крыши соседних домов. И, конечно, уже упомянутый выше П.Ч.Соркар, основатель и президент самого большого общества иллюзионистов в Индии.

Вот что он писал о секрете фокуса: существует более тридцати вариантов его исполнения. Имеет значение то, где выступает фокусник — на арене цирка, в закрытом помещении, во дворе дома между высокими деревьями или высокими домами. Есть варианты, когда артист держит в руках небольшую веревку — внутри нее по всей длине находятся насаженные на струну кусочки дерева. Если ослабить струну, которую незаметно держит мастер, веревка падает, если же натянуть ее туго, веревка встает вертикально. Вероятнее всего, этот трюк и видел Максим Горький.

Другой вариант предполагает закрытое пространство либо высокие дома и дере-

вья. Помощники фокусника незаметно для зрителей заранее натягивают веревку между домами или деревьями. Она располагается горизонтально, и когда иллюзионист посыпает землю специальным порошком и поджигает его, поднимаются клубы дыма, звучат барабаны, проносятся заклинания и вверх летит веревка, а помощники потихоньку подтягивают ее за крючок. Никто не видит горизонтально натянутой веревки и крючка, с помощью которого вертикальная веревка удерживается в воздухе. Искусно разыграв сцену ссоры с ребенком, мастер лезет вверх, и мало кто придает значение тому, что на нем халат или другая длинная и широкая одежда. А на это есть причины: под одеждой спрятан муляж ребенка, и, когда мастер карабкается вверх, он незаметно для зрителей сбрасывает «куски тела». Мальчик же по горизонтальной веревке пробирается на крышу соседнего дома или близко стоящее дерево и оттуда спускается вниз, в толпу. Трюк нельзя исполнить на небольшой высоте, нужно, чтобы веревка была достаточно длинной — глаз человека не сможет тогда охватить ее всю, и, наблюдая за факиром внизу, он невольно отвлечется от фигурки мальчика наверху. Остальное разыгрывается перед зрителями — мальчик встает, живой и невредимый, где-нибудь в дальнем углу двора, веревка падает, и высокому мастеру иллюзиониста аплодируют благодарные зрители.

После 30-40-х годов «Индийский канат» перестает быть загадкой. В Германии в эти годы его исполняли довольно часто, он демонстрировался и в довоенном фильме «Багдадский вор», и у нас, в наши дни, он входит в программу иллюзиониста И.Кио.

Современные фокусники отрабатывают чистоту исполнения «Индийского каната» — трюк провалится, если подведет мастер по свету и зрители увидят горизонтальную веревку или если мальчик выбежит слишком рано.

В Индии было давно замечено, что не все, что говорится, слышится и не все, что видится, существует на самом деле. И блестящая на солнце раковина может показаться куском серебра, и промелькнувшую в темноте веревку можно принять за змею...

Одно и то же слово «майя» (иллюзия) используется и для обозначения основополагающего понятия в философской системе адвайтаведанте, тесно связанной с самой распространённой в стране религией индуизма, и для обозначения фокуса, трюка, колдовства. Творец иллюзии — это и брахман, словно великий маг и волшебник, разворачивающий перед человеком многообразный мир предметов и явлений, и фокусник, перемещающий в воздухе предметы и заставляющий прыгать монетки.

Мастерство индийских фокусников всегда ценилось европейцами очень высо-

ко. Так еще Марко Поло (XIII — XIV вв.) писал о «разбойничьем племени», живущем на землях, что простирались от реки Инд до Персидского залива: «В Индии они узнали волшебные и демонские хитрости, с помощью которых можно наводить такую темноту, от которой дневной свет меркнет и люди не видят друг друга на самом близком расстоянии. Собираясь в свои разбойничьи гнезда, они пользуются этим искусством, и приближение их делается незаметным».

В позднее средневековье, а тем более в новое время, Индия стала европейцам гораздо ближе. Мемуарная литература XVII, XVIII и XIX веков наполнена описаниями деяний индийских подвижников. Очевидцы с изумлением и во всех подробностях рассказывали об аскетах, стоящих на одной ноге с воздетыми кверху руками, или лежащих на ложах, усыпанных острыми гвоздями, или восседающих на маленьком камешке и только один раз в день покидающих его ненадолго, или опоясанных тяжелыми цепями, сковывающими каждое движение, или совершающих обряд «Пять огней»: когда подвижники садились в центр квадрата, составленного из пылающих костров, и замирали, терзаемые страшным жаром с четырех сторон и «пятым огнем» — южным солнцем...

Европейцы называли подвижников арабским словом «факиры», хотя многие из них понимали, что правильнее было бы употреблять это слово только по отношению к мусульманским аскетам. В отличие от Марко Поло европейцы в это время осознавали разницу между мастерством профессионального фокусника и претензиями «чародея», который жаждал убедить окружающих, что ему подвластны силы природы.

Знакомство с невиданными ранее в Европе возможностями человеческого организма, весьма привычными в Индии, породило целую серию трюков, которые так и назывались — «факирские». Эти фокусы далеко не всегда были безопасными и уж никогда простыми: факиры ходили босиком по остро отточенным саблям, глотали лягушек и рыбок и с легкостью выпускали их обратно, замедляли или учащали частоту пульса, прокалывали язык острой шпагой. Многие европейские иллюзионисты прошлого века носили пышные восточные имена: «Загадка Индии», «Махатма», «Ямадэва», «Бен али Бей», а цирковое представление под названием «Индийские и египетские чудеса», надо думать, было захватывающим зрелищем.

Умение владеть своим телом всегда составляло одну из профессиональных характеристик циркового артиста в любой стране, но, похоже, в Индии оно не значило так уж много и было делом достаточно привычным. Перед императором Джехангиром (начало XVII века) бенгальские фокусники разыграли целое представление

— около тридцати номеров, — и дневник Джехангира содержит самое подробное описание каждого из них. «Факирскими» можно, пожалуй, только два, вот первый: на голову одному из артистов встал другой участник представления, упершись своей головой в голову первого; на ноги второго поднялся еще один, упираясь своими подошвами в ступни второго; на голову третьего залез четвертый, также упираясь своей головой в голову предыдущего... Когда наверху оказались все шесть фокусников, стоя цепочкой голова-ноги-ноги-голова и т.д., первый, державший всю цепочку, поднял ногу едва ли не до плеча...

Второй «факирский» фокус мало эстетичен для европейского восприятия, но мастерство индийского артиста неоспоримо: он открыл рот, и император увидел, что фокусник держит в нем змею. Змеиная головка выснулась наружу, факир выплюнул змейку, и тотчас же во рту у него появилась вторая змейка. Он выплюнул и ее, за ней показалась третья, четвертая... седьмая. «Змеи извивались по земле, — пишет император, — они были длиной в несколько футов»...

Фокусы со змеями всегда вызвали много споров у европейцев, совершенно непривычных к этим пресмыкающимся и смотрящих на них нередко с отвращением. Но на Востоке, а тем более в Индии, змей было много, считалось, что демоны-змеи населяют подземные миры, и отношение к ним было весьма почтительным.

Известный мастер иллюзионного жанра Дж.Даннигер (США) дал свое толкование многим индийским фокусам. Захоронения йогов описаны в литературе неоднократно, и, бесспорно, они производят большое впечатление. Но Дж.Даннигер интерпретирует иначе те описания, которые представлены в книге английского офицера В.Осборна. Речь идет, в частности, о событиях, случившихся при дворе Ранжита Сингха в Лахоре в 40-е годы прошлого века. Подробности таковы: была вырыта яма, в нее поставили деревянный ящик, в него лег йог, ящик был запечатан и

**Индийский канат.
Фотография 30-х годов.**

засыпан землей. Эта «могила» находилась за оградой в роще, и ее охранял специально поставленный часовой. Через сорок дней, в строгом соответствии с планом, ящик вскрыли. Йог был жив, но находился в бессознательном состоянии. Голову ему полили водой, дали кусочек топленого масла, из ноздрей удалили восковые пробки. Вскоре йог, как пишет В.Осборн, «начал дышать, говорить тихим голосом, и в конце концов вернулся в нормальное состояние».

Дж.Даннигер так объясняет секрет трюка: по его мнению, после «захоронения» лежащий в «гробу» отодвигает специально подготовленную доску, а затем подземным ходом добирается до полого дерева в близлежащей роще. Ему нечего беспокоиться о дальнейшем: потом он пробира-

ется в ближайшую деревню и спокойно ожидает намеченного часа, когда будет открыто его «захоронение».

...В Старом Дели, рядом с Красным фортом, факир и сегодня поднимается на несколько минут в воздух («Воздушная подушка, наверное», — переговариваются, глядя на него, туристы). Династию цирковых мастеров Соркаров знает, пожалуй, каждый житель Калькутты и, уж точно, каждый городской ребенок. И как не восхищаться мастерами, выходящими на площадки с самым минимальным реквизитом и создающими образ мага, чародея и волшебника безупречным исполнением трюков, прошедших испытание столетиями..

ПРИГЛАШАЕМ В ПУТЕШЕСТВИЕ

Туристские маршруты с полным комплексом обслуживания:
авиабилеты, проезд аэропорт-гостиница-аэропорт, питание, страховой полис, виза, экскурсии, Путеводитель по стране пребывания.

ИСПАНИЯ. Коста-дель-Соль, Коста-Брава, Коста-Бланка, Майорка, Канары. От 8 дней. От 684 \$.

ПОРТУГАЛИЯ (Алгарви), ПОРТУГАЛИЯ — ИСПАНИЯ. От 8 дней. От 650 \$.

ГРЕЦИЯ. Аттика, п-остров Халкидики, остров Крит. От 8 дней. От 599 \$.

КИПР. Ларнака, Пафос, Лимасол, Айа-Напа. От 8 дней. От 522 \$.

ФРАНЦИЯ. Париж, Париж-Евродиснейленд, Париж-Ницца, Ницца. От 7 дней. От 685 \$.

ТУРЦИЯ. Курорты: Анталья, Алания, Сиде, Кемер, Фетия. От 305 \$.

Немецкая система клубов «ROBINSON» 5 *****.

От 8 дней. От 900 \$.

КРУИЗЫ ПО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЮ.
За один тур морская круиз и отдых на побережье Греции. От 1049 \$.

Большой выбор отелей от 2 до 5 звезд по каталогам. Позвоните нам. Мы ответим на все ваши вопросы.

**ТУРИСТСКАЯ ФИРМА
SunExpress**

Москва, ул. Герцена, д. 50/5.
Тел.: (095) 291-63-12,
Факс: 290-32-59

**ВЫКРОН НЕДЕЛЬНО
ДЛЯ ОТДЫХА**

Сергей ГОРЯЧКИН,
кандидат географических наук
Фото Льва ВЕЙСМАНА и автора

ИЗ ВАРЯГ В ЧУКЧИ

КАК Я СО ШВЕДАМИ В ГОСТИ К НЕНЦАМ ПЛАВАЛ

В России можно легко узнать общественное мнение абсолютно по любому вопросу, не проводя никаких научно обоснованных опросов. Достаточно посетить общественные заведения, где сама атмосфера способствует обмену мнениями, — от пивной до курилки Государственной Российской библиотеки и вагона поезда. Здесь достаточно чуть-чуть «прикинуться валенком», и получаешь безграничный доступ к чаше народной мудрости...

Собираясь в российско-шведскую экспедицию «Экология тундры-94» в Русскую Арктику, я решил провести оценку общественного мнения по трем основным объектам: «тундра», «шведы», и «коренное население Севера», используя ту ненаучную методику, с которой начал свое повествование.

Итак, как мне удалось выяснить в подмосковной электричке, — в тундре очень холодно и сыро даже летом, поэтому ехать туда ни в коем случае не надо; кроме того, там много болот и комаров, которые заедают насмерть бедных северных оленей; если в тундру и ехать, то только для рыбалки — в тамошних реках полно рыбы, а также для охоты на оленей; многие еще отмечали, что там радиация, кругом полно военных полигонов, постоянно шастают вездеходы, которые изъездили всю тундру, а их колея, как известно, не зарастает десятки лет. Еще некоторые говорили, что в тундре полно грибов, а те немногие люди, которые знали тундру не понаслышке, а сами там побывали, очень неслестно отзывались о загаженных и неудобных северных поселках.

Представления наших соотечественников о шведах выглядели намного более полными. Во-первых, в Швеции истинный социализм, к которому нам всем надо стремиться, там все богатые, у каждого дом, машина, и это не только из-за социализма, а из-за того еще, что шведы очень экономные и в гости ходят с едой, которую кладут к хозяевам в холодильник (бифштекс съел — бифштекс положил в морозилку). Во-вторых, Швеция — страна сексуальной революции, поэтому там без ущерба для общественной морали каждый может жить с каждым, не смотря на наличие или отсутствие супружеских уз, бани общие, а по телевизору — сплошная порнография. В-третьих, сами шведы — северный немногословный малоэмоциональный народ крупного телосложения, который любит выпить, но выпить ему не дают из-за почти сухого закона в стране. В-четвертых, шведы, как самые что ни на е с т ь пред-ста-ва-

тели Запада, любят комфорт и терпеть не могут неудобств.

Представления о коренном населении Севера — большинство собеседников знало из северных народов только известных всем из анекдотов чукчей — совпали почти на сто процентов: «чукчи» отстали, пасут оленей, охотятся, рыбачат, никогда не моятся, живут в чумах, не любят геологов, (вариант — очень ждут: «экспедиция...»), вымирают от «огненной воды», за бутылку которой они готовы отдать (далее следовали варианты: красную рыбину, оленя, ездовую собаку, жену и т.д.)

Как выяснилось позже, многие представления о тундре, шведах и «чукчах» оказались мифами, в формировании которых принимали участие средства массовой информации. Я взялся за написание этой статьи потому, что хочу внести свой вклад в преодоление старых мифов и формирование новых, ибо иллюзий о достижении объективного знания уже давно не имею.

Сначала я немного расскажу об экспедиции — крупнейшей научной единовременной экспедиции в Арктику, потом чуть-чуть коснусь научных исследований, а уже после этого примусь за формирование новых мифов о тундре, шведах и ненцах — ибо мы встречались именно с этим северным народом.

ЭКСПЕДИЦИЯ

Когда меня, географа-специалиста в области изучения почв и ландшафтов, пригласили участвовать в этой экспедиции, сразу стало понятно, что ее цель совершенно фантастическая: за одну навигацию пройти от Питера до Чукотки и обратно, причем не на ледоколе, и при этом изучить экологию тундры в 18 точках на берегу! Я, конечно, тут же согласился, но внутренне не верил, что она состоится, до самого отхода научно-экспедиционного судна «Академик Федоров» от причала в Санкт-Петербурге. Самому мне никогда раньше не приходилось плавать на экспедиционных судах, а неприглашенные и поэтому несколько обиженные экологи — «специалисты» по Северному морскому пути, как это часто водится у нас, предрекали: «Не-е, мужики, вам сквозь льды не пройти... А если и доехать, то на берег не попасть из-за припая и туманов... Так что проболтайтесь на этой посудине несколько месяцев зря...». Скептицизму добавляло и то, что разрешение на проведение маршрута должны были давать военные, совсем недавно открывшие Арктику для иностранцев. Да и стоимость экспедиции — порядка пяти миллионов долларов — впечатляла, и не очень было понятно, как такая небольшая страна, как Швеция, с населением меньше, чем в Москве, получит со своих налогоплательщиков столь большие деньги, ибо в обещанные российским правительством деньги не верилось с самого начала.

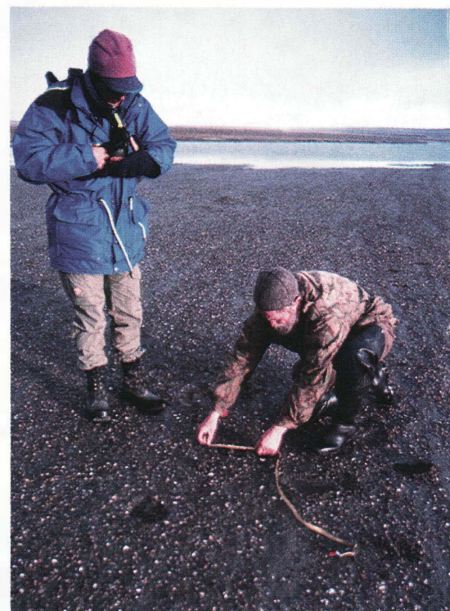
Тем не менее, российско-шведская экспедиция «Экология тундры-94» состоялась. Началась она в конце мая 1994 года в Санкт-Петербурге, когда на толь-ко что вернувшееся из Антарктиды судно «Академик Федоров» погрузили свой скарб российские ученые из Москвы, Питера, Екатеринбургa, Барнаула и Якутии. Миновав Балтику, судно зашло в шведский порт Гетеборг, где оно заметно увеличило свою осадку из-за появления на борту шведского научного оборудования, топлива и еды. Оттуда «Федоров» пошел в Мурманск, где на вертолетной палубе корабля появились вертолеты

МИ-8 самого отважного не только в России, но и в мире Диксонского авиаотряда. Они тотчас приступили к работе, так как первая точка высадки ученых назначена была в восточной части Кольского полуострова. Всего же с начала июня до начала июля были высадки с судна на берег в девяти местах: Кольский, Канин Нос, остров Колгуев, полуостров Русский Заворот в районе дельты Печоры, Западный Ямал, острова Арктического института, Западный Таймыр, мыс Челюскин, Восточный Таймыр. В начале июля самолет — ледовый разведчик ИЛ-18 — доставил в аэропорт Хатанга на северо-востоке Красноярского края новую группу шведских и российских ученых (в том числе и меня), провел стратегическую ледовую разведку и увез с собой часть специалистов, отработавших в экспедиции в июне. К этому времени «Федоров» с помощью ледоколов оказался в море Лаптевых, и мы, вновь прибывшие, добирались до него на бортовых вертолетах. Попав из 30 градусов жары Хатанги в Северный и очень Ледовитый океан, мы испытали ощущения человека, который в жаркий летний день засунул голову в морозильную камеру. Далее началась борьба замечательных людей — капитана корабля С.Масленникова, опытного полярника Н.Корнилова и ледового разведчика А.Масанова со сложной ледовой обстановкой, и они эту битву выиграли — судно пробилось восточнее Певека, а оттуда на вертолетах ученые добрались до конечных точек экспедиции: Колючинской губы на Чукотке, где зимовал самый известный шведский полярник Норденшельд, и острова Врангеля. Кроме этих районов, исследователи высаживались на Новосибирских островах — Бельковском, Котельном и Фаддеевском, на острове Айоне и на материке недалеко от дельт рек Оленека, Яны, Индигирки и Колымы. В порту Тикси в начале августа произошла опять смена ученых — у шведов многих профессоров сменили студенты и аспиранты, и мы отправились в сторону дома, высаживаясь повторно в тех же точках, что и наши коллеги в июне. В начале сентября мы оказались в Гетеборге и, выгрузив шведское оборудование и образцы, вернулись в Санкт-Петербург, пройдя таким образом «от Питера до Питера, не снимая свитера», или «из варяг в чукчи» и обратно.

Всего в экспедиции приняло участие более 200 ученых, корреспондентов, операторов, фотографов и даже художников, причем не только из России и Швеции, но и из Норвегии, Исландии, Финляндии, Дании, Голландии, США, Великобритании и Австралии. С российской стороны коллектив был весьма удачно подобран при участии руководителя экспедиции академика Е.Е.Сыроечковского совместно с профессором Е.В.Рогачевой. Здесь были представлены почти все направления полевой биологии, и каждое из них, возглавляемое опытным арктическим полевиком в расцвете научных сил, 35-55 лет, включало молодых сотрудников и даже студентов, правда, самых талантливых. Такая комбинация опыта и силы руководителей научных проектов с энтузиазмом и энергией молодежи делала работу в тундре весьма эффективной.

РАБОТА

Больше всего среди ученых было орнитологов. Одни специализировались на белых совах, другие на соколах, третьи на куликах. Работа орнитологов нелегкая — наматывая десятки километров по

тундре и болотам с биноклем на шее и ищи, выслеживай места птичьих гнезд, как можно меньше при этом тревожа самих птиц. Меня радовало, что современные методы исследования животного мира не предусматривают летального исхода объекта изучения. Некоторые наши и шведские орнитологи, например, могли проводить тончайшие генетические работы, устанавливающие внутривидовое разнообразие птиц на основании проб крови. Птицы после таких исследований, испытав короткий шок, могли продолжать играть свою важную роль в природе тундры. Проводились также бескровные опыты по ориентировке птиц — в стеклянной клетке, установленной в тундре, и по биоэнергетике — оценке потребления и затрат энергии птиц в естественных условиях. Наибольшее же впечатление на меня, неспециалиста в орнитологии, произвела работа по регистрации полетов птичьих стай при помощи радара, которую вели как шведы, так и россияне. Особенно эффективно оказалось применение радара на движущемся «Академике Федорове». Может быть, полученные в экспедиции результаты позволят, наконец, ответить на вопрос, как птицы прокладывают маршруты сво-

их перелетов летом в Арктике в условиях беззвездного неба полярного дня.

Орнитологов было много, но если судить по количеству специалистов на изучаемый биологический вид, то главным объектом экспедиции был массовый тундровый грызун — лемминг. Это не случайно, так как лемминг — основа питания не только многих птиц, но и имеющих большое промысловое значение песцов. Да и вообще, лемминг — главный экологический элемент в жизни тундры, играющей огромную роль не только в жизни животных, но и растительности и почв. Для исследования всех сторон жизни этого симпатичного зверька, который покрупнее мыши, но много меньше крысы, условия экспедиции, охватившей на плавучей лаборатории всю российскую Арктику за один сезон, оказались совершенно уникальны. Дело в том, что численность леммингов сильно колеблется от года к году, а 1994 год был благоприятным, хорошо шел отлов живых зверьков, и это позволило собрать огромный материал — генетические пробы, наблюдения за поведением и так далее. Такой материал в других экспедициях мог бы быть собран за десяток лет. Уже сейчас можно сказать, что экспеди-

ция позволила открыть новый подвид лемминга в Арктике и подтвердила факт полного отсутствия этого грызуна на острове Колгуеве, хотя материалы по разделу «Экология тундры» еще мало обработаны. Работа лемминголов показала пример самого эффективного взаимодействия российских и шведских специалистов и простой человеческой дружбы между ними.

Хороший контакт существовал и в небольшой группе специалистов, работающих с северным оленем, имеющим колоссальное значение для природы тундры. Здесь, правда, паритета не получилось — шведские зоологи в буквальном смысле смотрели в рот нашим.

Были в экспедиции специалисты и по песцам, и по рыбам, и по насекомым, и по паразитам, и многие другие зоологи.

Мне лично довелось поработать в группе ботаников, где преобладали шведы, но дирижировал ею сотрудник Ботанического института питерец В.Разживин, который мог с ходу определить любое тундровое растение. Кроме собственно ботаников-травоведов, в этой группе работали два небольших коллектива экологов. Это интернациональный датско-шведско-английский коллектив,

который мерил интенсивность выделения газов — углекислого газа и метана — из почв тундры, а также из Института географии Российской Академии наук, куда входил и я, и задачей которого было комплексное изучение тундровых ландшафтов и оценка воздействия на них деятельности человека. Исследования этих маленьких групп фокусировались на оценке последствий глобальных изменений для тундр. Глобальные изменения проявляются здесь следующим образом. Во-первых, это глобальное загрязнение, которое атмосферные потоки разносят по всей Земле. Во-вторых, это глобальное изменение климата, вызванное увеличением содержания в атмосфере тех самых углекислого газа и метана, выделение которых мерили наши коллеги. Для определения степени загрязнения ландшафтов тундры мы отобрали множество проб почв, торфов, образцы растений и животных, которые будут проанализированы в лабораториях. Для прогноза последствий глобального потепления нам также удалось собрать многочисленный материал — это описания, измерения и образцы из более холодной арктической и более теплой субарктической подзон тундр. Сравнение

их между собой позволит заключить, как будет меняться природа арктических тундр, когда климат их станет субарктическим.

Некоторые участники экспедиции вообще не летали в тундру, а изучали морские экосистемы и условия их существования (качество воды и подводного грунта) прямо на борту судна.

Прилетев из тундры во время перехода корабля от одной точки до другой, береговики обрабатывали полученные материалы в лабораториях «Академика». Временами график, когда между точками была всего одна ночь, был очень напряженным.

ТУНДРА

В чем мои подмосковные собеседники оказались правы, так это в том, что в тундре холодно. Особенно достает холодный ветер, да и снег может выпаст практически в любой день. Сыро, правда, было далеко не всегда. Особенно много сухих солнечных дней, хотя ветреных и нежарких, нам досталось в Сибири.

Что касается комаров и болот, то тут мои попутчики из электричек были правы и не правы. Правы в том, что на юге тундровой зоны, действительно, бывают места и времена, когда наши июньские подмосковные и даже более северные, таежные леса и болота кажутся райскими местами по сравнению с тем комариным адом, в который можно попасть в тундре. На западе Чукотки наш энтомолог быстро наловил своим сачком больше килограмма(!) комаров, не выходя из лагеря. Эти создания действительно могут расправиться с северными оленями. Зато в северной части тундры — в арктической зоне — комаров нет или почти нет. Кроме того, нас почти все время сопровождал довольно сильный ветер, который комаров сдувал. Олени поэтому и забираются на обдуваемые вершины сопки и побережья, где выбивают растительность и утрамбовывают почву так, что в нее и лопату не воткнуть, оставляя при этом нетронутыми сочные луга в долинах рек. Что касается заболоченности, то это очень сильно зависит от геологического строения разных районов тундр. Плоские приморские террасы в южной тундре Европейского Севера почти все заболочены, а в горах Чукотки надо бы доплачивать экспедиционным работникам за безводность.

К слову сказать, наши российские тундры вообще очень различаются; в них огромное количество экологических ниш — мест для обитания растений и животных, — созданных в результате многих причин: неодинакового геологического строения, различий в ветровом режиме, сдувании или навевании снега, деятельности мерзлоты, создающей порой удивительные ландшафты, которые с вертолета напоминают то гигантские бородавки (на самом деле это остаточномерзлотные бугры — байджеерахи), то рисовые чеки Китая. Жизнь в тундре, следуя узору природных условий, создает свой рисунок. Так, например, охотящиеся за леммингами совы и поморники, выбирают самые высокие бугры для своих засидок и, унавоживая почву, помогают появлению здесь высокой зеленой травы. Сетка ярко-зеленых точек хорошо заметна с воздуха. Порою сверху хорошо видно, как олени и лемминговые тропы меняют рисунок сети мерзлотных трещин. Тундра — это особый мир, где земля, не покрытая защитным пологом леса, создает неповторимые по

красоте узоры, которые подчеркивает приспособляющаяся к ним и меняющая их жизнь.

Что касается рыбной ловли и охоты на оленей, то, исповедуя экологические идеи и будучи всецело поглощенными работой, мы этим не занимались. Хотя и в этом отношении попутчики в электричке оказались правы. Грибы же, как и комары, есть только в южной, примыкающей к тайге части тундры, но бывают не каждый год.

Особый и довольно сложный вопрос — о влиянии деятельности человека на тундру. Мне приходилось видеть много космических снимков, и должен сказать, что если бы инопланетяне увидели кусок Земли с полярной шапкой и тундрой, а не расположенные, скажем, чуть южнее квадраты вырубленного леса, то они никогда бы не сделали однозначного вывода о существовании разумной жизни на этой планете. Нас могли бы выдать только расплывчатые пятна в районе Никеля на Кольском, Воркуты и Норильска. Не вполне ясна также природа больших площадей развеваемых песков в районе Нарьян-Мара; возможно, что перевыпас оленей внес свой вклад в этот феномен. Все остальные воздействия очень локальны, хотя местами и весьма интенсивны. Вся беда в том, что природа тундры, как справедливо говорили мои подмосковные попутчики, очень ранима. Встроиться в жизнь тундры, по большому счету, не могут даже современные оленеводы и охотники, нарушая хрупкое равновесие перевыпасом и повышенным убоем зверя. А что говорить тогда о нефтедобытчиках, которые не только нарушают природу тундры своими буровыми и нефтепроводами, но и теснят оленеводов? А это приводит к истощению оставшихся оленьих пастбищ. Как обойти молчанием факт сильнейшего разрушения ландшафта из-за химического загрязнения в районе Никеля и Норильска? Да и про последствия ядерных испытаний в атмосфере для всей тундровой зоны в целом трудно сказать пока что-нибудь определенное. Многие про-

яснится после того, как будут проанализированы пробы почв, растений и животных, собранные моим коллегой-географом и соседом по палатке и каюте Михаилом Глазовым для определения загрязнения тундровых пищевых цепей тяжелыми металлами, пестицидами, нефтяными углеводородами и радиоактивными веществами. Все-таки можно сказать, что, за исключением районов, действительно, весьма неудобных заполярных поселков и мест локального нарушения добычей полезных ископаемых, природа тундры России еще мало изменена человеком, а уменьшение населения в Арктике и удорожание вертолетов и вездеходов — благоприятные факторы для нее. Влияние же глобальных изменений (повышение уровня загрязнения атмосферы, потепление климата и радиация) на российскую тундру по существу еще только начинает изучаться.

ШВЕДЫ

Первых шведов-участников экспедиции я увидел в аэропорту Шереметьево. Поразил не только средний рост, который для мужчин составляет аж 185 см, но и очень скромный объем и вес рюкзаков людей, собирающихся не просто в страну медведей, а в тот ее район, который населен исключительно их белой разновидностью. Я сразу подумал о своем бауле, почти половину которого занимали болотные сапоги 45 размера под теплые портянки. Позднее, когда уже на судне я увидел шведов, приходящих на праздничные вечера в костюмах и белых рубашках с бабочкой, удивление стало еще большим.

Надо сказать, что в условиях совместной экспедиции контакты со шведами устанавливались поразительно легко. Единственное, что служило небольшим барьером — это шведский и русский языки. Общались мы на английском, а потому не всегда хотелось, например, садиться за обедом в компанию шведов, ибо из-за тебя они должны были гово-

рить между собой не на родном языке, а доставлять им эту маленькую неприятность было неудобно. Но даже представители российской стороны, плохо владеющие английским языком (таких было мало), не испытывали никаких проблем, потому что у шведов был великолепный переводчик Микаел Гранлофф. Он был журналистом и выпускал стенгазету сразу на трех языках — общую часть на английском, потом специально часть на шведском для шведов и на русском. Отрывок русской части из номера, посвященного шведскому национальному «Празднику вонючей салаки», я привожу ниже.

«Федоровяне (пассажиры «Академика Федорова» — С.Г.), объединяйтесь! Будьте начеку! Шведы готовятся к войне с применением оружия массового поражения. Какого оружия? А салака, балтийская, вроде бы безобидная салака. Но тут она с душком, что значит, что она прокисла и пахнет черт знает чем.

Шведы, особенно северные, считающие ее лакомством, с нетерпением ждут «премьеры» салаки с душком, то есть того торжественного дня середины августа, когда впервые можно открыть пузатые банки с серебристым их содержанием, накрыть стол на улице, прикусывать молодой картошкой, мелко резанным луком, помидорами. А потом пить да петь до упада в темную и теплую летнюю шведскую ночь».

Не правда ли, текст напоминает произведение наших отечественных авторов родом из северных областей? А о празднике стоит сказать особо. Этой тухлой салакой шведы хотели нас страшно удивить, ибо вся цивилизованная Европа приходит в ужас от этого варварского праздника. Открыв специально приготовленные консервные банки с небольшими фонтанчиками (куда им до наших банок с кильками!) и выложив действительно густо пахнущую рыбу на тарелку, шведы, победоносно поглядывая на нас, вопрошали: найдется ли смельчак, который решится испробовать сие блюдо? Потом они, правда, по-

жалели о своем предложении, ибо русские тотчас же образовали очередь из желающих. Но самым большим удивлением для шведских друзей стало то, что первым оказался академик Сыроечковский. Дело в том, что, как я уже писал, в составе русской стороны были «третьи северные калачи», и все мы когда-либо да пробовали рыбу северного посола, то есть слегка прокисшую, а потом засоленную. Это почти то же самое, что и «шведское оружие». Да и многие жители более южных районов России, посещающие летом отечественные рыбные магазины, не испугались бы этой угрозы.

Думаю, что все сказанное выше полностью развенчивает представление о шведах, как о людях малоэмоциональных. Они просто, как и наши северяне, имеют большее чувство собственного достоинства и не любят выказывать свои слабости и свои бурные эмоции, считая это не совсем приличным.

Что касается шведов и спиртного, то это тема весьма интересна. Весь шведский народ делится на две неравные части — большую на юге и меньшую на севере. Северянам, которых в экспедиции было немного, и обязательно представление о высоком потреблении алкоголя шведами. У них на севере в деревнях во всю тайком гонят самогон, так как в редких магазинах, торгующих алкоголем, крепкие напитки очень дороги (бутылка «Абсолют» — 30 долларов). Южане предпочитают пиво, чем больше похоже на других западноевропейцев. Но надо сказать, и те, и другие пить умеют, веселясь и при этом полностью себя контролируя. В Швеции также многие оригинально потребляют табак. Они не курят, а кладут «снус» под верхнюю губу — так никотин попадает в организм. Одна порция снуса соответствует десяти сигаретам. При этом не портятся легкие и не отравляется атмосфера для окружающих. Что же происходит с другими органами — не знаю.

Есть черты, которые делают похожими наши народы. Многие шведы любят мастерить всякую всячину дома, не полагаясь на обширный выбор вещей в магазинах. Любят также готовить, собирать грибы, ягоды, возиться в огороде. Даже в крупных городах чувствуется близость этого народа к земле. Стремление к комфорту совсем не характерно для шведов. Даже молодые профессора сами грузили оборудование в вертолеты, спали на мерзлой земле, готовили пищу на примусах и мотались целый день по тундре под дождем. Когда им пытались помочь, они вежливо отстраняли желающих, объясняя, что это их, и только их, работа.

Наиболее же замечательным свойством шведов является чувство здорового патриотизма, которое и делает этот небольшой народ известным всему миру, как народ прекрасных спортсменов, писателей, кинорежиссеров, музыкантов, ученых, путешественников. Шведы любят свою страну, они могут сказать, что там есть недостатки и проблемы, но нет коррупции, организованной преступности, нет очень бедных, а очень богатым приходится платить высокие налоги. Они гордятся своей системой социального обеспечения, когда человек, надеясь на себя, в то же время может чувствовать «уверенность в завтрашнем дне». Когда мне рассказывали об экономическом кризисе в Швеции, я спрашивал: а зачем же тогда страна именно сейчас организовала столь дорогостоящую экспедицию? Ответ был прост — в правительстве понимают, что экономия на образовании и науке — это убийственно для общества и страны.

Еще маленький штрих. Когда мы устраивали русский вечер в честь прибытия новых членов экспедиции, то с трудом вспоминали, какую же можно спеть песню, слова которой все знают. Вспомнили «Катюшу» и «Ой, мороз, мороз». После нашего разрозненного хора шведы нам преподнесли урок — встав и впервые друг друга услышав, они запросто спели четыре народных песни, причем все знали все слова. Я потом спросил, не учат ли их специально в школе. Они ответили, что нет, они поют в семьях.

О богатстве тоже нужно сказать. Уровень жизни высокий, но шведы много и напряженно трудятся. Их крестьяне, несмотря на северный климат, не испугались конкуренции со стороны других стран Европы и проголосовали за вступление страны в состав Европейского Союза. Кроме того, шведы — протестанты, а это значит, что кичиться богатством для них неприлично. По крайней мере, могу сказать, люди в Гетеборге одеты много скромнее, чем в Москве или в Петербурге.

Не очень мне понравилось в шведах их отношение к женщинам. Они им не помогают переносить тяжести, не пропускают вперед, а иногда даже могут попросить жену отнести рюкзак, так как мужу нужно собрать научные бумаги. Шведские мужчины объясняли такое отношение тем, что они потомки викингов, которые непрерывно странствовали, в о время как их жены выполняли всякую, в том числе и тяжелую работу. В то же время у них есть закон, обязывающий мужей сидеть с ребенком часть трехлетнего младенческого срока. Тоже урок истинного равноправия.

Последнее, о чем хочу сказать, вспоминая моих попутчиков в электричке. Шведы полностью пережили сексуальную революцию и, несмотря на молодой возраст участников экспедиции, вели себя крайне целомудренно и даже не мылись в сауне вместе; когда же по видеосети корабля моряки показывали какой-нибудь этакий фильм, то поданные шведского короля быстро скучнели и говорили, что этот период сексуального всплеска они давно пережили и им теперь совсем неинтересно на все это смотреть.

Вот такие на самом деле эти шведы.

НЕНЦЫ

Ненцы — это единственный народ Севера, представители которого нам встречались в тундре. Да и то всего три раза. Больше, по крайней мере, наша научная группа вообще никого не встречала — это еще раз к вопросу о воздействии человека на российскую тундру.

Ненцы, если говорить о расселении, занимают самые большие площади среди других северных народов в трех национально-территориальных образованиях: Ненецком, Ямало-Ненецком и Таймырском (Долгано-Ненецком) округах. Их общая численность около 30 тысяч человек. Многие из них живут в тундре, кочуя вместе с домашними оленями на сотни километров с севера на юг. Далеко не все кочевые ненцы оленеводы. Многие живут охотой, имея при этом стадо домашних оленей, которые для ненца и транспорт, и источник пищи и одежды.

Не могу сказать, что наши короткие встречи добавили много нового в знания об обычаях и жизни этого славного народа, но кое-что может быть интересным. Мы узнали, что замужнюю женщину только муж может звать по имени, а остальные ненцы называют, например,

«мать Игоря» (Игорь тут — старший или любимый сын). Чум теперь покрывают не только шкурами, но и брезентом. Ему не страшен шторм, который на наших глазах полностью смял палатки шведского производства. Тяга в чуме устроена так, что для кипячения большого чайника нужна всего лишь небольшая охапка карликовой березки. Трудно представить, что в тундре топлива вполне может хватать даже в мороз при умелом использовании карликовых видов ивы и березы. Все ненцы прекрасно владеют русским, но в семье говорят по-ненецки и читают ненецкие газеты. Дети учатся в интернатах, куда их доставляют на вертолетах, но все каникулы проводят с родителями в тундре. Мальчишки с шести лет арканят оленей и помогают взрослым во всем. Всю одежду изготавливают женщины из оленьих шкур. Для условий Севера она подходит больше, чем шведские куртки из знаменитой непромокаемой и одновременно не отпотевающей ткани «гортекс». Однако не во всем ненцы консервативны — они охотно используют легкие надувные лодки для рыбной ловли, возят с собой радиоприемники. Сами делают уколы оленям от заразных болезней.

Вот водка — действительно страшный бич для ненцев. Правда, в первую очередь для тех, кто живет в поселках или кочует где-нибудь неподалеку от «точек». На север Ямала ведь много вина не увезешь. Но, по словам встреченных нами ненцев, много людей погибло на Севере из-за водки.

Как обстоит дело с мытьем и умыванием у ненцев, мне так и не удалось разобраться. Могу сказать только, что дурного запаха в чуме не ощущается, да и детские лица, впрочем, как и женские, весьма симпатичны.

Мне было очень интересно, как поведут себя ненцы при встрече со шведами и шведы при встрече с ненцами. Оба этих северных народа повели себя очень достойно. Ненцы первыми предложили отведать вместе пойманную в их сети рыбу, а шведы достали свои сухие пайки. Больше всего меня поразила воспитанность ненецких детей, которые как бы нехотя соглашались попробовать шведский шоколад, хотя по глазам было видно, как им его хотелось. Шведы же ходили вокруг нарт, чумов, фотографировали. Им все было очень интересно. Их развеселило и порадовало, когда один из ненцев стал нюхать табак — шведы почувствовали близость северного народа — ненцы тоже, не «как все», потребляют никотин. Были и другие курьезные эпизоды. Когда мы первыми с русскими друзьями зашли в чум, я долго рассказывал его обитателям, что это за народ такой — шведы, высокий и белокурый. Надо же было так случиться, что по нашим стопам пошли самые невысокие и самые черноволосые шведы из всего состава нашей группы. Как они там общались, не зная русского, непонятно, но потом шведы мне сказали, что обещали ненцам прислать фотографии. Вот возьмут так северные народы и договоятся, оставив нас в стороне. Не дай Бог, конечно. Россия без Севера — это не Россия. Мы это особенно ясно осознали, проплыв летом 1994 года тысячи верст «из варяг в чукчи».

— Знаете, кто это так пронзительно кричит?
— Ну как же, кто не знает Ходжу Насреддина!
— Шутить изволите? Павлин!
— Павлин? Но это же одна из самых прекрасных на свете птиц! И голос у нее должен быть соответствующий.
— Да? Тогда послушайте.

Недалеко от Лос-Анджелеса находится небольшой городок Роллинг-Хиллз. Красивый городок. Престижное место жительства. Правда, роскошные коттеджи, затерянные среди аллей для верховой езды и конюшен, стоят здесь несколько миллионов долларов. Но многие обладатели солидного счета в банке, увидев красоты местной природы, просто мечтают пожить здесь, наслаждаясь покоем и тишиной.

Как раз этого-то у них и не получится: или красота, или тишина. И если для приехавшего важнее второе, то он попал

Возмутители спокойствия

Безобразные сцены, а точнее — концерты закатывают местные дикие павлины. Позвольте, скажете вы, но павлины водятся только в Индии, на островах Шри-Ланка и Ява, в Бирме и еще кое-где. А вот и нет. Стая диких павлинов примерно в 150 голов обитает и здесь. Разумеется, в ее появлении сыграл свою роль человек. Он ведь разумный.

В 1924 году в Роллинг-Хиллз было привезено шесть павлинов обыкновенных, которым местность тоже понравилась, и они принялись «плодиться и размножаться». Но тогда-то земли здесь были почти необитаемы. А сегодня... Впрочем, местные поклонники этих птиц говорят о них со священным трепетом, почти как индийцы, для которых павлин, действительно, птица священная. Любители павлинов утверждают, что именно они привлекают к городку всеобщее внимание. Но так ли это на самом деле?

Часто раздающиеся по ночам пронзительные крики павлинов буквально подбрасывают с кроватей мирно спящих

людей. Группами по пять-десять особей павлины бродят вокруг прудов, домов и конюшен, пожирая корм, приготовленный для лошадей. А, к ужасу любителей цветов, многие растения так понравились павлинам, что они начали питаться ими, отчего пострадали практически все сады городка. Но однажды терпению жителей пришел конец, и разразилась первая «павлинья война». Добропорядочные горожане разделились на два лагеря: любителей поспать (сами понимаете, противников павлинов) и страдающих бессонницей (то есть их сторонников) любителей понаблюдать за беспокойными красавцами. Сосед пошел на соседа. Правда, до применения оружия дело не дошло.

Городской совет был вынужден срочно учредить специальный «Подкомитет по павлинам». Голосование, проведенное среди населения по указанию отцов города, показало, что 95 процентов граждан стоят за то, чтобы оставить птиц в покое, но большинство из них все же выс-

казалось за установление над павлинами определенного контроля. А вот пять процентов опрошенных в своем решении были категоричны: нарушителей спокойствия уничтожить!

Ричард Гилл, директор управления по обслуживанию населения Роллинг-Хиллза, потратил уйму времени, пытаясь с честью выйти из создавшегося положения. Им был даже организован специальный военный отряд, в задачу которого входило всю ночь охранять город от неугомонных птиц. «Если 30 павлинов сядут на дерево возле окна вашей спальни, нервное потрясение вам гарантировано», — говорил Гилл. Однако сторонники павлинов с сарказмом спрашивали у своих противников: «Зачем же вы сюда приехали жить? Ведь эти птицы появились здесь первыми!».

Конфликт затягивался. Но однажды Ричард Гилл узнал о существовании информационного бюллетеня «Удивительный мир павлинов» и о его издателях Деннисе Фетте и его жене Дебре Бак. Он

связался с ними по телефону и выяснил, что супруги просто рады помочь решить внезапно возникшую в городке проблему. Деннис и Дебра владели самой крупной в США фермой по разведению павлинов.

А началось все у них... с несчастного случая. Тринадцать лет назад от удара молнии погибла любимая свинья Дебры. Чтобы как-то утешить жену, Деннис купил ей павлина. Потом еще одного и еще... Постепенно накапливался опыт по уходу за птицами. На участке площадью в четыре акра (около 1,6 га) в Миндене (штат Айова) была организована ферма, на которой теперь разводят и продают как взрослых павлинов, так и цыплят. Лучших советчиков в деле разрешения павлиньего конфликта нечего было и желать!

Пять дней трудился Фетт над программой. Затем последовал его доклад в муниципалитете, послушать который пришли даже дети, развернувшие в зале лозунг: «Не уничтожайте наших друзей!». Обходя дома, Фетт сумел убедить жителей Роллинг-Хиллза в том, что павлины изменят свое поведение, если люди изменят отношение к ним. «Позвольте, — шумел один скептик, — как я могу спокойно относиться к ним, если они всю ночь орут на моей крыше?». «А вы попробуйте убрать с нее прогнившие дранки, которые и привлекают на крышу птиц. Ведь под ними уйма вкусных насекомых», — отвечал Фетт. Полезный совет был дан и владельцу кучи компоста (смесь хозяйственных отходов с землей или торфом), насыщенной привлекательными для павлинов червями: «А вы накормите кучу пленкой».

Инструкция как вести себя людям с павлинами, уместилась на четырех страницах. Фетт дал в ней много полезных советов: например, указал, какие именно растения больше всего пришлись по вкусу павлинам (оказывается, они очень любят петунии) и какие им не нравятся (азалии, плющи). Указал он и на то, что многим людям нужно быть просто более терпимыми по отношению к птицам. Ведь горожан не очень-то беспокоит хлопанье дверц автомобилей в два часа ночи или шум реактивных самолетов, пролетающих над Роллинг-Хиллзом в любое время суток (недалеко от городка — аэродром). Ведь лают же по ночам собаки... Но лишь крики павлинов почему-то вызывают раздражение. «Будьте терпимее, — призывал Фетт. — К тому же для многих противников павлинов нет особых причин жить именно в Роллинг-Хиллзе». Вот так вот.

Фетт порекомендовал также строить дома поглубже в лесу, чтобы отвлечь павлинов от жилья. Он объяснил, что, поступив именно так у себя на ферме, приучил своих питомцев — а их у Фетта целая сотня — послушно уходить на ночь в загон. «Птиц несложно приучить к этому», — сказал он. По мнению знатока, в возникшем конфликте между человеком и птицей во многом виноват сам человек. Да, павлины появились

здесь давно, но вот нужно ли было их разводить?

«Прежде чем завести какое-то экзотическое животное, не свойственное данной местности, следует хорошенько подумать, каковы будут последствия, — считает представитель Национальной федерации охраны природы Дуглас Инкли. — Можно привести множество примеров того, как привезенные человеком животные уничтожили ряд местных представителей флоры и фауны, которые не смогли вынести конкуренции с чужаками и погибли». Так, проведенная в середине XIX века в Бруклине (район Нью-Йорка) кампания по массовому выпуску воробьев для уничтожения гусениц на деревьях, привела к тому, что их миллионная стая вытеснила в борьбе за корм местный вид — восточную синюю птицу. А всего лишь сотня скворцов, выпущенная в середине нашего столетия в Нью-Йоркском национальном парке, борясь за места гнездования, выжила оттуда несколько других местных видов.

Но вернемся к павлинам. Оказавшись на свободе в небольших городках, они не могут существовать самостоятельно и всегда в какой-то степени будут зависеть от людей, особенно в местности, где холодные зимы. Поэтому их популяция никогда не будет на 100 процентов дикой.

В возрасте двух лет и старше самцы к осени начинают утрачивать характерные перья надхвостья, украшенные переливающимися «глазами». Да, их прекрасные так называемые хвосты на самом деле ими не являются. К февралю павлины уже в форме и каждый день могут часами держать свой «хвост» распущенным, да еще и громко трещать перьями перед самками. Но вот что любопытно: иногда кавалеры устраивают смотр своего наряда и перед другими объектами. Так, однажды Фетт наблюдал флирт, затейный павлином перед... пожарным краном. А один из самцов в зоопарке Сан-Диего (Лос-Анджелес) много времени проводил, демонстрируя свой шлейф перед кустом, подстриженным в форме фламинго.

Во время ухаживания самцов за самками последние делают вид, будто совсем не замечают ухажера, и что-то сосредоточенно клюют с земли. Расфранченный павлин долго трясет перед павой распущенными перьями и вдруг поворачивается к ней... как бы повежливее сказать... спиной. Это даме не нравится. Она желает лицезреть сияние «хвоста» и забегает спереди. Павлин же, треща перьями, снова поворачивается к паве спиной. Так продолжается много раз, пока сраженная красотой кавалера пав не уляжется на землю. Это является своего рода согласием вступить с ним в законный брак. Ну что же, семья состоялась. Теперь украшения можно и в сторону. Прекрасные перья начинают выпадать. К сентябрю и в октябре большинство самцов уже выглядят просто ужасно. Но с приходом зимы цикл демонстраций наряда начинается снова. И это нравится не только павам. Вот уже много столетий

вид распущенного «хвоста» павлина восхищает и людей.

Павлины жили еще в садах Вавилона четыре тысячи лет назад. Их разводили для улады взора египетских фараонов, царей Лидии и прочих государей Древней Азии. В Европу павлинов завезли в качестве военного трофея воины Александра Македонского. Ими любовались в Древнем Риме. Но однажды кто-то решил попробовать красавцев и на вкус. Понравилось. Так величаяя птица попала на стол сначала августейших особ, а позже и просто состоятельных людей. Требовалось уже много птиц, и их стали разводить. В конце II века в Риме павлинов было уже больше, чем перепелов. Оказывала им внимание при застольях и средневековая Европа. Известен случай, когда для одного банкета было забито несколько сотен павлинов. У богачей столы всегда ломались от разнообразной дичи. Можно было отведать и лебедя, и соловьиных язычков, и дроздов, и цапель... Но уже в XV веке из Нового Света стали привозить более вкусных индеек, и павлины со стола исчезают. Опасность для красивой птицы быть съеденной вроде бы миновала.

Тем не менее в наши дни синекрылый павлин, обитающий в Таиланде, уже находится под угрозой исчезновения. Виной этому, как считают специалисты, — уничтожение лесов, то есть его естественной среды обитания. Но популяции в Индии и Шри-Ланке пока устойчивы.

Ну, а как же обстоят дела у синих павлинов в Роллинг-Хиллзе? Посещению этого городка Феттом в 1992 году предшествовала засуха, а затем прошли сильные дожди, несколько затормозив увеличение численности птиц. Горожане провели первую перепись павлинов. Прислушавшись к советам Фетта, они почувствовали себя ответственными за будущее птиц и стремятся изменить свое отношение к ним. Жители Роллинг-Хиллза начали очищать дворы от компостных куч, убирать с павлиньих глаз корм для лошадей, кошек и собак, приводить в порядок дранки на дворовых постройках. И все же общественный энтузиазм в деле их охраны не так высок, как хотелось бы любителям этой птицы. Однако директор Управления по обслуживанию местного населения Ричард Гилл все же не теряет надежды на удовлетворительный исход несколько затянувшегося конфликта между сторонниками и противниками павлинов в Роллинг-Хиллзе. Больше того, он считает, что «павлинья война» даже создала городку определенную популярность. А повышенное внимание увеличивает и приток посетителей, а посетители увеличивают... Чувствуется, к чему это ведет?

По материалам журнала
«National Wildlife»
подготовил Е. СОЛДАТКИН

СОЛНЦЕ И КЛЮЧ КАРИБСКОГО МОРЯ

Эмблемы Кубы имеют богатую историю. В начале XVI века Куба была захвачена Испанией. Учрежденный уже в 1516 году колониальный герб состоял из двух частей. В нижней — на фоне кубинского пейзажа с горами и деревьями скакал на коне, угрожая мечом, католический святой Яков, окруженный первыми буквами имен испанских королей Фердинанда, Изабеллы и Карла I. С верхней части на него благосклонно взирала святая Дева Мария в окружении ангелов. Эта католическая символика была призвана освятить проводимую Испанией политику колониальных захватов, грабежа и уничтожения коренного индейского населения.

С XIX века широкий размах приобрела борьба за национальное освобождение Кубы. В 1809 — 1810 годах в Гаване был организован заговор с целью провозглашения независимости Кубы. Разработанная патриотами «Конституция Инфанте» (названная по имени ее автора) предусматривала для Кубы флаг из зеленой, пурпурной и белой горизонтальных полос и герб, на щите которого над картой Кубы изображалась индеанка с луком, стрелами и рогом изобилия в окружении кустов цветущего табака. Щит окружали фригийский колпак свободы, 6 звезд и надпись «Независимая Республика Куба». В 1821 — 1823 годах действовало тайное общество сторонников независимости «Солнце и лучи Боливар». На его синем с красной каймой флаге изображалось солнце с лицом и 16 лучами. В 1824 — 1830 годах развернуло деятельность кубинское отделение тайного южноамериканского патриотического общества «Великий легион черного орла». Его эмблемой был щит из трех синих и двух белых полос, в верхней части которого на красном поле белела четырехконечная звезда, а над щитом шла надпись «Свободная Куба». Цвета и рисунок этой эмблемы оказали большое влияние на последующие кубинские флаги. Действовавшее в 1847 — 1848 годах патриотическое общество «Кубинская роза» использовало сине-бело-синий флаг с восьмиконечной белой звездой на нижней полосе (или такой же красной звездой на

средней полосе) и флаг из синей, белой и красной горизонтальных полос. Возникший в это же время Гаванский клуб имел флаг из пяти красных и белых полос с синим прямоугольником и белой восьмиконечной звездой у древка.

Неудачи всех этих заговорщицких организаций привели к тому, что руководство кубинским освободительным движением на некоторое время перешло к находившимся в США кубинским эмигрантам. Многие из них были участниками прежних организаций и использовали их символику. В конце 40-х — начале 50-х годов XIX века среди кубинских эмигрантов взяли верх сторонники присоединения Кубы к США во главе с бывшим испанским генералом, венецуэльцем Н. Лопесом. По стечению обстоятельств именно эти люди создали в 1848 — 1849 годах флаг, которому в дальнейшем суждено было стать флагом независимой Кубинской Республики. Флаг состоял из трех синих и двух белых полос с красным треугольником и белой пятиконечной звездой у древка. Такую же эмблему, помещенную на увенчанном фригийском колпаком щите (но с красной звездой на белом треугольнике), имела еще одна эмигрантская организация — созданный в 1847 году в Нью-Йорке Кубинский совет, преобразованный позднее в Кубинскую хунту. Цвета флага его создатели истолковали как цвета свободы, так как они соответствовали цветам флагов Великой французской революции, а треугольник со звездой был взят с масонских эмблем, причем треугольник символизировал силу и справедливость, а звезда — будущее Кубы в качестве штата США, где она должна была «засверкать в североамериканском созвездии». Создатели флага прочили Кубе участь Техаса, который в 1836 году провозгласил независимость от Мексики под синим флагом с белой звездой, а девять лет спустя стал американским штатом, и даже называли флаг, как и техасский, «флагом одинокой звезды». Однако организованные эмигрантами высадки на Кубу в 1850 и 1851 годах не получили широкой поддержки кубинского народа, и, хотя флаг был поднят на несколько дней на территории Кубы, в то время он остался неизвестным большинству кубинцев. Вместе с тем флаг приобрел некоторую международную известность, так как поддерживавшие эту

группировку кубинских эмигрантов определенные круги США вывешивали этот флаг на зданиях и всячески пропагандировали его. Провал аннексионистских экспедиций и гибель большинства их участников привели к тому, что флаг оказался на время забыт.

И когда в 1868 году кубинский народ поднялся на десятилетнюю войну за независимость, повстанцы создали новый флаг — из белой и синей горизонтальных полос с белой пятиконечной звездой в красном крыже. Однако официальным флагом провозглашенной в следующем году Кубинской Республики руководители восстания сделали более известный в других странах флаг 1848 — 1851 годов. Именно в ходе десятилетней войны этот флаг приобрел популярность на Кубе.

Тогда же возникла и его современная символика. Три горизонтальных синих полосы не только представляли, как и прежде, три тогдашних департамента Кубы — Западный, Центральный и Восточный (это административно-территориальное деление просуществовало до 1878 года), но и стали символизировать науку, добродетель и красоту. Две белых полосы обозначают миролюбие кубинцев и чистоту их революционных идеалов. Равносторонний треугольник означает идеалы революции — свободу, равенство и братство, а также равноправие белых, негров и мулатов. Красный цвет треугольника напоминает о крови, пролитой патриотами в борьбе за независимость. Звезда — символ надежды на светлое будущее, свободы и национального единства. Этот флаг первой Кубинской Республики, просуществовавшей до 1878 года, стал флагом Кубинской революционной партии, созданной выдающимся революционером Хосе Марти. В 1895 — 1898 годах под ним проходила еще одна национально-освободительная война кубинского народа, а в 1902 году он стал, наконец, государственным флагом независимой Кубы.

Однако независимость оказалась формальной, и на протяжении более полувека в стране хозяйничали реакционные проамериканские политики и диктаторы. Один из них — Р. Ф. Батиста, пришедший к власти во второй раз в 1952 году, даже распорядился вывешивать внутри страны в качестве государственного новый флаг — из зеленой, голубой,

1

2

4

5

Флаг кубинского тайного общества «Солнце и лучи Бolivара».

Один из флагов общества «Кубинская роза».

Флаг кубинской освободительной войны 1868 — 1878 гг.

Государственный флаг Республики Куба.

3

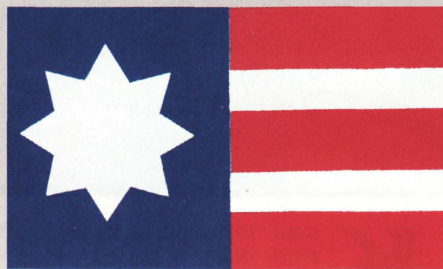
1. Проект герба независимой Кубы, 1810 г.

2 Эмблема кубинского отделения южноамериканского патриотического общества «Великого легиона черного орла».

3. Эмблема Кубинской хунты, 1852 г.

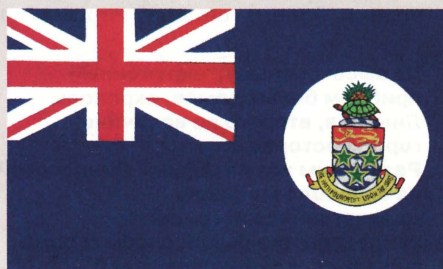
4 Государственный герб Республики Куба.

5 Герб колонии Каймановы острова.

Флаг Гаванского клуба, 1848 г.

Колониальный флаг Каймановых островов

красной, желтой и белой горизонтальных полос (под этим флагом еще в 1933 году осуществлялся возглавлявшийся Батистой так называемый «переворот сержантов»).

Борьбу народов против диктатуры возглавляла группа революционеров под руководством Фиделя Кастро. 26 июля 1953 года они пытались взять штурмом казармы Монкада в Сантьяго-де-Куба, а два года спустя создали организацию «Движение 26 июля». С 1956 года «Движение 26 июля» развернуло вооруженную борьбу против диктаторского режима. Флаг Движения состоял из красной и черной горизонтальных полос, соответствовавших девизу «Родина или смерть!» с помещенным посередине сокращенным названием организации. Наряду с ним партизаны использовали прежний государственный флаг. Достигнув в 1957 году самой высокой вершины страны — пика Туркино — они водрузили над ним этот флаг и провозгласили пик «свободной территорией Кубы». С победой кубинской революции 1 января 1959 года этот флаг и был восстановлен в качестве государственно-го. Наряду с ним официально признан революционный флаг 1868 года — он вывешен в Национальной ассамблее и одновременно является гойсом военно-морского флота. Красно-черный же повстанческий флаг широко используется в общественной жизни.

Герб Кубы создан в 1849 году находившимися в США кубинскими эмигрантами. Полосы в нижней левой части гербового щита соответствуют полосам кубинского флага и символизируют единство административно-территориальных единиц страны. В правой нижней части представлен типичный кубинский пейзаж с горами, лесом и равниной. В его центре изображено самое красивое дерево Кубы — кубинская королевская пальма. Она символизирует растительность страны, плодородие ее почв и природные богатства. Изображение в верхней части щита говорит о географическом положении Кубы. Водное пространство — это Карибское море, два выступа суши — полуострова Флорида и Юкатан, а ключ — Куба, действительно занимающая ключевое положение при входе в Мексиканский залив (изображение ключа взято с герба Гаваны, где он соседствовал с тремя крепостными башнями). Восходящее солнце со множеством лучей (напоминающее флаг «Солнца и лучей Боливара») — символизирует рождение нового государства, его яркое, славное будущее, а также напоминает о жарком тропическом климате Кубы. Перевязанный красными лентами пучок ликторских прутьев (без топора), изображенный за гербовым щитом, символизирует власть и республиканский государственный строй, а фригийский колпак со звездой (впервые появившийся на эмблеме Кубинского совета) — свободу, демократию и равенство. Герб окружает венок из ветвей вечнозеленого дуба,

символизирующего крепнущую силу и жизнеспособность страны, и лавра — символа победы.

Во второй половине XIX века нынешний герб являлся центральной эмблемой всевозможных освободительных организаций и военных, но он помещался в окружении различных флагов и вымпелов, холодного и огнестрельного оружия, пушек, ядер, труб, барабанов, иногда в сопровождении девизов «Родина и свобода» или «В единстве — сила» и солнечного сияния. Фригийский колпак изображался не всегда, а число звезд на нем колебалось от одной до тринадцати. Так, на повстанческом гербе Кубинской Республики 1869 года щит современного герба окружали солнце, государственный флаг, повстанческий флаг 1868 года, вымпелы, два ружья, два копыя, винтовка со штыком, меч и ветка. Официальной государственной эмблемой в современном виде герб стал после провозглашения независимости в 1902 году, а законодательно утвержден в 1906 году.

ЗВЕЗДЫ И ЧЕРЕПАХА

Каймановы острова являются колонией Великобритании в Карибском море. С 1958 года они имеют герб, который будучи помещен на белом диске, является и бэджом колониального флага. Три звезды представляют острова архипелага: Большой Кайман, Малый Кайман и Кайман-Брак. Волны, на фоне которых помещены звезды, обозначают омывающее острова Карибское море. Лев над звездами символизирует британское владычество. Девиз на английском языке означает «Он создал их на морях». (Имеется в виду, что Бог создал острова.) Бело-синий венчик над щитом соответствует цветам основной части гербового щита.

Зеленая, или суповая, морская черепаха символизирует главное занятие островитян — рыбную ловлю и морской промысел. Когда в 1503 году Колумб открыл острова, то в этом районе Карибского моря гигантские стада зеленых черепах буквально преграждали путь судам. Пораженный их обилием, Колумб даже назвал открытые им острова Лас-Тортугас, что по-испански означает «черепахи». Но название это не закрепилось (просуществовало лишь 27 лет), как не сохранились и черепахи стада, почти полностью истребленные из-за вкусного мяса в результате многолетнего промысла. Таким образом, изображение черепахи напоминает и об истории открытия островов. Над черепахой изображен куст ананаса с плодом, символизирующий местное сельское хозяйство, — здесь возделываются тропические культуры. Интересно, что нынешнее название островов связано с недоразумением: за кайманов (американских крокодилов) были приняты обитающие здесь крупные ящерицы — игуаны.

Весной этого года компания «Московские воздушные линии» открыла прямое сообщение между Москвой и Родосом. На борту первого самолета, совершившего рейс на этот греческий остров, находилась группа журналистов, в том числе и специальный корреспондент «Вокруг света». Журналистов принимала греческая туристская компания «Дезнако».

Александр ПОЛЕЩУК

Фото Андрея НЕЧАЕВА

РОДОССКИЕ КОЛОКОЛА

Когда смотришь на карту Эгейского моря, в глазах рябит от множества больших и малых островов. Это вершины погружившейся в море четыре миллиона лет назад суши, некогда соединявшей Европу с Малой Азией.

Однако задолго до того, как была произнесена эта научная гипотеза, люди придумывали легенды, чтобы объяснить происхождение заселяемых ими территорий. Одна из них связана с Родосом — крупным островом на юго-восточной окраине Эгейского моря.

Остров своими очертаниями напоминает дельфина и, согласно легенде, был поднят богами со дна морского по

На высоком мысу, окруженный прибоем белых домов, акрополь Линдоса, второго по величине города острова.

Развалины храма Афины Линдосской на акрополе и рельеф древнегреческой триремы — свидетельства былой славы города знаменитых мореплавателей и художников.

просьбе бога Солнца Гелиоса, который хотел устроить на нем свое святилище. Поэтому жители Родоса, считая Гелиоса своими покровителем, решили воздвигнуть его гигантскую статую. Так был сооружен Колосс Родосский — одно из семи чудес древнего света.

ТЕНИ ЗАБЫТЫХ КОРАБЛЕЙ

Есть две версии местонахождения статуи Гелиоса, и обе сходятся в том, что бог Солнца приветствовал корабли, входящие в гавань Родоса, главного города острова. Согласно первой версии, широко расставленные ноги Гелиоса, опирающиеся на крылья мола, образовывали подобие арки, под которой проходили суда.

Другая же версия не дает такого простора фантазии, но подтверждается свидетельствами античных авторов и современными инженерными расчетами. Колосс, гласит она, был установлен на мысу, у входа в гавань, и имел три точки опоры: ноги и плащ, свисающий с левой руки. Целых 12 лет статую складывали из отдельных частей, нанизывая их, наподобие детских кубиков, на

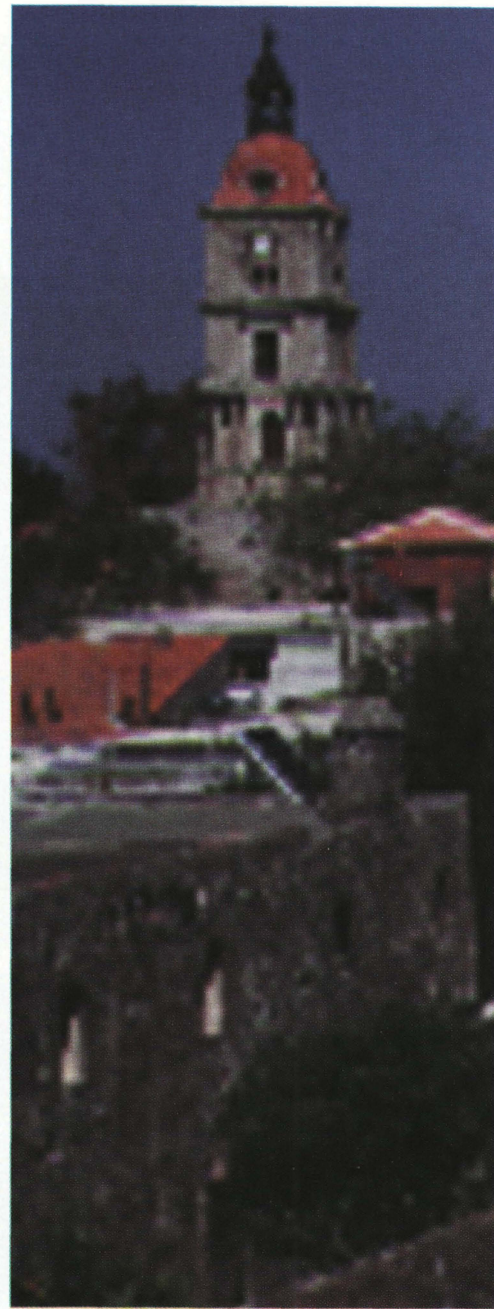
несущие каменные колонны и железные скрепы. Для подъема материалов использовалась постоянно наращиваемая земляная насыпь вокруг строящегося гиганта — а он был в три раза выше, чем петербургский Медный всадник.

Оказавшись в центральной части Родоса, называемой Мандраки, я первым делом поспешил на мол, где теперь на вы-

соких колоннах стоят бронзовые фигуры оленя и лани.

Очень заманчиво было представить на этом месте 35-метрового Колосса, и в этом желании я был не одинок. Какой-то молодой человек в шортах и тяжелых желтых ботинках демонстрировал своей юной спутнице позу, в которой мог стоять бог Солнца.

На средневековой миниатюре изображен великий магистр ордена иоаннитов д'Обюссон, отдающий распоряжения мастерам-строителям. С пор много перемен произошёл облик Родоса.

Афина, традиционно считающаяся олицетворением мудрости, богиней-воительницей, в Линдосе приобрела еще одну «профессию» — стала заступницей моряков. И сюда, к ногам богини, приносили мореходы богатые дары, чтобы умиловать свою покровительницу.

В наши дни жизнь островитян зависит от моря несравненно меньше, чем в древности или даже в недалеком прошлом. Потомки знаменитых капитанов из Линдоса становятся служащими, торговцами, предпринимателями, военными. Лишь рыбаки, да и то, наверное, не все, передают детям дедовские навыки и знания о погоде и море.

ботинках демонстрировал своей юной спутнице позу, в которой мог стоять бог Солнца.

Однако бог Солнца указывал мореплавателям вход в гавань всего полвека. В 220 году до н.э. сильнейшее землетрясение разрушило город и вместе с ним статую. Почти тысячу лет обломки поверженного чуда непочтительно валялись на берегу, изумляя заезжих чужеземцев, пока предприимчивые арабы, завладевшие к тому времени островом, не продали их для переплавки.

Вообразите себе нависающий над морем горбатый мыс с прямоугольным навершием крепости и ослепительно-белое полукольце кубистических домов, наподобие пенного прибора подступившее к утесу. Таков Линдос — родина знаменитых мореходов древности и наших дней, второй по значению город на острове Родос.

Совершить пешее восхождение на акрополь Линдоса не так трудно, особенно если постоянно думать, как легко будет спускаться по широкому, отполированным ступеням. Первый же поворот после подъема на утес заставляет остановиться.словно фантом из тьмы тысячелетий, из скалы про-

ступает барельеф знаменитой греческой триремы — корабля-воина, корабля-труженика. Внушительные размеры изображения позволяют разглядеть детали обшивки, палубу, круто загнутый нос. Именно на таких утлых, по сегодняшним меркам, суденышках воины Линдоса отправились под стены Трои, за что и были удостоены упоминания в гомеровской «Илиаде». Считается, что автором рельефа является тот же скульптор родосской школы, что изваял знаменитую Нику Самофракийскую. Разумеется, в античные времена этот барельеф имел ритуальное значение: здесь приносились жертвы богам.

Акрополь Линдоса похож на многие сохранившиеся акрополи Эллады: расширенная от позднейших наслоений площадка и несколько колонн с остатками капителей, установленных на отреставрированное основание. Напрасно искал я среди древних камней, изъеденных водой и ветром, знаки морской судьбы Линдоса — их не было. Время и многочисленные войны почти ничего не оставили от величественного храма, посвященного Афине Линдосской.

Мы отправились на причал, то есть заехали туда на автомобиле, как заезжают по утрам скупщики рыбы. На палубе одного катера мое внимание привлек крепкий черноусый мужчина в замызганном комбинезоне и пестрой спортивной шапочке. Мы подошли к нему, а он, не понимая причины нашего интереса, назвался Никосом и сообщил, что профессия рыбака в их роду потомственная, рыбные места он знает как свои пять пальцев, в последние годы рыбы стало намного меньше, а оптовики все время немилосердно сбивают цены. Потом он громко крикнул: «Анастасий!» и, кивком головы указав на высунувшегося из рубки парнишку, сказал, что это его сын. На этом и завершилось мое интервью с представителем трудового народа острова Родос.

Я не спросил у рыбака, какому святому он молится перед ежедневным выходом в море. Скорее всего в его каюте висела иконка покровителя всех плавающих по морям святителя Николая. Но в этих местах есть и другой святой, покровительствующим людям моря. Я узнал об этом на острове Сими, что в двух часах хода от Родоса, в монастыре Святого архангела Михаила Панормитского.

Когда мы подошли к причалу, на острове зазвонили колокола. Их звон продолжался до тех пор, пока все пассажиры не сошли на берег. Однако я не обнаружил фигуру звонаря на красно-белой колокольне над воротами монастыря. Колокольный звон для создания соответствующего настроения у путешественников передавался в записи на магнитную пленку. Объяснение этого факта я нашел в монастыре. Братия оказалась столь малочисленной, что некому было бить в колокола: здесь всего два монаха и игумен — архимандрит Гавриил.

Монастырь, основанный в конце XVIII века, существует за счет пожертвований и сборов с туристов. В монастырском музее, где стараниями братии и добровольных помощников поддерживается образцовый порядок, хранится немало памятных даров, поднесенных командами заходивших сюда кораблей. Есть подарки и от русских моряков — иконы, предметы церковной утвари, модели судов.

Популярность монастыря объясняется тем, что здесь хранится чудотворная икона архангела Михаила, а архангел Михаил Панормитский считается небесным покровителем путешественников по морю. Поэтому

и заворачивают сюда моряки, они просят у святого патрона удачи — так же, как когда-то просили их предки у Афины-Паллады.

— Ежегодно в день святого архангела Михаила у нас бывает по пять-шесть тысяч паломников, так что в гавани становится тесно, — говорил нам архимандрит Гавриил. — Это и моряки, и люди, направляющиеся к христианским святыням Иерусалима. Только из России теперь не бывает ни кораблей, ни паломников...

Сими, как и Родос, относится к архипелагу Двенадцати островов, которых на самом деле больше сотни. Еще сто лет назад он считался крупнейшим в Средиземноморье центром рыболовства и добычи морских губок. Население острова приближалось к тридцати тысячам человек. Однако экономическая депрессия и падение спроса на продукты традиционного промысла привели к тому, что люди стали уезжать с острова. Теперь здесь всего две с половиной тысячи жителей, сосредоточенных, главным образом, в городке Ано Сими, или, как его называют местные жители, Хорио.

Обитатели Хорио занимаются обслуживанием туристов и работают в порту, куда из Пирея и с островов Эгейского моря при-

ным образом, в городке Ано Сими, или, как его называют местные жители, Хорио.

Обитатели Хорио занимаются обслуживанием туристов и работают в порту, куда из Пирея и с островов Эгейского моря приходят огромные грузовые паромы, заменившие шхуны и ялики здешних морских извозчиков. С палуб нарядных прогулочных судов несколько раз в день высыпает на берег космополитическая толпа коллекционеров впечатлений, вооруженная фотоаппаратами и видеокамерами. Набережная встречает их магазинчиками и лотками, где продается местная экзотика: губки, поделки из камня и раковин, высушенная морская живность.

Но для того, чтобы ощутить подлинный дух Хорио, надо неторопливо подняться по Кали Страта, извилистой улице-лестнице из пятисот ступеней, на самую вершину холма, где установлен высокий крест, кажущийся снизу двумя прутиками. Конечно, дома моряков и рыбаков, построенные в прошлом веке, помнят и лучшие времена. Брошенные строения постепенно превращаются в руины. Но таких мало. Те же дома, где живут люди, и теперь ласкают глаз своей непритязательной патриархальностью и приспособленностью к условиям острова. Пусть даже кое-где облупилась краска с резных дверей, кованые балкончики тронуты ржавчиной, а охра с крашенных стен смыта дождями.

По дороге, во время передышек, можно заглянуть в боковые улочки и переулочки, в тупички, где козы щиплют жесткую траву, в крохотные дворики, затейливо выложенные разноцветной галькой, в приземистую церковь, где в таинственной пустоте потрескивают лампы перед темными ликами византийских икон. Когда же Кали Страта приведет тебя на самый верх холма, к железному кресту, казавшемуся снизу двумя прутиками, откроются изгибы береговой линии, коричневые нагромождения гор, уходящее за горизонт море и небольшая площадка на берегу, где когда-то находилась верфь. Если очень постараться, то сквозь дымку иногда можно увидеть там быстрые тени греческих трирем с круто загнутыми носами, соскальзывающие со стапелей в море...

ПРИЮТ ДЛЯ РЫЦАРЕЙ

Я иду по городской стене Родоса. Здесь проложена настоящая дорога шириной метров пятнадцать-двадцать, вымощенная камнями. На ней растут маки — целые поляны алых маков, невольно вызывающих ассоциацию с пятнами крови.

Справа от меня — каменные зубцы парапета и выступающие наружу ниши с бойницами, где устанавливались небольшие пушечки и укрывались арбалетчики. Артиллерия врага, разумеется, старалась накрыть тех, кто находился на самой высокой точке. Поэтому не будет преувеличением сказать, что алые маки действительно выросли на крови.

Но значительно больше крови было пролито там, внизу, где во рву зеленеет пышная растительность и пронзительно вскрикивают павлины. Сухие рвы, широкие и глубокие, представляли собой в средневековые серьезные препятствия для наступающих. Они гнили здесь сотнями, обстреливаемые со стен, башен, бастионов и городских ворот.

Сверяясь с картой, рассматриваю бастион Святого Георгия, башню Девы Марии, башню Испании, ворота Святого Иоанна, башню Италии. Вдали, на фоне моря, видны очертания массивного форта Святого Нико-

лая, сторожившего вход в гавань. Этот средневековый форт не потерял военного значения и по сей день. В годы второй мировой войны итальянцы, владевшие островом, обстреливали оттуда американские корабли.

Фортификационные сооружения Родоса по своему инженерному уровню и сохранности уникальны — другого слова не подобрать. Когда понадобилась подходящая натура для съемок фильма по роману Алистера Маклина «Пушки острова Наварон», выбор сразу же пал на Родос. В романе рассказывается о том, как горстка американских десантников и греческих партизан овладевает считавшейся неприступной цитаделью, расположенной в Эгейском море на вымышленном острове Наварон.

Слева парапета нет. Я подхожу к краю стены и осторожно заглядываю вниз. Деревья мушмулы с желтыми крупными цветками кажутся отсюда кустами дрока, а город — нагромождением серо-коричневых и желтоватых кубов и плоскостей, однообразие которых нарушается колокольнями, куполами и минаретами. Основной ориентир для меня — дворец великого магистра. Четырехугольный двор Археологического музея, неподалеку от него, подсказывает, что там где-то проходит улица Рыцарей, на которой мне надо будет еще раз побывать. И дворец, и госпиталь (нынешний Археологический музей), и улица Рыцарей, и католические церкви, и мощные укрепления — все это память об ордене иоаннитов, управлявшем островом 213 лет.

Возникновение этого ордена относится ко времени первых крестовых походов, когда группа монахов основала в Иерусалиме благотворительное учреждение — странноприимный дом с госпиталем. Здесь оказывали помощь паломникам и рыцарям, пострадавшим в битвах за веру, поэтому занимавшиеся этой деятельностью монахи получили прозвище госпитальеров. С годами, однако, благотворительная деятельность монашеского сообщества отошла на второй план.

Ко времени высадки на Родосе (1309 год) орден госпитальеров, официально называвшийся орденом святого Иоанна Крестителя, стал крупной военно-религиозной организацией с жесткой структурой и дисциплиной. Его называли мечом Святого престола, направленным в самое сердце мусульманского мира. При щедрой поддержке западноевропейских монархов рыцари-иоанниты не только насаждали веру Христову, но и брали под контроль торговые морские пути, приобретали владения, добывали рабов.

Но не эти свершения, оставшиеся уделом исторических сочинений, составили подлинную славу иоаннитов. Город Родос, отстроенный ими за два столетия практически заново и окруженный четырехкилометровой стеной, стал памятником рыцарям, носившим на плаще белый восьмиконечный крест — символ восьми рыцарских доблестей.

Направляющая путника стрелка указывает, что пора спускаться с крепостной стены вниз, в городскую суету. Буквально в десяти шагах от подножия лестницы шумят на все голоса улицы, носящие имена Софокла, Аристофана, Эсхила, Перикла, Платона, Демосфена и других знаменитых греков. Улицы, узкие и извилистые из-за экономии площади, ныне представляют собой непрерывный ряд магазинов, где идет торговля без перерывов и без выходных дней с утра до позднего вечера. Магазины расположены в прохладных первых этажах, а наружу, на горячий асфальт мостовых, выставлен наиболее привлекательный и ходовой товар.

В монастыре святого Михаила Понормитского.

Пасха в Греции - праздник общенациональный. Митрополит Апостолос во время крестного хода.

Главная торговая улица, законодательница мод и традиций, носит имя Сократа. Эта улица заслужила право называться именем великого философа, жившего в V веке до н.э., поскольку под ней раскопали мостовую эллинистического времени.

Столь же древний фундамент у нынешней улицы Рыцарей. Короткая и прямая, она вывела меня к дворцу великого магистра ордена иоаннитов. Улица Рыцарей примечательна бывшими подворьями так называемых «языков» — своего рода национальных секций ордена. В ту пору, когда иоанниты завладели Родосом, в составе ордена было семь «языков» — Прованс, Овернь, Франция, Италия, Арагон, Англия и Германия. Позже было решено разделить Арагон и Кастилию, и «языков» стало восемь. Подворья использовались для собраний рыцарей, представлявших определенные «языки», и в качестве пристанища для земляков. Руководитель каждого «языка» входил в высшую иерархию ордена и отправлял строго определенные обязанности. Так, должность адмирала флота всегда занимал итальянец, а должность казначея — немец.

Дома, построенные из желтоватого песчаника, кажутся поначалу однообразными. Но это проходит, и ты видишь, что у каждого дома, тем более у каждого подворья — своя физиономия, создаваемая арками, решетками, обрамлениями окон, эркерами, отделкой фасада. Рельефные изображения гербов, отмечавших национальную принадлежность того или иного подворья, исполняли роль флагов над нынешними посольствами. Я долго разглядывал бурбонские лилии на фасаде французского и провансальского подворий; ис-

И странно, как в сюрреалистическом фильме, открылся вдруг передо мной темный закоулок с припаркованным там красным «фиатом», и девушка в белых брюках громко прокричала что-то в открытое стрельчатое окно, откуда через секунду высунулась рука с японским магнитофоном...

Трудно представить, в каком состоянии пребывали до реконструкции эти дома, возле которых теперь с удовольствием фотографируются туристы. В течение трехсот лет господства Османской империи многие здания перестраивались, использовались не по прямому назначению. В городе появились мечети, медресе, бани и другие сооружения в восточном стиле.

Понадобилась скрупулезная работа археологов и историков, чтобы идентифицировать то или иное строение, выявить его первоначальный облик. Ценным подспорьем для исследователей стали средневековые миниатюры и хроники, благо, пожелавших описать удивительный город в средние века оказалось немало.

Но самая сложная и невероятно трудоемкая работа была впереди: восстановление, пусть и с известным допуском, первоначального облика средневекового Родоса. Эту задачу выполнили итальянцы, захватившие остров в 1912 году.

Надо сказать, что итальянцы обосновались здесь, как говорится, «всерьез и надолго». Мой родосский знакомый Иракий Павлидес увез меня в центральную часть острова и там, помимо отмеченных в путеводителях достопримечательностей, вроде Долины бабочек, показал следы итальянского пребывания. Среди них были: асфальтированные дороги и действующий поныне водовод с акведуком, бывший командный пункт военно-морских сил с примыкающими к нему церковью, гостиницей и стадионом. Гостиница работает, католический храм заперт на замок, а бывший штаб никак не используется, и каждый может сюда свободно войти. Туристы с Апеннинского полуострова, знающие о

его местонахождении, специально приезжают сюда, чтобы осмотреть ветшающее двухэтажное здание, откуда, как говорят, был отдан приказ о начале военных действий итальянских военно-морских сил против Греции. «VIVE ITALIA!» — прочел я надпись краской на стене одной из комнат этого дома, пахнущего старым деревом...

Итальянский губернатор Двенадцати островов де Векки в 1937 году объявил о начале грандиозной программы восстановления средневекового Родоса. Ни у местной администрации, ни у самого дуче не было и тени сомнения в том, что Италия будет всегда владеть Родосом, а быть может, и всей Грецией. Разумеется, определенную роль в принятии такого решения сыграло и болезненное пристрастие итальянских фашистов к поискам исторических корней своего движения, их желание обрядить в героические одежды каждый свой шаг. Миссия средневековых рыцарей в восточном Средиземноморье, их ритуалы и деяния, благословляемые папой римским, — все это явно волновало воображение губернатора.

В наибольшей степени амбиции де Векки воплотились в сооружении дворца великого магистра. Когда-то турки, воспринимая прежний дворец как символ врага, устроили в нем тюрьму. Здание разрушалось к середине прошлого века взорвался порох в подвале церкви Святого Иоанна, и второй этаж дворца рухнул.

Надо отдать должное искусству архитекторов и мастеров-строителей, которые за четыре года возвели практически новый дворец.

Пройдя через портал между двумя мощными башнями, я оказался во внутреннем дворе, где в нишах установлены подлинные эллинистические скульптуры, потом поднялся в крытую галерею второго этажа. Но только побродив по анфиладам комнат и залов, число которых приближается к 160, уяснишь до конца простую истину: дворец строился не как приближенная к оригиналу ко-

пия, а как резиденция губернатора и место приема гостей высокого ранга. Поэтому в пустоватых помещениях непонятного назначения великолепные античные мозаики, вывезенные с острова Кос, соседствуют с китайскими вазами, резными шкафами красного дерева, византийскими колоннами, готическими статуэтками, золочеными канделябрами... Есть залы, предназначенные для танцев и банкетов, что, разумеется, никак не вяжется с нравами монахов-рыцарей, каравших смертью на колу христианок, вступивших в любовную связь с иноверцами.

Очевидно, пределом мечтаний губернатора было принять во дворце короля Виктора-Эммануила. Для него был приготовлен парадный зал с величественным креслом на возвышении, под лепным королевским гербом. Однако король не удостоил Родос своим посещением.

А что же рыцари-иоанниты? Какова была судьба ордена после того, как турки, осадившие город, предъявили ультиматум? Осознав бесплезность дальнейшего сопротивления, рыцари, ведомые великим магистром Иль-Адамом, и около пяти тысяч родосцев во главе с православным митрополитом Клементом, в соответствии с условиями капитуляции, погрузились на корабли и вечером 1 января 1523 года отбыли на остров Крит. Оттуда через несколько лет рыцари ордена святого Иоанна перебались в Италию, где скитались из города в город, пока испанский король не даровал им Мальту.

Став мальтийскими рыцарями, они продолжали прежнюю тактику борьбы с неверными, нападая на их суда и города. Пытаясь возродить былую славу ордена, они даже провозгласили своим великим магистром русского царя Павла I, а во время войны Греции за независимость предложили себя в союзники греческому временному правительству, чтобы возвратиться на Эгейские острова. Все было тщетно — средневековая

идеология и принципы деятельности ордена безнадежно устарели.

В конце концов иоанниты (родосские, мальтийские рыцари) нашли в себе силы возвратиться к истокам. Теперь они содержат больницы в европейских странах и более чем когда-либо имеют право называться своим изначальным именем — госпитальеры.

Неисповедимы пути твои, История...

ПАСХА

Поздно вечером на Великую Субботу, то есть 22 апреля, под праздник православной Пасхи, нарядно одетые люди заполнили площадь перед самым большим храмом Родоса — собором Иоанна Евангелиста. Люди толпились повсюду: на набережной и тротуарах соседней улицы, на палубах украшенных фонариками кораблей и балконах окрестных домов. Присутствовала рота солдат с оружием.

Длинная вереница горожан медленно втягивалась под своды церкви, где совершалась Божественная литургия. Из раскрытых церковных врат доносилось суровое одностольное мужского хора, напомнившее мне древние роспевы русских. Время от времени офицер, командовавший солдатами, принимал положение «смирно» и отдавал честь официальным лицам, прибывающим на Пасхальное богослужение. Официальные лица, в свою очередь, пожимали руку офицеру.

Перед полуночью солдаты по команде офицера совершили перестроение, высоко вскидывая колени, и промаршировали к убранному цветами и лентами деревянному возвышению, специально возведенному перед церковью.

Наконец, под удары колокола из врат показались процессия высших священнослужителей, среди которых шествовал митрополит Апостолос, глава церкви Двенадцати островов. Взойдя на возвышение, он после молитвы провозгласил:

— Христос анесте!

И сотни голосов согласно повторили за ним:

— Христос анесте!

Снова грянул хор, зазвонили колокола, оповещая весь люд о наступлении самого главного и самого красивого праздника православной церкви. Гавань огласилась корабельными сиренами, треском множества хлопушек и ракет. Люди с просветленными лицами поздравляли друг друга с Христовым Воскресением, подпевали хору, зажигали свечи. У многих в глазах стояли слезы радости.

В какой-то момент я вспомнил, что именно в византийской церкви князь Владимир открыл благолепие, тронувшее его языческую душу, отчего и повелел крестить народ Киевской Руси по греческому обряду. Сами же греки обрели христианскую веру от апостола Павла, который после казни Христа не-

мало поездил по земле Элады с проповедью новой веры. Южнее Лидоса есть живописная голубая бухта, носящая имя Святого Павла. Здесь, по преданию, он ступил на берег Родоса, чтобы крестить жителей острова.

Тут надо сказать, что православная церковь сыграла особую роль в истории Греции, многие века находившейся под игом иноземным, а значит, и иноверческим гнетом. Во многом благодаря ей сохранились не только вера, но и национальная культура и самобытность народа. Поэтому и Пасха здесь — праздник общенациональный.

...На следующее утро после всенощной мне довелось стать свидетелем интересного действия, которое носит название «Облачение епископа при народе». Как мне стало известно, в нашей церкви он совершается почти каждую неделю, а в Греческой — один раз в год, на Пасху.

Церемония облачения происходила в каком-то школьном зале, увешанном анатомическими плакатами и изречениями мудрецов. Несмотря на неподобающий антураж, обряд был исполнен с торжественной величавостью. Под звуки все тех же песнопений мужского хора с постоянным рефреном «Христос анесте!» на митрополита Апостолоса было возложено праздничное облачение, состоявшее из довольно значительного числа предметов, надеваемых в определенном порядке. После этого, взяв посох, митрополит вышел из школы на тихую городскую улицу, сопровождаемый священнослужителями и официальными лицами.

А на улице митрополит проследовал по живому коридору, благословляя на ходу паству, и, наконец, занял место во главе процессии. Под звуки духовой музыки начался крестный ход. Согласно традиции Русской православной церкви, он происходит в пасхальную ночь. Однако не столько это обстоятельство, сколько сам обряд облачения епископа, проведенный почему-то не в храме, а в школе, вызвал у меня желание получить разъяснение. И я обратился к коллеге по поездке, сотруднику отдела внешних церковных сношений Московского патриархата

Александру Булекову.

— Этот обряд во время турецкого владычества призван был подчеркнуть непокорность православной церкви и всего греческого народа, — пояснил Александр.

— Епископа одевали в укромном месте, после чего паства окружала его плотным кольцом, и они с пением шли к храму, и турки не смели нарушить церемониал. Вот о чем напоминает нам сегодняшнее действо, куда не случайно прибыли официальные лица и военные.

Упоминание о военных вызвало в памяти вчерашний вечер. Присутствие на Пасхальном богослужении вооруженных людей показалось мне тогда неуместным, чуть ли не отзвуком военного режима «черных полководцев», о которых мы когда-то довольно слышали. Александр Булеков посоветовал мне поговорить на эту тему с отцом Венедиктом. Поскольку программа включала контакты с Греческой церковью, он был включен в нашу журналистскую группу в качестве официального представителя Русской православной церкви. Отец Венедикт — выпускник богословского факультета Афинского университета и потому, помимо своих служебных обязанностей, часто помогал нашему переводчику.

— Церковь освящает все общество, в том числе и вооруженные силы, которые его защищают, — рассказал отец Венедикт. — Ведь есть и святые, которые носили оружие и поражали им врагов. У нас, например, это Александр Невский и Дмитрий Донской. Кстати, вчера я был приглашен на пасхальное разговление к митрополиту. Там присутствовал и генерал, который возглавляет квартированные здесь войска. Солдаты показали нам народные танцы, и мне очень понравилось, что сиртаки вместе с солдатами танцевали и офицеры. Это было братское общение. И церковь присутствовала, была молитва, и народные традиции, все было.

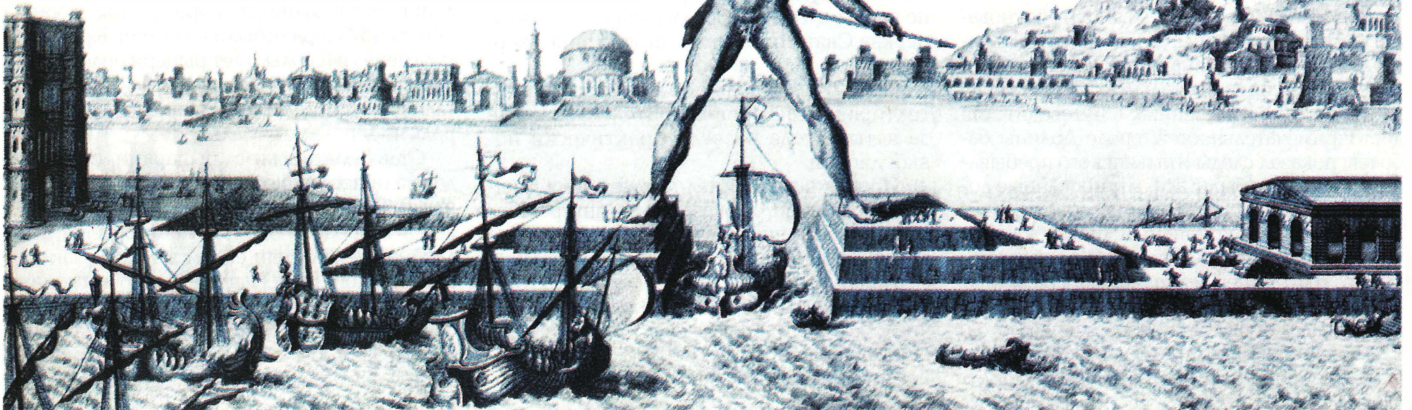
Так же радостно и светло праздновали на острове через несколько дней день Святого Георгия. Происхождение этого праздника уходит корнями в языческую древность, в те времена, когда земля воспринималась пахарем как живое существо, как мать-кормилица.

Вечером, услышав колокольный звон, я отправился в городок Афанду, километрах в двух от нашей гостиницы, но застал уже конец праздника, хотя народу на площади возле церкви было еще много.

Мгновенно распознав во мне иностранца, какие-то женщины в черных платках и кофтах прикололи мне на рубашку квадратик картона с изображением святого Георгия, а на следующем шагу мне была вручена тяжелая краюха хлеба.

Так уж получилось, что и я стал не чужим на этом празднике жизни.

О-в Родос, Греция

Н. НЕПОМНЯЩИЙ
Фото К. ЯНСИТОВА
(наши специальные корреспонденты)

В СИАМЕ МЫ НЕ НАШЛИ СИАМСКИХ КОШЕК

Всю свою сознательную жизнь я путешествовал, как оказалось, неправильно, не подозревая, что в дороге меня защищают пять ангелов-хранителей. Принимал решения в те дни, когда этого не следовало делать, игнорировал движения звезд, пренебрегал предзнаменованиями, не обращал внимания на подсказки добрых и злых духов.

— Так ты долго не протянешь, во всяком случае, в Бангкоке, — доверительно заявила мне, надвигаясь на меня всем своим большим и горячим телом, наша-спутница-на-неделю, знаток местных реалий из фирмы «Prestige Passport Travel» Сумали. Но дальше распространяться на эту тему не стала, поскольку справедливо опасалась, что мне могут наскучить ее рассуждения на околорелигиозную и астрологическую темы. А потерять клиента да еще в такой «мертвый» сезон в Таиланде — беда!

А время для путешествия действительно было неподходящее! Мы попали в столицу в апреле, в разгар лета. Долго собирались, и вот — баня! Огромная парная величиной с целый Таиланд. Не хочется двигаться, не то что с кем-то вежливо беседовать, договариваться о встречах и поездках — притулиться бы к кондиционеру и замереть...

Но расслабляться нам не дано было ни на час.

...Сумали все же захватывает мою потную ладонь и шепчет на жуткой смеси английского с итальянским:

— Жизнь у тебя будет долгая (знакомые мотивы с площади Киевского вокзала). Хотя духов ты не признаешь, серьезных катастроф у тебя не было (это можно и так заметить). В Бангкоке ты впервые (какая пронзительность!). И ангелы у тебя все же имеются, — и она ткнула толстым пальцем куда-то в верх ладони.

Ладно, пусть будут. В таком городе без добрых «защитников» не обойтись. Ведь Бангкок — Город Ангелов!

ПО ХЛОНГАМ БАНГКОКА

Подлинное имя столицы Таиланда — Крунг Теп — действительно означает «Город Ангелов», а Бангкок — это была такая маленькая рыбацкая деревушка на берегу

ДУРИАН (туриан)

Король тайских фруктов. Мягкая желтая плоть заключена в колючую броню. Обладает специфическим запахом. Не рекомендуется держать в общественных помещениях!

САНТОЛ (гра-таун)

Мякоть зрелого плода оранжевого цвета. Ее едят с мая по июль.

ЛАНГСАТ (лангсард)

Удалив коричневую шкурку с плода, вы обнаружите прозрачное мясо - сладкое и одновременно освежающее. Поспевает с июля по август.

МАНГО (ма-мианг)

Самый популярный в Таиланде фрукт с марта по июнь. Зрелый — сладкий и сочный; кисловатый и освежающий, когда еще зеленый.

ДЖЕК-ФРУТ (ка-нуи)

Его сезон сезон — с апреля по сентябрь. Когда разрежешь плод, видна его нежная оранжевая мякоть, есть следует охлажденным.

РОЗОВОЕ ЯБЛОКО (шомпо)

Внешне плод напоминает персик с розовой кожицей и белым нутром; твердое и хрустит, как яблоко. Его время — с января по март.

АРБУЗ (танджо) — не нуждается в представлении.

КАРАМБОЛА (ма-фуенг)

Этот кислый фрукт используется для консервирования и варений. Еще известен как китайский крыжовник. В продаже с октября по декабрь.

«КРЫЖОВНИК-ЗВЕЗДОЧКА» (ма-уот)

Недозрелый — зеленый и кислый, зрелый — желтый и сладкий. Поспевает с июля по сентябрь.

Визитная карточка любой страны — ее национальная кухня. У тайцев эта «карточка» острая и пряная и составлена из контрастных вкусовых ощущений — соленого и кислого, горького и сладкого. Фрукты в ней занимают главное место. А искусство их резки — самое совершенное в мире. Ну, если не в мире, то в Азии — точно. Ни одно торжественное застолье не обходится без красиво нарезанных фруктов, уложенных на серебряном блюде, украшенном цветами.

Это искусство уходит корнями в средние века, в эпоху Сукотаи, во времени правления короля Менграи. Его супруга Нанг Ноппамас на одном из праздников соорудила огромных размеров чашу из листьев банана и стеблей бамбука, выложила ее резанными фруктами — и получилось чудо. Сегодня фестиваль Лой Кратонг посвящен исключительно искусству резки фруктов и овощей.

Оно официально признано одним из десяти видов национальных ремесел и первоначально было разрешено только при королевском дворце, но

ФРУКТОВАЯ ФЕЕРИЯ

САПОДИЛЬЯ (по-тайски «ламоод») Мягкая коричневая плоть этого плода напоминает финик, ее нужно разрезать и есть кусочками. Дерево плодоносит с сентября по декабрь.

АНАНАС (сапарот) Таиландские ананасы по вкусовым качествам превосходят своих сородичей в других странах. Щепотка соли только усиляет его своеобразные вкусовые качества. В продаже круглый год.

ГУАВА (фаранг) Мякоть плода, жесткая и хрустящая, едят с солью. Можно купить в течение всего года.

КОКОС (мапра-орн) Кокосовая пальма плодоносит круглый год, особенно хороши ее молодые орехи; молоко из них можно пить, как из сосуда.

ВИНОГРАД (ар-нгун) В Таиланде растут белый и черный виноград, оба сорта очень сладкие.

ПОМЕЛО (сом-о) Плод-гигант напоминает грейпфрут и апельсин одновременно. Делится на дольки, как и другие цитрусовые. В продаже с августа по ноябрь.

МАНГОСТИНА (манг-коот) Королева фруктов, плод защищен твердой бордовой оболочкой, под которой прячутся сладкие дольки. Его сезон — с мая по сентябрь.

РАМБУТАН (нгау) Плод рамбутана похож на красно-зеленого ежика; разломив его, обнаруживаешь сладкую мякоть. В продаже с мая по сентябрь.

ЗАЛАККА (ра-кам) Под твердой кожицей плода залакки прячется сладкая мякоть. На рынках с мая по август.

БАНАН (клуеи) В Таиланде много видов бананов, но короткие — самые вкусные.

«ЯБЛОКО» ДРАЧЕНА (нои-на) У этого необычного вида фрукта кремовидное белое нутро с черными косточками, которое едят ложкой. «Яблоко» можно отведать с июня по сентябрь.

РАМБИ (ма-фай) Плод с кисловатой мякотью внутри. В продаже с июля по октябрь.

постепенно разошлось по храмам, а потом и по всему королевству.

Особое распространение это искусство получило при короле Раме II, который написал поэму о тайских женщинах, которые, кроме прочих добродетелей, обладают и даром «резьбы по фруктам».

Признанным призером последних фестивалей остается преподавательница Пенпан Ситти-трай — к ней приезжают учиться этому своеобразному искусству со всего мира, но больше всего из Швейцарии, Франции, Австралии и Индии.

реки Шао Прайя. Внешне город и впрямь напоминает убежище множества небожителей — с тремястами буддистскими храмами, подпирающими вечно голубые небеса. Но мы видели другой город — убежище обычных смертных, перегруженный транспортом и людьми мегаполис, задыхающийся в смраде выхлопных газов, больший по размерам, чем Джакарта и Манила, с очень земными проблемами.

Сверху эти земли предстают тоскливой коричневато-салатовой гладью, испещренной прямыми линиями каналов и квадратами рисовых чеков. Жизненную силу им дает полноводная река Шао Прайя, величаво текущая от северных границ страны на восток и юг к Сиамскому заливу. Хлонги — каналы — это ее дети. Палочки-выручалочки гигантского города, замершего в часовых уличных пробках, и поэтому мы сразу отказались от машины и выбрали лодку, чтобы вплыть в прошлое и настоящее Таиланда.

— Все-таки мы так быстро меняемся, — признается мне Сумали, — что я сама не замечаю, как становлюсь чужой в собственном городе. Население его увеличивается на четверть миллиона в год.

Наш микроавтобус лавирует в уличном муравейнике и устремляется к спасительной реке по Новой улице, название которой написано и по-английски, и по-тайски.

— Это самая старая улица Бангкока, — грустно улыбается Сумали, — она восходит ко времени, когда, кроме хлонгов с лодками и слонов, у нас не было никаких транспортных средств. Слоны уже далеко, а хлонги исчезают...

В путеводителе по Бангкоку серии «Inside Pocket Guides», считающемся одним из лучших и потому приобретенном загодя еще в Лондоне, знаток города Стив ван Бек советует перед поездкой по каналам посетить королевский музей плавсредств; затем явиться в два часа пополудни к Восточному отелю; пройти вдоль здания через узкий коридорчик и выйти на пристань; нанять «рисовую» лодку риа май (моторку), а не «длиннохвостик», на 8 — 10 человек. Цена будет зависеть от вашей способности торговаться, но не более трехсот батов. Сказать лодочнику, что едете на четыре часа.

Вы думаете, мы так и сделали? Ничего подобного!

Во-первых, Сумали провела нас к лодке каким-то окольным путем, и было это ранним утром, а не в «два часа пополудни», как указано в «гайде». Во-вторых, она выбрала не «рисовую» лодку, а именно «длиннохвостик». Лодочник, молодой парень в драных штанах и выцветшей фуфайке, помог нам безошибочно ступить на нужную доску днища, чтобы шаткая посуда не черпанула воды и, не дай Бог, опрокинулась. С особой теплотой отнесся он к Сумали, которая ступила на корму с видом тайской принцессы в изгнании, возвращающейся с почетом на родину, но потом вдруг замахала руками, пытаясь удержать равновесие.

— Только не за руль! — именно это, скорее всего, завопил лодочник, принимая на себя основной вес нашей спутницы и заслоняя своим телом трехметровую лесину, именуемую рулем, торчавшую из воды, как соломинка из коктейля.

Наконец все уселись. Взревел мотор. Плавно развернувшись, наш гондольер направил судно вверх по реке, ближе к противоположной стороне, чтобы через несколько минут нырнуть в ближайший хлонг. Мимо проплывали храмы, здания офисов и отелей, но скоро все это кончилось. Нас окружила тишина. Мотор, смолкший на какое-то время, позволил прислушаться к журчанию воды, крикам птиц в ветвях и радостным воплям детишек, безбоязненно плескавшихся в сомнительной чистоте водах канала. По обоим берегам проплывали однотипные хижины из рубероида с террасками, неизменные лодки и всюду — бесчисленные собаки — худые, шарахающиеся от людей (значит, обижают!), вечно голодные. (И не всегда живые.)

Хлонги охватывают полукругом полувину Бангкока. Они приведут вас практически в любой уголок города, и до сих пор здесь лодок больше, чем автомобилей. Утренняя река встречает вас не тишиной и прохладой, а ревом моторов, гудками и криками лодочников. Разноцветная армада снует по реке, на первый взгляд, бессистемно, но на самом деле все тут упорядочено и четко организовано. Флагманы, несомненно, тяжелые и низко сидящие баржи-рисовозы, похожие на новы ковчеги тонн на 30-50 каждый. Кроме них — бес-

численное множество торговых суденышек-сампанов, прогулочных баркасов и так называемых «скифов» с длинным-предлинным рулем — те самые хангию - «длиннохвостики».

Бонсонг — наш капитан на несколько часов — немного говорит по-английски, а то, что не понимает, спрашивает у Сумали. Он родился здесь, на воде, и здесь же, на верное, умрет.

— Раньше было намного чище, не было вот этого, — и он брезгливо отпихнул от борта лодки какой-то сомнительного вида предмет, похожий на остов доисторического животного. — А вообще-то за двести лет тут мало что изменилось, разве что магнитофоны стали орать благим матом в хижинах по берегам. А взрослые женщины купаются одетыми в темные саронги. Они не раздеваются вообще, — доверительно сообщил в заключение Бонсонг.

Когда-то морские приливы поднимались даже сюда, в каналы, и вымывали все нечистоты в море, — продолжал рассказывать Бонсонг. — А сегодня много хлонгов закопали, сделали искусственные, и приливы уже не ощущаются. Бизнес на хлонгах процветает. Бакалейные лавки, рестораны, лотки с мороженым, бары — все на лодках. И даже — банки!

— Раньше вот здесь был плавучий базар, все то же, что на берегу, только на воде. Но, к сожалению, перебрался на сушу. Помню, в былые годы на лодочке можно было проплыть вдоль прилавок и по дешевке купить все — от булавки до автомобиля, не говоря уже о том, чтобы закутить.

Где-то на втором часу круженья по хлонгам наш лодочник вдруг проголодался. Сбросив скорость, «длиннохвостик» стал медленно подходить к небольшой плоскодонке, уткнувшейся носом в илестый берег. Там священнодействовал некто в соломенной шляпе, скорее всего, китаец. Лицом он к нам так ни разу и не повернулся. В одной кастрюльке у него кипела вода, куда он время от времени кидал шмотки рисовой вермишели. В другой бурлили мясные шарики. В третьей был соус ярко-оранжевого цвета.

— Сладкий ананас с горьким «чили», — объяснила, глотая слюну, Сумали.

Отточными движениями старик сбросил в фарфоровую чашечку щепотку

вермишели, на нее положил три фрикадельки, а поверх брызнул соуса. Лодочник, чуть ли ни на лету, поймал блюдо и принялся поглощать его столовой ложкой, помогая себе деревянной палочкой. Бросив обратно чашку и монету в десять батов, он снова взялся за руль. А к плавучей закускойной уже подходила следующая лодка.

Разморенная качанием на волнах, Сумали разоткровенничалась:

— Николай, я очень люблю фарангов (иностранцев). Они хорошие люди, никогда ничего плохого нам не делали. Я в матери тебе гожусь. Ну, в старшие сестры. Моя мать — далеко на севере, в буддистском монастыре, она паломница. А бабушка была очень старая, она родилась в середине прошлого века и еще девочкой знавала русских моряков.

— Не может быть! — Я оторвал взгляд от проплывавших мимо хижин под сенью кокосовых пальм и уставился на Сумали. — Каких еще моряков?!

— У меня дома записано. Капитана звали, кажется, Асланбек.

Так... Малоизвестная страница советско-тайландской, то есть извините, российско-сиамской дружбы, как написали бы в «застойные» годы. Забегая вперед, сообщая: я нашел этого «Асланбека». Речь шла о судах Тихоокеанской эскадры, бросившей якоря на внешнем рейде напротив устья реки Менам в... 1882 году. Командовал эскадрой адмирал Асланбегов. Но как она запомнилась?!

— Сумали, а что еще рассказывала твоя бабушка?

— Она говорила, что ей очень понравились русские моряки, гостившие в Бангкоке.

Русско-сиамские связи... Качаясь на волнах, поднятых встречным «длиннохвостиком», я уже прикидывал, где искать продолжение темы, чтобы потом прислать Сумали более подробный рассказ о пребывании российских моряков на берегах Таиланда — на память о незабвенной бабушке.

И я нашел, уже в Москве. Да простит меня читатель, настроившийся на жаркую тайскую волну, давайте остановимся совсем ненадолго под навесом из банановых листьев, а я тем временем набросаю главку

в несколько строк, в надежде, что прочтет ее и моя бангкокская подруга.

...Задолго до открытия морского пути в Индию и до того, как первые сведения о Таиланде достигли Европы, в Центральной Азии знали о существовании мощного тайского государства. Еще в первой половине XV века узбекский ученый и путешественник Абд ар-Раззак из Самарканда описал его в своем трактате, и в те же годы тайские товары впервые попали на среднеазиатские базары. В то же время в Таиланде появились выходцы из Армении, а в XVII веке путешественники с Кавказа стали здесь нередкими гостями. Тайские правители, всегда проявлявшие религиозную терпимость, были рады иностранцам. В Таиланде появились даже армянские поселения! И у христиан были те же права, что и у местного населения. В конце XVIII - начале XIX века большой интерес к этой стране проснулся и в России, благодаря нескольким книгам, вышедшим в Санкт-Петербурге и Москве.

Первыми российскими гостями Таиланда стали два судна — клипер «Гайдамак» и корвет «Новик» в 1863 году. Король Рама IV вручил капитану клипера Печурову пакет с визитными карточками для передачи русскому правительству. Через десять лет в дельте Менама бросил якорь другой корвет — «Аскольд». Командующий Тихоокеанской эскадрой Брумер и офицеры были приняты при дворе. В их честь был устроен феерический праздник на воде с королевскими гребцами.

Не обошел вниманием Таиланд и Н.Н.Миклухо-Маклай, хотя об этом мало кто знает. Он был принят королем Чуалонгкорном, давшим указание оказывать русскому ученому всяческое содействие. Было это в 1875 году. Николай Николаевич составил подробное описание племен оранг-сакаи и оранг-семанг, записал свои впечатления от тайских архитектуры и ремесел.

И вот появляется, наконец, тот самый адмирал Асланбегов. Эскадра прибыла на празднование столетия Бангкока 16 апреля 1882 года. Офицеров разместили в роскошном дворце для гостей, их принял король и министры. Затем команде вручили памятные медали в честь юбилея столицы. Спустя девять лет в воды Таиланда вошла канонерская лодка «Сивуч». Капитан Плаксин вручил королю Чуалонгкорну высшую российскую награду — орден св. Андрея Первозванного и письмо от Александра III. В свою очередь, капитан Плаксин был удостоен ордена Белого Слона II степени.

А вскоре в России побывал брат короля принц Дамронг, посетил Одессу и Севастополь, был на кораблях. И вслед за ним сам король удостоил своим визитом Санкт-Петербург и Москву...

Первое же русское посольство в Таиланде появилось в апреле 1898 года. Подробные материалы о русско-тайских связях опубликованы Институтом востоковедения РАН. Так что, дорогая моя Сумали, у твоей бабушки действительно были все возможности познакомиться со славными российскими мореходами сто с лишним лет назад!

Вконец укачанные, мы с облегчением ступили на твердый причал близ Восточного отеля, и тут последовала расплата — всего по 20 батов с человека, меньше, чем в преysкуранте. Теперь я понял, почему Сумали повела нас к пристани с другого хода. В этом городе все надо делать умеючи, иначе никакие ангелы не спасут вас от катаст-

рофически пустеющего кошелька. Этот урок мы не забывали, пустившись уже в сухопутное путешествие по стране в поисках самых экзотических примет жизни Таиланда. Мой интерес к природе и особенно к животному миру придал этим поискам определенную направленность...

ПЕТУХИ И ПЕТУШКИ

В один из самых жарких дней, какой только можно было выбрать в череде наших тайландских будней, мы отправились на петушиньи бои. По правде сказать, одного из нас больше интересовали схватки не настоящих, а аквариумных петухов из отряда лабиринтовых рыб. «Но или вам и то, и другое, или — ничего, так здесь повелось», — вежливо объявила Сумали.

И мы поехали в дальние пригороды Бангкока.

Места проведения петушиних боев особо не афишируются и фарангов туда пускают с неохотой. Но нам пошли на встречу, ведь мы клятвенно пообещали не вмешиваться в игру и не нарушать священнодействия участников.

Вдоволь намучившись в «пробках», мы уже в девять утра оказались на месте. Но... «зал» был пуст. Впрочем, его стоит описать подробнее.

Нас провели между двух деревянных хибар, стоящих прямо на болотистой почве, утыканной пустыми бутылками и пивными банками. По хлипкому мостку через ручей перебрались на некое подобие полянки, посреди которой стоял соломенный навес, а под ним — круглый ринг, огороженный куском поролона полуметровой высоты. Матерчатый пол этого загончика был жестоко изорван когтями дерущихся птиц. Вокруг него расставлены пластмассовые табуретки, а в нескольких метрах от арены местные хозяйки уже разворачивали «полевые кухни» — все та же рисовая вермишель с «наполнителями» в виде куриного мяса (оно бежало в изобилии повсюду), мясных фрикаделек и овощей плюс несколько острых приправ.

Участники состязания мерили пространство соломенных клеток, изготовленных в виде полусферы и расставленных вокруг ринга. Окрас птиц был в основном черно-красно-белый с вариациями, а

внешне они удивительно напоминали археоптериксов из альбома реконструкций доисторических животных Буриана — такие же мощные голенастые лапы, острые клювы и пронзительные взгляды...

Наконец появились владельцы и, скрестив ноги, расселись на деревянном «насесте». Встали. Ушли. Принесли трех петухов и пустили на ринг. Сами сели рядом на корточках. Стали взвешивать на руках — для боя нужны одинаковые птицы. Принесли еще двух. Трех! И вот их уже восемь. Из них отобрали первую пару. Между тайцами началась перебранка. Наверное, это входит в ритуал подготовки. Гребешки у петухов между тем наливались кровью, и они внимательно рассматривали друг друга, видимо, взвешивая шансы соперника.

Прошло часа три. Жара крепчала. Пошли безобидные оскорбления: «Твой совсем цыпленок!». «А твой недоношенный, вылез раньше яйца из курицы!» (Вот будет смеху, если именно он победит!)

Тут все как по команде поднялись и отправились на площадку неподалеку — делать ставки. Нас туда не пустили.

Полдень. Петухов унесли поить теплой водой. Им смачивают головы и протирают губкой шпоры, а потом заклеивают их скотчем. Иначе этой бой может оказаться для многих птиц последним. А не хотелось бы: цена бойцового петуха — от 500 до 1500 долларов!

Наконец ставки сделаны, начинается бой. Бойцы ходят кругами, как бы испытывая друг друга на выносливость и лишь изредка поддают сопернику клювом или когтистой лапой. Шеи у них вытянуты, они так и норовят подлезть головой под крыло другого, развернуть его и протаскать по всему рингу в такой унижительной неестественной позе. Удачный клювок. Еще. Зрители, а главное, владельцы, неистовствуют. За день многие тут теряют все и приобретают целое состояние, равное многолетнему заработку тайца среднего достатка.

Я спросил Сумали, почему столько здорových молодых людей в будний день проводят время здесь, а не работают, скажем, на уборке фруктов или стройке. Она с удивлением возрилась на меня и, потягивая из аптечного пузырька приторную жидкость, именуемую здесь «глюкозой», величественно ответила:

— Николай, это ежедневная изнурительная работа. Такого петуха нужно вырастить, уберечь от воров и завистников-отравителей. Да-да, нанимают специальных петушинных киллеров, которые готовят ядовитые добавки к зерну. Поев его, петух медленно, незаметно поначалу, хиреет, теряет бойцовские качества, а главное — не может производить себе подобных. И потом, они — миллионеры!

Вот уж чего не скажешь по их виду! Братия, сгрудившаяся вокруг ринга, меньше всего напоминала даже людей среднего достатка, которых большинство на улицах Бангкока. Может, это такой особый шарм — вырядиться в лохмотья, а потом уехать на роскошной «тойоте» или ином лимузине — таких, кстати, немало скопилось у проходного двора, ведущего к полю боя. Но этого нам так и не удалось выяснить, поскольку мы были приглашены к другим петухам, на этот раз с плавниками вместо перьев.

Под соседним навесом разворачивалось захватывающее действо, и тут правила ничем не отличались от предыдущего. Участники состязания, два крупных самца, сидели в разных стеклянных сосудах, но уже давно заметили друг друга через толстые стекла и ходили, дугой выгнув тело и распушив «оперение», которое переливалось всеми цветами радуги.

В отличие от настоящих петухов эти дерутся единожды, потому что раны, нанесенные в бою, бывают настолько серьезны, что не позволяют рыбам мериться силами во второй раз.

Но вот, вволю налюбовавшись друг другом, петушки стали выказывать готовность к драке. Владельцы удовлетворили это желание бойцов — в мгновение ока оба оказались в одной стеклянной банке с довольно теплой водой (температура действует на лабиринтовых рыб, живущих на воле в мелких прогреваемых солнцем водоемах, в том числе рисовых канавках, как красные штаны матадора на быка). И тут же сцепились усами не на жизнь, а на смерть. Может, они слышали подбадривающие крики хозяев и болельщиков, а может, сами себя подначивали, короче говоря, одного бойца скоро пришлось удалять с поля, как говорится, в крайне тяжелом состоянии. Соперник выдрал ему напрочь большую часть рта и плавник, не говоря уже о мелких царапинах. Его владелец и те, кто поставил на рыбу, потеряли по 100-150 долларов — половину средней годовой зарплаты тайца.

Поскольку бои эти в стране проводятся полузаконно, то с нас, фарангов, взяли за «секретность» 200 батов и очень просили не называть места действия. Вот тут-то строители баталий могли быть абсолютно спокойны: даже под регрессивным гипнозом я не смог бы объяснить, как мы добирались до этого забытого Богом уголка на задворках Бангкока...

В ПАСТИ КРОКОДИЛА

— Это был настоящий гигант — метров шести, а весил, точно помню, 1114 килограммов! Родился у нас в питомнике, 10 июня 1972 года. Занесли в Книгу рекордов Гиннеса как самого крупного крокодила, родившегося в неволе. Звали Йан.

— А вид какой?

— Наш, сямский. Правда, наполовину. Его мать, сямка, согрешила с каким-то близлежащим кавалером. Представляете — мы даже точно не знаем — с каким. Там их целая куча! Сами увидите.

Нам невероятно повезло. На самой крупной в мире крокодильей ферме Самутпракарн, что на полпути между Бангком и туристской Меккой Патайей, удалось встретиться с почти легендарным основателем питомника и зоопарка мистром Утаи Йонпрапакорном. Еще будучи совсем молодым человеком, он в 1950 году буквально на пустом месте построил первые вольеры, подвел воду, добыл лицензии на отлов животных на севере страны. Доставил их сюда, на ферму, и началась работа.

— Должен вам сказать, — заметил доктор Утаи, — что желающих трудиться здесь было маловато, даже при том, что многие тогда искали работу. У людей какой-то врожденный страх перед рептилиями. Хотя с точки зрения эволюции это вряд ли объяснимо. Ведь если и было кого бояться в древности, так это динозавров — вон они, кстати, экспозиция — целый юрский парк, — но человек не совпал с древними ящерами в пространстве и времени — их разделяют десятки миллионов лет. Зачем же тогда бояться крокодилов? Посмотрите потом на наших дрессировщиков — те навсегда преодолели в себе страх перед жуткими челюстями и мощным хвостом.

Доктор Утаи не скрывает, что у питомника не только природоохранное, но и коммерческое назначение.

— Иначе нам просто не свести концы с концами. Изделия из кожи — сумки, ремни, обувь — расходятся прекрасно. Их покупают главным образом японские и русские туристы. А вот обед из крокодильего мяса до сих пор считаю кошунством, как хотите думайте. Сидят посетители рядом с вольерами, любуются на рептилий и едят из кокосовых горшочков суп из... них же. Но я не вмешиваюсь...

Мы не стали расстраивать мистера Утаи и не притрунулись к крокодильему мясу, хотя по вкусу оно, говорят, как телятина, а двинулись прямо к вольерам.

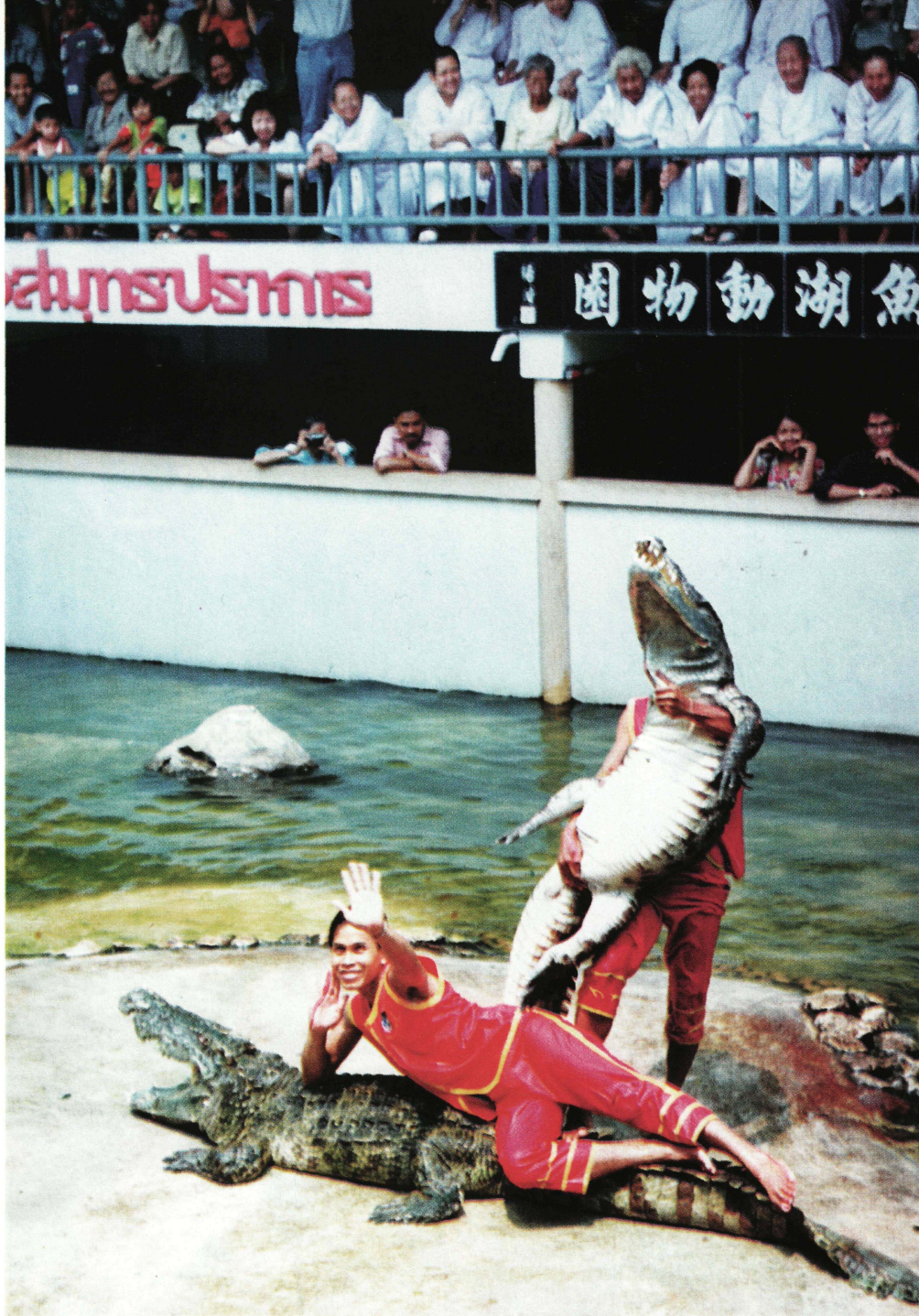
Короткое отступление для тех, кто не делает различий между крокодилом, аллигатором, гавиалом и кайманом (эту информацию о своих питомцах предоставил специально для наших читателей питомник Самутпракарн).

Их подопечные — древнейшие создания на земле. Выжили они, главным образом, потому, что климат в тех местах, где они обитали, практически не менялся. Живут в пресной воде, но не брезгают и солоноватой в устьях рек. Но один вид — гребнистый крокодил — настолько храбр, что заплывает далеко в море, его видели в 600 километрах от берега!

На суше они часто лежат с широко открытой пастью — это связано с терморегуляцией. Неверно думать, что им чем жарче, тем лучше. Ничего подобного! 38 градусов для многих из них — предел терпимости.

Питаются всем, что движется и что могут одолеть. В желудке одного гиганта обнаружили останки... носорога. Бегают по суше галопом и довольно быстро, до 12 километров в час. Откладывают до сотни яиц. Маленькие крокодильчики внутри, перед тем как вылупиться, принимаются квакать, тогда мать их оттуда вызволяет.

Теперь о видах. Их двадцать один. Семейств — три. В питомнике представлены все, и, право, стоит посмотреть на них почти в естественной среде обитания. Животные размещены по возрастному признаку и, конечно, так, чтобы отдельные особи не принялись вдруг выяснять меж-

видовые отношения. «Детский сад» кишит малявками всех видов длиной до метра — полутора. Здесь, как ни старайся — все равно не поймешь, к какому семейству относится тот или иной зубастик.

Идем дальше, поднимаясь на мостик и рефлекторно пробуя ногой крепость досок: под нами — раскрытые пасти и внимательные мутные глазки — не приведи Господь свалиться! Об этом предупреждал еще мистер Утай. Давным-давно был случай (об этом здесь не любят вспоминать) — служитель, мывший настил, птясь, задом снес ограждение. Хотя помощь подоспела буквально через несколько секунд, удалось вытащить только верхнюю половину тела, нижнюю так и не нашли.

Но вернемся к семейству аллигаторов. Это американские виды, за исключением одного китайского. Типичный представитель — миссисиппский аллигатор — достигает длины 5,8 метра. Вот он, раскрыл пасть. Вентируется... Молодой — видны ярко-желтые полосы на почти черной коже. А вот и его китайский собрат, у этого морда покороче, имеются три пары так называемых зазатылочных щитков. Мелко-

ват. Живет только в нижнем течении Янцзы. Не опасен.

Очковых кайманов — два вида. Довольно опасны для человека. Но изделия из их кожи весьма ценятся, поэтому в питомнике их больше всех. Однако в дело идет только кожа молодых животных — им не исполнилось десять лет. Потом она затвердевает намертво.

Следующее семейство — настоящие крокодилы — самое многочисленное в природе. В этом нетрудно убедиться, свесившись за перила, отделяющие два мира. Зеленоватая поверхность пруда вроде бы спокойна — ни всплеска. Ни за что не подумаешь, что он кишит огромными рептилиями. Но вот одна выдает себя неосторожным движением хвоста — со дна поднимается ил и расплывается по поверхности. Вслед за ним медленно показывается гребнистая спина, щиток, другой, третий... Когда же они кончатся?! Перед нами великан метров в шесть, не меньше! Именно таких размеров достигают нильские крокодилы, способные нападать даже на буйволов, не говоря уже о незадачливых пловцах и прачках.

К семейству причислен и тот самый гребнистый крокодил, который способен плавать в открытом море. Уникальный вид. Среди десятка других, дефилирующих в прудах под нашими ногами, этого узнаешь сразу — по паре мощных гребней на голове.

И последнее семейство — гавиалы. Вот он, обладатель длинной и узкой морды, оседлал самку, которой, кажется, все равно, кто там, наверху, — жарко... Нередко передняя часть морды у гавиала неестественно расширена — там расположен придаток из мягких тканей, напоминающий индийский глиняный горшок «гара» (отсюда и название «гавиал» — искаженное от «гариал»). Если повезет, можно встретиться с ним в тайландских реках. Но советуем нашим соотечественникам, не обладающим навыками общения с крупными рептилиями, туда не соваться...

Нам оставалось увидеть главный аттракцион фермы — кроко-рестлинг. Не будучи сторонниками игрищ с дикими и очень опасными животными, мы все же решили познакомиться с действием и не пожалели об этом.

Как и любое цирковое представление, это таит в себе элемент риска: как ни выдрессировано животное, поведение его непредсказуемо. Может быть, эти молодые ребята, ежеминутно рискующие жизнью, еще пока хорошо отделились лишь шрамами на руках. Сытые, ухоженные рептилии вяло, как бы нехотя выполняют прихоти дрессировщиков — держат открытой пасть и позволяют таскать себя по-всякому. Выяснить у циркачей, не было ли несчастных случаев, не удалось, не помогла даже ссылка на знакомство с мистером Утай. Единственное, что мы сумели узнать — для подобных представлений отбираются путем целенаправленной селекции самые покладистые, неагрессивные особи, усваивающие дрессуру, и именно их пускают в разведение — для закрепления полезных навыков. Но о каких навыках можно говорить применительно к рептилии?.. (Хотя оппоненты могут вспомнить ручных удавов в поселках южноамериканских индейцев, тех, что охраняют дома и малых детей от хищников.)

Одно можно сказать твердо — хлеб у этих ребят не легкий, несмотря на кажущуюся легкость их действий. Достать зубами купюру, брошенную в пасть рептилии, — для этого надо быть не только ловкачом, но и отчаянным храбрецом. К тому же можно представить, какое зловоние исходит из пасти крокодила, питающегося рыбой и моллюсками!

Сорок тысяч крокодилов — это много даже в масштабах всей Юго-Восточной Азии. Дело, за которое сорок пять лет назад взялся энтузиаст-таец, процветает. Пусть за счет туризма — разве это плохо? Здесь, на ферме, удалось найти ту золотую середину, когда и научная природоохранная работа ведется, и зрелищность обеспечена, и местная промышленность развивается. А что такое десяток-другой сумочек, проданных за день, когда в садках подрастают тысячи двухметровых обладателей прекрасной кожи?

ЗНАК ОРХИДЕИ

Ощущение рая земного я в своей жизни испытывал трижды. Первый раз — среди зеленых холмов в провинции Нампула в Мозамбике, когда череда голубых гор уходила за горизонт, за безбрежную саванну, освещенную розовым закатным солнцем,

и земля медленно остывала, потрескивая и отдавая накопившееся за день тепло; второй раз — на шоссе среди Аллеганских гор в Пенсильвании, когда автобус остановился, мы вышли, и все стихло — осталось только пропитанный хвоей прозрачный воздух и стерильно-зеленый лес и знак: «Внимание! Здесь дорогу переходят жабы!». Третий раз это произошло здесь, в Таиланде, в Парке орхидей Нонг Нох, на побережье Сиамского залива, близ Патаяи. Меня привело сюда желание своими глазами увидеть индийских слонов, занимающихся в особой лесной школе, о которой так много пишут местные газеты.

...В давние времена армии сиамских королей нередко одерживали победы благодаря безотказному оружию — толстокожим гигантам. По аналогии с кавалерией их полки и роты можно было бы назвать — а может, и называли, кто знает! — элфантиерией. То были особые боевые слоны — грозные и безжалостные. А их менее воинственные собратья тем временем трудились на лесозаготовках и украшали собой дворцы знатных тайцев.

К большой печали туристов и детишек, слонов в Бангкоке не осталось. От огромного королевского стада, насчитывавшего когда-то более сотни голов, сохранилась лишь пара гигантов в зоопарке. Но память о них жива. Наш спутник, генеральный менеджер турагентства «ППТ» Шавалит, вспоминал:

— Когда я был мальчишкой, слоны буквально терроризировали водителей городского транспорта. Животных водили каждое утро купаться на Та-Шанг, речку возле королевского дворца. И по дороге в школу мы их непременно встречали. Обычно они вели себя смиренно, но только не в период течки. В такие дни самцов купали отдельно от самок, и первым это, самое собой, не нравилось. Я как сейчас вижу ту сцену: вдоль улицы бредут томимые любовной страстью самцы. И тут — автобус. Стадо заметно оживилось, затрубило, задвигало бивнями. Напрасно погонщики пытались их урезонить. Какое там! Автобус протяжно загудел, слоны поняли это по-своему, буквально поперли на него, подняли бивнями и чуть не опрокинули. Наверное, округлый вид машины и звуки, ею издаваемые, что-то напомнили соскучившимся по женской ласке самцам. Как они ошибались! Поняв свою ошибку, обескураженные, виновато прядая ушами и помахивая хвостиками, толстокожие деловито потрусили дальше.

Здесь, в Парке орхидей, крупнейшем в

Южной Азии ботаническом саду, расположена слоновья школа. Кроме нее, на сотнях гектаров разместились зоопарк местной фауны, коллекции кактусов, орхидей, сотни пород хвойных и лиственных деревьев. Десятки видов пальм. Искусно стриженные кустарники, изображающие различных животных, и рукотворные каскадные пруды говорят об огромном труде, вложенном в этот уголок побережья. Именно сюда и привезли в свое время из дальних провинций первых слонов. Основное обучение происходит не здесь, а на границе с Бирмой, в парк же они приходят пешком — недели на две-три на каникулы. Кое-кто из них может задержаться здесь и на год, как в санатории, если здоровье не позволяет работать.

Все животные, участвующие в обычных туристских шоу, специально не обучаются. Их никто не учит ходить по узкой досочке, положенной на двух бочках, стоянию на задних ногах и перетягиванию каната с висящими на другом его конце ребятишками. Тем более некогда учиться слонам швырять мяч в ворота — они просто подсмотрели это однажды у людей и тут же переняли их игры.

...Несколько больших групп туристов из Тайваня запустили в слоновник, не предупредив, что там будет. Простодушные дети и не менее наивные взрослые накупили подозрительно дешевых бананов у услужливо подставивших им корзинки местных торговцев и, обложившись фруктами, уселись на трибунах. Слоны появились как-то неожиданно, с погонщиками на спинах, и сразу же по-деловому направились к первым рядам трибун. Зрители заволновались. Тревога усилилась, когда погонщики вдруг разом спрыгнули со спин животных и куда-то исчезли.

Между тем слоны быстро подошли вплотную к зрителям и стали безошибочно выдергивать из-под лавок банановые связки. Находили даже самые мелкие и одинокие бананчики, спрятанные в сумки! Обработав таким образом первый ряд зрителей, принялись за второй и третий.

А потом началось представление. Самым эффективным был номер под названием «бревна». Добровольцы ложились в ряд на небольшом расстоянии друг от друга, а слон аккуратно перешагивал их, ставя колонноподобные ноги между телами. А если ошибется? Говорят, такого случая еще не было.

Я заметил, как погонщики то и дело наклоняются и что-то тихо говорят своим подопечным, а те внимательно слушают. Этих молодых людей называют кванами. Это особая каста, овеванная ореолом таинственности. Они говорят на очень древнем и странном языке, письменности на котором не существует. Слоны великолепно его понимают. Носители «слоновьяго языка» — люди племени суи из северных провинций Таиланда. Язык запрещен передавать кому-либо «на сторону», только прямым наследникам, которые будут заниматься тем же ремеслом. Больше о загадочном способе общения между кваном и слоном мне узнать ничего не удалось. Предполагаю, что это одно из чудом сохранившихся древних средств коммуникации между человеком и животными, основанное на шипящих звуках и свисте; оно позволило будущему царю природы прочнее встать на ноги и отвоевать себе место среди братьев меньших, а потом было напрочь забыто за ненадобностью. Но, как оказалось, забыто не всеми...

А как же сиамские кошки? Ведь Таиланд — их родина. А вот их-то увидеть как раз не удалось. Оказывается, чтобы поглазеть на это, по мнению гордых тайцев, чудо природы, надо послать запрос в главное управление по туризму, причем за много недель до поездки. Тайцы дорожат своими последними сиамками. Впрочем, этого богатства много и у нас в стране, и в Западной Европе, там, куда столетие назад сиамский король отправил пару кошек в подарок бывшему английскому консулу в Бангкоке Гуду. И наверное, пожалел об этом, потому как с тех пор тайцы никому их больше не показывают. Да и сохранились ли они вообще в Сиаме — сиамские кошки?

Бангкок — Патаяя

ПАРТНЕРСТВО В ОДИНОЧКУ

Читатели, подписавшиеся на трехтомник **К.МАЯ «ВИННЕТУ»** и сборник **«ТАЙНЫ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ»**, обращаются в редакцию журнала с вопросом, когда же они получат книги. Как известно, эти издания редакция предприняла по договору с **ЦРПА «Роспечать»**. Договор четко определял обязанности сторон. «Роспечать» проводит подписку и **не позднее 15 декабря 1994 г.** переводит собранные с подписчиков деньги на счет редакции. Редакция, в свою очередь, на эти деньги выпускает книги. Подписка прошла довольно успешно: как сообщили нам в «Роспечати», наши издания собрали тираж около 12 тысяч экземпляров каждое. Однако наш партнер ни до 15 декабря, ни по сей день ни рубля за подписку на **К.МАЯ** нам не перевел, а на **«ТАЙНЫ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ»** — перевел лишь частично.

А в конце мая этого года редакция получила письмо за подписью заместителя генерального директора Агентства «Роспечать» **А.Ройко**. В нем не только нет речи о переводе денег подписчиков, но доводится до сведения, что даже если мы выпустим книги за свои средства, то рассчитаются с нами не раньше, чем через три месяца. Редакция считает это прямым нарушением договора и объявляет подписчикам, что издание трехтомника **К.МАЯ «ВИННЕТУ»** не состоится. Подписавшимся на это издание по вопросу возврата денег советуем обратиться в отделения «Роспечати» на местах.

Адрес ЦРПА «Роспечать»: 123837, ГСП, Москва, проспект Маршала Жукова, 4.

Что касается **«ТАЙН ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ»**, то первый том в количестве 5 тысяч экземпляров передан «Роспечати» для рассылки подписчикам, остальная часть тиража а также тиражи других томов будут реализовываться редакцией самостоятельно.

Справки по телефонам 285-89-36

Редакция

Да будет ДОЖДЬ!

— ... Тамтамы, не умолкая, били всю ночь. С рассветом наступил финал магического действия. Когда я пришел на площадку перед хижиной местного джу-джу, чудотворца-профессионала из таинственного клана посвященных, там уже собралось все население деревни. Джу-джу неподвижно сидел лицом на восток, что-то неслышно шепча себе под нос и периодически закатывая глаза. Напротив него стояла обнаженная молодая женщина, чье лицо закрывала густая вуаль. Это была «заклинательница дождя» из соседнего племени тома, которую джу-джу, очевидно, пригласил ассистировать ему на столь ответственной церемонии.

Какое-то время заклинательница молча покачивалась в такт барабанному ритму. Затем начала сама дирижировать тамтамами, резко вскидывая руки во все убыстряющемся темпе и заставляя барабанщиков ускорять свою дробь.

Я посмотрел на небо и не поверил глазам: едва заметная вечером белесая дымка превратилась в серую пелену, которая сгущалась и тяжела с каждой минутой. Местами в ней уже начинали клубиться темные ливневые тучи, рождавшиеся, казалось, прямо нас над головой.

А заклинательница все подгоняла и подгоняла тамтамы, пулеметными очередями хлеставшие по облакам. И небо не выдержало столь жестокой экзекуции: из низко нависших туч наконец-то полился долгожданный дождь.

Так описывает английский путешественник Хьюго Чатерис магическую церемонию вызова дождя, которую наблюдал в 50-е годы нашего столетия в Гвинее. Он подчеркивает, что не может дать рационального объяснения увиденному.

Впрочем, такие обряды с незапамятных времен были в ходу и у других народов.

Когда наши далекие предки-кочевники перешли к оседлому образу жизни, став землепашцами, они оказались в полной зависимости от атмосферных осадков. Это привело к появлению специалистов-заклинателей, магов, колдунов, претендовавших на то, что могут вызывать дождь.

Впрочем, как отмечает английский антрополог и этнолог Дж. Фрейзер, в их искусстве обман не исключал искреннего самообмана.

Первая, наиболее древняя «школа» заклинателей дождя исходила из того, что причина сходна со следствием, а подобное вызывается подобным. Эта «теоретическая» база породила всевозможные ритуалы с обязательным использованием воды. В Уганде, например, во время засухи, чтобы вызвать дождь, крестьяне и сейчас выставляют на поля горшки с водой. Кстати, отсюда же берет начало и заклятие животных черного цвета, сходного с цветом грозových туч.

Позднее, когда люди стали верить в то, что боги управляют различными природными явлениями, в их небесном пантеоне были определены и «ответственные за дождь». У древних греков им считался Зевс, у римлян — Юпитер. Поэтому, когда начиналась засуха, босоногие римлянки с распущенными волосами отправлялись в Капитолийский храм, где молили Юпитера о милости. Торжественные шествия и молебны о ниспослании дождя можно наблюдать у многих народов самых различных вероисповеданий.

«СОТРЯСАТЕЛИ ВОЗДУХА»

Почти одновременно с древней школой заклинателей дождя возникла и научная школа рационалистов, которые полагали, что дождь можно вызвать естественными средствами, не прибегая к божественной помощи. Еще древнегреческий историк Плутарх, рассказывая о большом сражении, происшедшем в 102 году до нашей эры, высказал мысль, что шум битвы спровоцировал ливень. Дальнейшее развитие научной мысли привело рационалистов к выводу, что, поскольку природные грозы сопровождаются громом, люди могут добиться такого же результата сходными средствами, в частности путем «сотрясения воздуха». Но тамтамами тут уже было не обойтись.

В XVI веке итальянский скульптор Бенvenuto Челлини предложил использовать палубу из пушек. Во Франции «сотрясать воздух» пытались колокольным звоном. А в Америке, по свидетельству профессора Кларка Спенса, вплоть до конца прошлого века фермеры во время засухи в некоторых винодельческих районах устраивали оглушительные канонады, стреляя из пушек и ружей.

Да что там фермеры, если некоторые ученые мужи в США также разделяли веру в возможность воздействия на водяные пары путем создания искусственных атмосферных вибраций. В 1880 году отставному генералу Даниелю Рагглу был выдан патент на оригинальный способ вызывания дождя. По схеме Рагглы для этого достаточно с помощью воздушного шара поднять пороховой заряд и взорвать его в облаках.

А через десять лет, в 1891 году, министерству сельского хозяйства было дано указание провести опыты со взрывчатыми веществами. В ходе эксперимента мощные заряды взрывали на земле и в воздухе.

Шуму было много. В буквальном и переносном смысле. Что же до результатов, то их можно было считать и положительными, и отрицательными в зависимости от точки зрения: в одних случаях дождь после взрывов шел, в других нет, в третьих выпадал не там, где прогнозировалось.

Однако неоднозначные результаты не мешали миллионеру Чарльзу Посту в 1906 году ассигновать 50 тысяч долларов, чтобы «подойти тучи». «Я дал деньги не потому, что верю ученым мужам, а потому что моим высушим от жары поместьям в Техасе был нужен хороший ливень», — заявил он репортерам. В назначенный день в небо были запущены десятки воздушных змеев с зарядами взрывчатки. Загремели взрывы. И к вечеру хлынул ливень. Правда, как позднее сообщило метеорологическое бюро, в тот день сильные дожди прошли на огромной территории от Великих озер до тихоокеанского побережья Америки...

«УЧИТЕ ПЛАВАТЬ ВАШИХ ТЕЛЯТ»

Поскольку наука не могла дать вразумительного ответа как вызвать дождь, практики предлагали собственные теории на сей счет. Были среди них и весьма оригинальные, например:

— «**железнодорожно-телеграфная**», утверждавшая, что рельсы и провода увеличивают количество осадков, потому что по ним идет электрический ток;

— «**сельскохозяйственная**», связывавшая осадки со вспашкой почвы, поскольку «дождь следует за плугом»;

— «**лесная**», гласившая, что дождь вызывает посадки деревьев;

— «**химическая**», сторонники которой доказывали, что определенные газы могут способствовать выпадению осадков.

В числе ревностных сторонников «химической» теории был некий Клейтон Джуелл, железнодорожный диспетчер, чье имя вошло в американскую историю. Он сумел убедить правление железнодорожной компании «Рок-Айлендэнд Пасифик», что изобрел эффективный способ конденсации водяных паров с помощью химических веществ. Компания предоставила ему три вагона для оборудования в них «дождевой лаборатории» и практического испытания его метода.

Вагоны-лаборатории были напичканы таинственной аппаратурой со множеством баков, трубок, электрических генераторов и проводов. На крышах стояли похожие на граммофонные раструбы «распылители», по которым в атмосферу поступали особые газы, состав которых Джуелл держал в секрете. На своем мини-поезде изобретатель объездил Канзас, Оклахому, Техас, Небраску и Южную Дакоту. По его утверждению, в 66 случаях из 100 ему удалось вызвать дождь. Причем, по сообщению канзасской газеты, один раз после воздействия на атмосферу разверзлись хляби небесные и начался настоящий потоп. Когда же местные фермеры стали просить Джуелла остановить ливень, иначе их телята утонут, тот ответил: «Ничем не могу помочь: программа рассчитана на 90 дней. Так что учите плавать ваших телят».

С газами неизвестного состава работал и австралиец Фрэнк Мельбурн, которого репортеры окрестили «профессором дождя». За небольшой гонорар — от 150 до 500 долларов — он брался в течение трех дней вызвать обильные осадки в любом месте по желанию клиентов.

Внешне весьма эффективная методика австралийского «профессора» потерпела фиаско, когда обнаружилось, что в его «секретный» аппарат был вмонтирован обыкновенный барометр, а ему самому курьер ежедневно доставлял с телеграфа прогнозы погоды, которые готовила метеослужба. Это объясняло, почему в одних случаях Мельбурн принимал заказы, а в других отказывался, ссылаясь на занятость.

МАСТЕРА «ДОИТЬ» ПРОСТАКОВ

Несмотря на бесславный конец, у Мельбурна нашлось немало подражателей в Америке, с большим или меньшим успехом «доивших» не столько тучи, сколько доверчивых фермеров-простаков. Кто только не выдавал себя за «специалистов по дождю»: клерки и механики, отставные военные и преподаватели провинциальных колледжей. Обычно они предпочитали ловить клиентов на сельских ярмарках, где демонстрировали свои «дождевые машины», и, собрав задатки, бесследно исчезали.

Наиболее известным из этой когорты творцов метеорологических чудес был Чарльз Хэтфилд, коммивояжер, продававший швейные машинки. Он опубликовал в газетах странную статью, в которой описывал, как путем многолетних опытов на ферме отца в Калифорнии ему удалось подобрать особый состав из 23 химических веществ. Будучи помещен в широкую открытую емкость на высоком деревянном столбе, этот состав способен конденсировать водяные пары и вызывать дождь, если к «испарителю» подается электрический ток определенного напряжения.

Статья, написанная хотя и туманным, но вполне научным языком, произвела должное впечатление. Тем более, что Хэтфилд скромно утверждал, что он «вовсе не занимается созданием искусственных дождей, а лишь ускоряет естественные природные

Такие приспособления применяли в Небраске, США, чтобы вызвать дождь.

процессы». В течение четверти века, вплоть до 1936 года, его «испарители» во множестве торчали по всей Калифорнии. Изобретатель провел свыше 500 платных показов своей чудесной новинки, взимая за каждый от 500 до 10 000 долларов.

Будучи в зените славы, «гений-самоучка» получил звание «почетного профессора», а на родине в Сан-Диего ему при жизни поставили памятник из красного гранита с лаконичной надписью: «Хэтфилд — творец дождя». Критикам, которые осмеливались утверждать, что он лишь удачно выбирает время для своих демонстраций, его поклонники приводили веский контраргумент: великие ученые всегда подвергаются нападкам непросвещенных завистников.

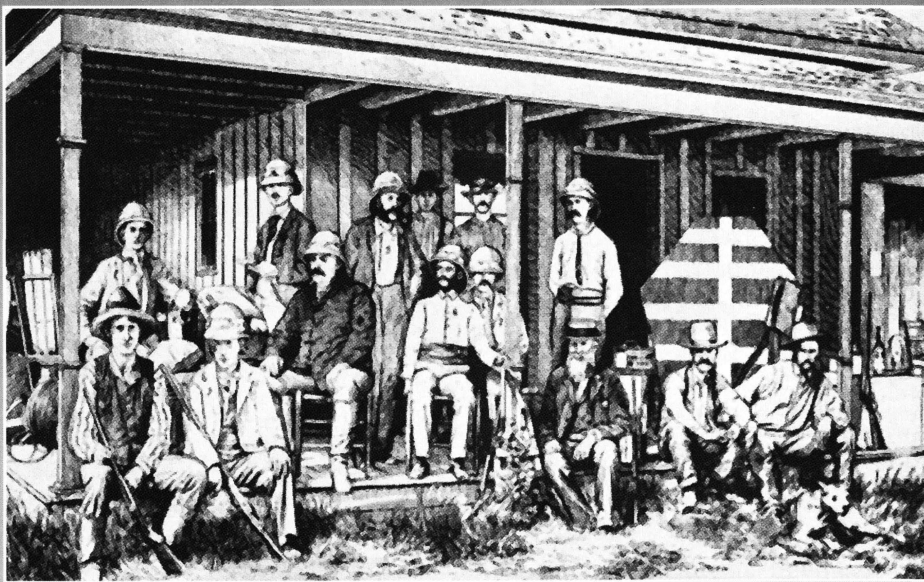
Конец карьеры Хэтфилда положил... дождь. После того, как следом за его очередным показом в течение двух дней выпало 16 дюймов осадков и вода прорвала плотину на озере Морено, власти Сан-Диего предложили «дождевателю» возместить ущерб в сумме трех с половиной миллионов долларов. Но Чарльз Хэтфилд предпочел скрыться.

Начиная с 20-х годов нашего века опытами с искусственными дождями в Америке занялись и ученые. Они перепробовали различные средства: электрически заряженный песок и селитру, уголь и серную кислоту, бомбы с жидким воздухом и мельчайшей пылью. Но однозначных результатов им получить так и не удалось.

РУКАМИ ТУЧИ РАЗВЕДУ

А теперь перенесемся за тысячи километров от Америки и на десятки лет от мошенников-дождевателей.

...Прошедшей зимой из Киева пришло сенсационное сообщение. Там объявился еще один человек, способный взмахом руки перемещать циклоны, проливать дожди на иссушенные земли, раздвигать тучи над страдающими от непогоды областями. Зовут

Члены экспедиции 1892 года в Техасе, проводившие опыты по вызову дождя с помощью взрывчатых веществ.

его Виктор Петрович Бовбалан. По призванию он метеоролог, по образованию — журналист, по прежней работе — преподаватель Киевского университета. Бовбалан основал свою погодно-измерительную норму «Биокоринтер» со штатом из двух консультантов и трех «специалистов с незаурядными способностями».

Они взялись решить неразрешимую задачу: целенаправленно изменять погоду в зависимости от потребностей народного хозяйства. По утверждению Бовбалана, урожаи 90-го, 93-го и 94-го годов на Украине — исключительно его заслуга. Как, впрочем, и майские дожди и прошлогодний жаркий сентябрь.

Правда, председатель украинского Госкомитета по гидрометеорологии Вячеслав Липинский счел его заявление «по меньшей мере, некорректным. Человек не может двигать тучи и облака. Смешно даже думать об этом».

Тем не менее, правительство Украины в августе прошлого года, предчувствуя катастрофический неурожай в стране, прибегло к последней спасительной мере. Тогдашний вице-премьер по сельскому хозяйству Владимир Демьянов решил выделить из бюджета 375 миллионов карбованцев «на изучение работ Бовбалана». Проверить эффективность метода «Биокоринтера» поручили украинским гидрометеослужбам.

Гидрометеоцентр заключил с этой фирмой договор о том, что Бовбалан проводит «показательный эксперимент» по коррекции движения холодной массы на территории Киевской области и по изменению осадков — в Днепропетровской.

По словам Виктора Бовбалана, задание было поставлено слишком неожиданно, за 1-3 дня до проведения опыта, не было времени сосредоточиться и достойно подготовиться. Несмотря на это, по его мнению, эксперименты увенчались успехом: «Биокоринтер» выполнил поставленную задачу.

Впрочем, руководитель Гидрометеоцентра Николай Кульбида осторожно заявил, что ученым слишком сложно разграничить, где атмос-

ферные фронты изменили маршруты сами собой, а где на них повлиял Бовбалан. По предварительным данным, роль «Биокоринтера» была здесь минимальной. Но все же была!

Не спешит с окончательными выводами и Украинский институт гидрометеорологии. Стараясь не называть Бовбалана ни гением, ни шарлатаном, директор УкрНИИГидромета Владимир Волощук высказался обтекаемо: «Энергия атмосферных фронтов очень велика. Чтобы появлять на них, нужен потенциал АЭС. И все же — а вдруг?»

Ученые попытались выяснить, каким образом Бовбалан изменяет погодные явления, понять «кухню биокоррекции». Но тот предпочитает держать ее в секрете.

И ВСЕ-ТАКИ ЭТО ВОЗМОЖНО

Таково мнение доктора технических наук Олега Евгеньевича Антонова, возглавляющего ТОО «Авиаконверсия».

...Несколько лет назад на стол Олега Евгеньевича легли десятки толстых папок. Это были отчеты и предложения, представленные экстрасенсами, телепатами, контактерами, «открывателями» всевозможных пси-полей, параллельных миров, нуль-пространства и т.д. Антонов — человек доброжелательный. Поэтому Министерство обороны поручило ему, начальнику лаборатории в одном из ведущих НИИ авиационной отрасли, разобраться, есть ли во всем этом какой-то здравый смысл.

— Чтобы основательно перелопатить весь ма разношерстный материал, потребовалось больше месяца, — рассказывает Олег Евгеньевич. — В итоге получились три стопки. Первая — откровенный бред. Вторая — изощренное жульничество. И наконец третья — результаты экспериментов, которым можно поверить, поскольку аналогичные факты уже были известны серьезной науке.

Больше всего из представленных проектов Антонова возмутил один, где предлагалось поворачивать циклоны за счет энергии батарейки обычного фонарика. Несколько дней он вспоминал об этом со смехом. А потом вдруг что-то заставило его задуматься. Вспомнил о деревенских колдунах, которые шли в поле,

ставили перед собой таз, сосредоточенно смотрели в него и тем самым якобы воздействовали на грозовые тучи.

— Может, именно таз вызвал какие-то ассоциации, — вспоминает Олег Евгеньевич. — Ведь он похож на рефлектор локатора, которыми я занимался всю жизнь. На управление циклонами замахиваться не решился. А вот осаждение тумана и даже дождь... Захотелось разобраться, возможно ли такое в принципе.

Антонов сумел увлечь этой задачей еще двух специалистов, Н.А.Кузьмина и В.П.Самойлова. Начали с разработки теории, которая оказалась на стыке электродинамики, физики диэлектриков, метеорологии, теории колебаний и явлений резонанса. Постепенно поняли: невероятное вполне осуществимо. А тут еще, просматривая иностранные журналы, ученые натолкнулись на маленькую заметку о том, что мощный американский локатор рассеял облака. Это подтверждало их предположения о физическом эффекте, возникающем в диэлектрических капелях воды при воздействии на них электромагнитных волн.

В общих чертах предложенная Антоновым и его коллегами теория выглядит так. Облако — а это множество мельчайших капелек определенного размера и массы — удерживается во взвешенном состоянии благодаря подпиранию давлением воздуха. Ликвидировать облако можно, либо укрупнив капли до таких размеров, когда они под собственной тяжестью выпадут на землю; либо, наоборот, измельчив их, превратить в пар. Эти два процесса будут идти непрерывно, если аэрозоль облучать электромагнитными волнами со специально подобранными параметрами и формой. Причем и первым, и вторым процессом можно управлять. В первом случае, если соседние капли расположены на расстоянии меньше половины длины волны, то время притяжения между ними будет превышать время отталкивания. Следовательно, они сблизятся, потом сольются, а затем прольются дождем.

По расчетам Антонова, человек вполне способен создать достаточно мощное поле, чтобы запустить данный процесс. Этим можно объяснить и механизм воздействия на атмосферные явления колдунов, шаманов и «заключителей дождей». Например, звуковая волна от бубна «долбит» капли воды при тумане или низкой облачности. Попав в резонанс, она заставляет их пульсировать и перемещаться, сливаться в более крупные со всеми вытекающими из этого последствиями. При определенных условиях в атмосфере такое воздействие вполне может вызвать дождь. Точно так же и сильный экстрасенс как бы нажимает на спусковой крючок, когда направляет, хотя бы с помощью таза, свое электромагнитное излучение на облако. В результате в нем нарушается динамическое равновесие и выпадают осадки.

В свете этой теории становится понятно, почему вызывают дождь африканские тамтамы и как украинские «биоэнергетики» разгоняют тучи. В ТОО «Авиаконверсия» уже разработан генератор специальных электромагнитных сигналов, которые включают практически полный ассортимент возбуждений для капелек в тучах. Не исключено, что в недалеком будущем появятся электронные «экстрасенсы-колдуны», способные управлять туманами, дождями и вообще погодой.

ВОССТАНИЕ ДЖЕНТЛЬМЕНОВ

Ученики старинной элитарной школы в Регби — той самой, которая положила начало знаменитой игре — учинили настоящий бунт, попытавшись низвергнуть нового директора школы миссис (?!) Луизу Вулкок. Мальчики никак не могут смириться с тем, что ими теперь будет командовать женщина.

После объявления о возмутительном назначении старшие ученики обвинили школьное начальство в политическом приспособленчестве и не пошли на торжественную церковную службу в честь этого события, а на стоянках для велосипедов крупно написали: «Девоч — вон!» Когда же младшеклассники надели неположенные им по правилам длинные брюки, все поняли — начался английский бунт, вежливый и непреклонный.

ГРОБ-КОММУНАЛКА

Вьетнамские пограничники в деревне Соп провинции Контум спасли от погребения заживо младенца И Тханя. Его мать умерла при родах, и, согласно обычаю народности ре, должна быть погребена вместе с новорожденным. Родственники уже понесли младенца на кладбище, но, к счастью, по дороге их встретили бойцы погранзаставы и народные полицейские.

В быту многих малых народностей до сих пор сохранились приметы весьма отдаленного прошлого. Среди зяраев, например, в горах Центрального Вьетнама живет такой обычай. Каждая семья считает своим долгом выдолбить из цельного ствола огромного дерева «гроб-коммуналку». Его закапывают — так, чтобы верхняя часть находилась недалеко от поверхности земли. Туда и помещают поочередно всех умерших членов семейства. При этом, если интервалы между смертями оказываются небольшими и предыдущие усопшие не успевают надлежащим образом разложиться, родственники без церемоний утрамбовывают их ногами, чтобы освободить место для очередного покойника. Местные власти, пытаются бороться с этим обычаем, однако особыми успехами похвастаться пока не могут. Полиция и местные «канбо» (служащие парт- и госаппарата) не раз проводили митинги среди зяраев. Те принимали решение осудить «отсталый и антисанитарный обычай» и провозглашали долголетие народной власти. «Но, — говорят они после митинга, — еще гроб не полон. Вот заполним, и тогда...»

ПРЕЛЕСТЬ ТРАДИЦИЙ

Шпаргалки стали обычным явлением при сдаче экзаменов в Нигерии. Только за последнюю неделю Бюро по приему в высшие учебные заведения в Лагосе аннулировало результаты 4000 кандидатов. Чтобы раз и навсегда пресечь подобную практику, нигерийские преподаватели предложили оригинальный способ. Они рекомендуют юным лицеисткам раздеваться до нижнего белья,ливив их таким образом возможностью пронести на экзамен шпаргалку. Мальчикам же приходится выворачивать рубашки и брюки, чтобы доказать экзаменаторам чистоту своих помыслов.

Один из педагогов предложил вернуться к старинным обычаям народов ибобиби, когда дети до совершеннолетия носили, скажем так, такой костюм, куда шпаргалки не спрятаешь. (И ничего другого, добавим, тоже...)

ЭЛИКСИР ДОЛГОЛЕТИЯ

Хунзукуты — жители долины Хунза в пакистанских горах Каракорум — заслужили славу долгожителей, а потому зачастую в некогда затерянную долину ученые. Благо, теперь добраться до Хунзы куда как легче. Часть из них убеждена в хунзукутском долголетии и тщательно изучает все, что связано с антропологией и этнографией маленького народа, другие же уезжают с уверенностью, что главное тут — несовершенство местного архивного дела, когда приписать человеку лет пятьдесят — вещь обычная. Но и те, и другие отмечают необычайную, можно сказать, главную роль абрикосов в питании хунзукутов. Связано ли с этим долголетие или нет, ученые не знают. Знают это сами хунзукуты, уверенные, что их предки выбрали долину Хунза именно потому, что здесь росли абрикосы. У них даже есть поговорка: «Твоя жена не пойдет с тобой жить туда, где нет абрикосов».

Их едят свежими, сушеными, растертыми в муку — с молоком и родниковой водой. И потому, когда урожай собран, женщины удаляют косточки и раскладывают плоды сушиться на крыше. Нужно очень много трудиться в эти дни. Зато потом долина — вся! — выглядит золотой — от обилия золотых плодов, и такой стоит аромат, что, кажется, он один может добавить десяток-другой лет...

ЕЩЕ РАЗ О ВРЕДЕ КУРЕНИЯ

Молодой человек в небольшом немецком городке Штрелице решил купить в автомате пачку сигарет. Но когда он протянул за ней руку, его укусил 16-сантиметровый тарантул, прятавшийся в нише автомата. Разозленный парень тут же раздвинул злое вредное членистоногое. Вызванные специалисты отправили останки паука на экспертизу, а пострадавшего — в госпиталь. Вот ведь, что значит «курение — вредно!» Появление тарантула в Штрелице не отмечено за те 800 лет, что аккуратно ведутся городские хроники.

БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ?

Самый высокий небоскреб в мире, в котором будет 120 этажей, предполагается построить в Австралии по проекту архитектора Бруно Гролло. Эксперты оценивают стоимость проекта в 1 миллиард долларов США. Архитектор, правда, предлагает провести вначале опрос общественного мнения, что далеко не случайно. Австралийцы традиционно отрицательно относятся к домам, высота которых превышает два этажа. А строить дом, где будут пустовать 118 этажей, согласитесь, накладно.

ПУСКАТЕЛИ ДЫМА

Пристало ли женщине курить трубку? В определенных условиях — возможно. Молодая и элегантная бельгийка 34 лет стала победительницей чемпионата по курению трубки, проходившего в городе Сент-Клод на востоке Франции. Она выкурила трубку за 2 часа 10 минут и 1 секунду, побив прежний мировой рекорд — 3 часа 9 минут 3 секунды. Чемпионка смогла «перекурить» 106 конкурентов и обошла ближайшего соперника на 13 минут. Среди зрителей, правда, отсутствовал супруг: бедняга на вопрос, поставленный вначале, отвечает резко отрицательно.

КТО ПОЛИГЛОТ?

В Лондоне выпущен новый справочник, включающий адреса политиков и чиновников, работающих в таких институтах Европейского Сообщества, как Европарламент, Европейские комиссии и Совет Министров. Согласно приведенным в нем сведениям, среди европейских деятелей наименее образованные в лингвистическом отношении — англичане, французы и ирландцы (последние обычно не знают даже родного гэльского языка, а говорят только по-английски.) Лишь 27 процентов официальных лиц Британии и Франции способны говорить не только на своем родном языке. Всего 24 процента их ирландских коллег могут сказать хотя бы одну фразу не по-английски.

В то же время 83 процента официальных лиц Люксембурга знают несколько языков. Высок процент полиглотов у немцев и бельгийцев, (правда последние двуязычны по определению, без этого им не занять никакой чиновной пост).

СНЕЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК МНОГОТОННЫЙ

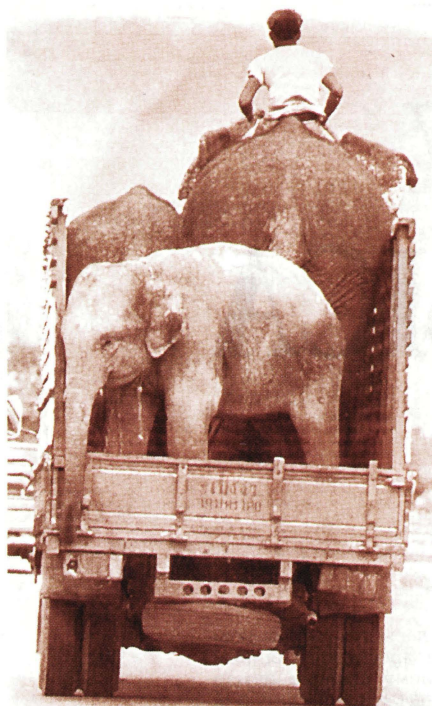
Житель одной из деревень на севере Японии потратил на то, чтобы слепить снежного человека из 30 тысяч тонн снега 10 дней. Снеговик получился высотой почти в 30 метров, что несколько выше, чем его швейцарский предшественник, зарегистрированный в Книге рекордов Гиннеса.

ВОРОНЫ — ОПОРА МОНАРХИИ

Два новых ворона, привезенных из Шотландии, приступили к своим почетным обязанностям по охране лондонского Тауэра. Назначение воронов — напоминать посетителям старинное предание о том, что, пока эти птицы не покинули крепость, британская монархия будет стоять. Согласно декрету короля Карла II, жившего в XVII веке, число воронов, охраняющих Тауэр, должно быть не менее восьми.

Муни и Хуги, названные в честь воронов скандинавского бога Одина, — отличные стражи: они довольно злобная пара. Однако Муни и Хуги нашли полное взаимопонимание с другими шестью пернатыми обитателями Тауэра. А что делать? Ни у тех, ни у других нет иного выхода, как мирно сосуществовать, потому что крылья у всех уже давно подрезаны. Остается честно служить во славу Ея Величества.

ПРАВА ТРУДЯЩИХСЯ

И среди этих прав очень важное — право на отдых после трудового дня. Все это, естественно, относится и к слонам. Во всяком случае, тайландским: ведь в этой стране слон — не зоопарковый экспонат, а рабочее животное в самом прямом смысле слова. Легко ли ему, проработав целый день на лесной делянке, топтать потом час, а то и больше, до родимого загона, да еще тащить на спине погонщика и инвентарь? Поэтому в Таиланде стали развозить слонов на работу и по домам на грузовиках. Благодарный труженик ответит на заботу ударным трудом. (Подробнее о тайландских слонах — в этом номере.)

ДРАКУЛОВЕДЕНИЕ — НАУКА НАУК

В конце мая в столице Румынии прошел Всемирный конгресс дракуловедов. Его программа предусматривала тщательное изучение «мифа, легенды и истории» знаменитого вампира, прообраз которого — трансильванский князь XV века Влад Цепеш. И — доказательство, что никакой он не вампир. За свое участие в борьбе с турками он считается в Румынии национальным героем. Ведь если разобраться, человек был мягчайший: разве что недолюбливал магометан и всю нелюбовь выражал принятыми в средневековье грубоватыми способами.

БУТЫЛОЧНЫЙ БУМ НА НОВЫХ ГЕБРИДАХ

Через нынешнее крошечное островное государство Вануату на Новых Гебридах во время второй мировой войны прошли американские войска. Они оставили после себя оборудование, палатки и пустые бутылки. Со временем все эти ценности превратились в источник доходов для островитян, которые рьяно занялись их поисками. Работа оказалась легкой и прибыльной. Бутылка с надписью «Окленд» на донышке стоит 500 вату, то есть 5 долларов, а такую редкость, как стеклянный сосуд из-под кока-колы с надписью «Сан-Франциско, Калифорния», меньше чем за 1000 вату не купишь. У австралийских туристов «бутылочное золото» идет нарасхват.

В небогатой истории Австралии — это, считай, что предметы античности. В конце концов, и в Европе археологию изрядно обогатили римские легионеры.

ЭЛЕКТРОННАЯ ПРОФИЛАКТИКА

Британцы собираются присматривать за своими преступниками, уже отбывшими наказание, с помощью электроники. Датчики размером с большие карманные часы будут прикрепляться к лодыжке или запястью вышедших на свободу заключенных. Отныне вряд ли кто-нибудь из них рискнет даже просто похулиганить во время футбольного матча, зная, что об этом немедленно узнают правоохранительные органы. Когда проводили испытания, один из подопытных — авторитет в законе Чарльз О'Ши заметил:

— Уж лучше тюряга. Там хоть на пару минут от легавых скроешься...

НЕ БЫЛО БЫ СЧАСТЬЯ...

Летом прошлого года во многих уголках Японии ощущалась острая нехватка воды. В некоторые городские дома ограничивалась подача жидкой влаги, закрывались бассейны. Однако в префектуре Фукуока на острове Кюсю местный зоопарк неожиданно извлек для себя выгоду из этой ситуации. Здесь пришлось почти вдвое сократить число дней, в которые обновлялась вода в бассейнах, где проживают тюлени и белые медведи. В результате было сэкономлено более 600 тысяч долларов, на которые зоопарк ухитрился построить собственную систему водоснабжения. Так что теперь подопечные зоопарка всегда смогут плескаться в свежей воде.

Раздел ведет Л.МИНЦ
Рисунки В.ЧИЖИКОВА

К ЮГУ ОТ МЫСА ЯВА

Роман

Глава 8

Нескончаемо и безымянно тянулись часы под голубым безоблачным небом, расцвеченным яростным сиянием тропического солнца, и по-прежнему шлюпка номер один с пыхтением ровно двигалась на юг, волоча за собой на буксире вторую. Обычный запас топлива для шлюпки рассчитан всего на сотню миль при работе двигателя на полную мощность. Но у Маккиннона хватило предусмотрительности взять с собой несколько дополнительных канистр с бензином, и у них достаточно топлива, чтобы даже при плохой погоде дойти до Лепара, острова, размерами примерно с остров Шеппи, расположенного немного к западу от выхода из Мэклсфилдского пролива. Файндхорн, с его пятнадцатилетним опытом плавания в этих местах за плечами, знал Лепар как свои пять пальцев и, что самое главное, знал, где там можно отыскать много бензина. Единственным неизвестным оставались японцы, которым было вполне по силам захватить остров. Однако принимая во внимание факт, что их сухопутные силы слишком широко разбросаны, возможность оккупации столь маленького клочка суши представлялась маловероятной. С большим же запасом бензина и пресной воды на борту можно было плыть куда угодно, хоть до Зондского пролива между Суматрой и Явой, — особенно в сезон северо-восточных пассатов.

Но пока пассатами и не пахло — не было даже легчайшего западного бриза. Воздух был абсолютно неподвижен и удушливо-горяч, а едва заметное его колебание от движения шлюпки казалось скорее пародией на прохладу и было хуже, чем просто ничего. Сверкающее солнце начало садиться, плавно опускаясь далеко на западе и оставаясь при этом палачим. Оба паруса Николсон приспособил под тенты, натянув кливер над носовой частью шлюпки, а привязанным к середине мачты люггером накрыв корму насколько хватило его длины. Но даже под таким прикрытием жара по-прежнему была гнетущей: ртутный столбец застыл где-то между восемьюдесятью и девяносто градусами по Фаренгейту при относительной влажности более восьмидесяти пяти процентов. В любое время года в Ост-Индии температура воздуха редко падает ниже восьмидесяти. Нечего было и думать о ее уменьшении, как и надеяться найти хотя бы минутное облегчение в воде, температура которой ненамного отличалась от температуры воздуха. Так что пассажирам оставалось лишь вяло и апатично обмякнуть в тени импровизированного тента и, потея, молиться о заходе солнца.

Пассажиры...

Кроме самого Николсона, на борту насчитывалось семнадцать человек. Из них, с учетом войны и необходимых знаний по навигации, по-настоящему положиться можно было только на двоих: на высокого профессионала Маккиннона — хладнокровного, нестигаемого стойка, стойвшего двоих; и Ван Эффена, еще одну «неизвестную величину», доказавшую, однако, свою решительность в экстремальной ситуации. О Вэнньере с уверенностью судить было сложно: всего-навсего юноша, он, возможно, и выдержит длительные тяготы и лишения, но покажет это только время. Уолтерс, все еще выглядявший больным и потрясенным, мог быть полезен лишь после окончательной поправки. Вот, пожалуй, и все.

Касательно же других... Второй стюарт Гордон, тонколицый человек с водянистыми глазами — неизлечимо скрытная личность — отличался вороватостью. Сегодня он все время таинственным образом исчезал со всех вверявшихся ему постов, что просто бросалось в глаза. К тому же ни моряком, ни бойцом в общем смысле этого слова назвать его нельзя, как нельзя доверять и что-либо, не связанное с его личной постоянной безопасностью или выгодой. Ни мусульманский священник, ни странный, загадочный Фарнхольм, сидевшие на одной банке и о чем-то таинственно перешептывавшиеся, тоже никак сегодня себя не проявили. На свете не было еще более

благожелательного и порядочного человека, чем Уиллоуби, однако, вне машинного отделения и его любимых книг и несмотря на все его, скорее, патетическое желание быть полезным, не сыскать личности более мощнее и нерешительнее милого второго механика. Капитан, рулевой Ивэнс, Фрейзер и молодой матрос Дженкинс были в слишком плачевном состоянии, чтобы требовать от них более чем символической помощи. Молодой солдат Алекс — чья фамилия, как узнал Николсон, была Синклер — как и всегда, беспокойно и беспрестанно переводил широко раскрытые глаза с одного сидевшего в лодке на другого и непрерывно вытирал ладони о брюки на бедрах, словно желая стереть с них какую-то нечисть. Оставались только три женщины и маленький Питер, да еще Сайрен со своими головными резцами, от которых можно ожидать чего угодно. Перспективы, по большому счету, открывались безрадостные.

Продолжение. Начало в №7,8/95

Единственным на обе шлюпки счастливым и беспечным человеком был маленький Питер Тэллон. Одетый лишь в коротенькие белые шорты с лямками, он, казалось, не был подвержен влиянию жары или чего-либо еще, беззаботно покачиваясь на кормовых шкотах и грозя каждую секунду перевалиться на борт. Так как общность переживаемых событий порождает доверие, Питер перестал с опаской относиться ко всем членам команды, и только Николсон не удостоился пока его, хотя бы сдержанной, симпатии. Всякий раз, когда старший помощник, чье место у румпеля было ближе всех к Питеру, предлагал ребенку кусочек галеты или стакан разбавленного водой сладкого сгущенного молока, тот, робко улыбувшись, наклонялся вперед и, схватив предложенное, вновь отстранялся, ел и пил, глядя на Николсона исподлобья с подозрением в прикрытых веками глазах. Если же старший помощник протягивал руку, чтобы потрепать

его по плечу или взъерошить волосы, Питер стремительно бросался в объятия сидевшей по правому борту мисс Драхманн, запуская одну пухлую ручку в ее блестящие черные волосы, что неизменно вызывало у девушки невольное «ой!», и одаривал Николсона пристальным суровым взглядом, пряча глаза за растопыренными пальцами левой руки. Подглядывание сквозь пальцы вообще было его любимым трюком, возможно, ребенку казалось, что это позволяет оставаться незамеченным. Радуюсь шутловству Питера, Николсон на некоторое время забывал о войне и их почти безнадежном положении, но рано или поздно горечь реальности выгоняла его в отчаяние со все возрастающим страхом за дальнейшую судьбу мальчика, если он попадет в руки японцев.

А японцы настигнут их обязательно. Николсон не сомневался в этом, как и в том, что не сомневается в этом и капитан Файндхорн, несмотря на оптимистические разговоры о плавании к Лепару и Зондскому проливу. Японцы знали об их местоположении с точностью до нескольких миль и могли найти и уничтожить их, когда им вздумается. Единственной загадкой было то, почему они до сих пор не сделали этого. Интересно, подумал Николсон, а догадываются ли остальные, что часы их свободы и безопасности сочтены, что кошка только забавляется с мышкой? Но если они и догадывались, это никак не отражалось на их поведении и внешнем облике. Во многом беспомощные и бесполезные, находившиеся в шлюпке люди были страшной обузой для любого, надеявшегося вывести их из зоны риска, однако Николсон не мог не признать за ними одного неоспоримого достоинства: не беря в расчет Гордона и не оправившегося от шока Синклера, их моральный дух вызывал восхищение.

Без единой жалобы они с полной самоотдачей занимались укладкой одеял и провизии с максимальной компактностью, освобождая места для раненых, жертвуя собственным комфортом. Раненые же, подхватывая общее настроение, безропотно внимали наставлениям Николсона и занимали свои далеко не удобные места с веселой охотой. Две санитарки, при на удивление квалифицированной помощи генерала Фарнхольма, в течение почти двух часов корпели над пострадавшими и прекрасно справлялись со своими обязанностями. Никогда еще требования страховых компаний о том, что спасательные шлюпки должны быть обеспечены санитарными сумками и пакетами первой помощи со всем необходимым, не казались столь оправданными и не были столь удовлетворены: нашатырь, омнопон, сульфаниламидный порошок, кофеин, противожоговые мази, бинт, марля, вата и прочие перевязочные материалы, — всего этого было предостаточно и в полной мере использовалось. Кроме того, у мисс Драхманн был при себе собственный хирургический комплект, и с помощью боцмана, вырубившего из шлюпочных рыбин ножом и топориком отличные лубки, она за десять минут обработала и зафиксировала искаленную руку капитана Фрейзера.

Мисс Плендерлейт была просто великолепна. Сложно подобрать другое слово. Она обладала поразительной способностью смягчать обстоятельства до утешительной обыденности и могла, казалось, всю свою жизнь провести в открытой шлюпке. Именно она закутывала раненых в одеяла, бережно устраивая их головы на спасательных ремнях и терпеливо журя, словно непослушных детей, при малейших признаках неподчинения. Именно она взяла на себя миссию кормления пострадавших и внимательно наблюдала, чтобы они съедали все до последней крошки и выпивали до последней капли. Именно она забрала у Фарнхольма его кожаный саквояж, поставила возле своего места и, подобрав оставленный Маккиннотопорик, с решительным блеском в глазах информировала взбешенного генерала, что дни его пылства позади и содержимое его чемоданчика отныне будет использоваться исключительно в медицинских целях, — после чего — невероятно! — извлекла из недр собственного вместительного саквояжа спицы и моток шерсти и принялась невозмутимо вязать. И, наконец, именно она сидела теперь с доской на коленях, разрезала аккуратными полукружиями хлеб и мясные консервы, и вручала это вместе с леденцами и сгущенным молоком пытавшемуся скрыть улыбку Маккиннотопорик, принужденному ею выполнять функции официанта. Внезапно голос мисс Плендерлейт возрос почти на октаву:

— Мистер Маккиннот! Что это вы, интересно, делаете? — Боцман опустился на колени рядом с мисс Плендерлейт, напряженно всматриваясь из-под парусного тента куда-то вдаль. Пожилая леди несколько раз повторила вопрос и, не получив ответа, с негодованием ткнула боцмана промеж ребер рукояткой ножа. На этот раз Маккиннот вздрогнул.

— Посмотрите, что вы натворили, неуклюжий растяпа! — воскликнула мисс Плендерлейт, показывая ножом на добрые полфунта мяса, бесформенной массой лежавшие на палубе.

— Простите, мисс Плендерлейт, простите. — Боцман поднялся, рассеянно смахивая куски солонины с брюк, и повернулся к Николсону. — Приближается самолет, сэр. Довольно, правда, медленно.

Николсон с внезапно сузившимися глазами приподнял тент и пристально взглянул на запад. Он заметил самолет почти сразу: тот летел на высоте примерно двух тысяч футов и не более чем в двух милях от шлюпок. Впередсмотрящий Уолтерс его не увидел, что неудивительно: самолет, казалось, возник прямо из солнца. Чуткие уши Маккиннотона, должно быть, уловили отдаленный гул двигателя. Как это ему удало, Николсон понять не мог. Сам он даже сейчас ничего не слышал.

Подавшись назад, Николсон посмотрел на капитана. Файндхорн лежал на боку — или в глубоком сне, или без сознания.

— Спустите парус, боцман, — быстро проговорил старший по-

мощник! — Гордон, помогите ему. И поторопитесь. Четвертый помощник?

— Сэр? — Несмотря на бледность, Вэннер выглядел полным сил.

— Оружие. Каждому — по единице: себе, генералу, боцману, Ван Эффену, Уолтерсу и мне. — Он взглянул на Фарнхольма. — Здесь есть какой-то автоматический карабин, сэр. Вы знаете, как им пользоваться?

— Конечно! — Бледно-голубые глаза генерала уверенно сверкнули.

Фарнхольм протянул руку и, взяв карабин, взвел затвор одним уверенным движением пальцев. Затем, положив оружие поперек колен, со свирепой надеждой посмотрел на приближавшийся самолет, — как старый боевой конь, почуявший запах сражения. И даже в этот хлопотный момент Николсон изумился, сколь решительная перемена произошла с генералом по сравнению с ранним днем: человека, радостно бросившегося в укрытие кладовой, больше не существовало. Это было совершенно невероятно. Где-то глубоко в сознании Николсона, правда, с самого начала сидело смутное ощущение, что чересчур уж состоятелен Фарнхольм в своей несостоятельности, что в основе такого поведения лежит продуманный и тщательно скрываемый образчик. Но это было всего лишь ощущением. Как бы там ни было, искать сейчас объяснение было недосуг.

— Опустите оружие, — настойчиво проговорил Николсон. — Держите его незаметно. Остальным лечь на дно как можно ниже. — Старший помощник услышал протестующий плач Питера, которого положили ниц рядом с санитаркой, и умышленно прогнал все мысли о мальчике. Самолет — необычно выглядевший гидроплан незнакомого Николсону типа, по-прежнему направлявшийся прямо на них, был теперь на расстоянии полумили. Постоянно теряя высоту, он летел очень медленно: подобной конфигурации самолет явно не был предназначен для скоростного полета.

Гидроплан плавно кренился, собираясь описать вокруг шлюпок круг. Наблюдавший за ним в бинокль Николсон заметил мелькнувшую на фюзеляже эмблему Восходящего Солнца, когда самолет сместился сначала к югу, затем к востоку. Тяжелый, неуклюжий аппарат, подумал старший помощник, достаточно неплохой для низкоскоростной воздушной разведки. Николсон вдруг вспомнил три истребителя, безразлично кружившие над головами, когда они покидали «Вирому», и тут же пришел к заключению, переросшему в абсолютную уверенность.

— Можете отложить оружие, — спокойно сказал он. — И податься со дна шлюпки. Этому типу не нужны наши жизни. У японцев полно бомбардировщиков и истребителей, чтобы покончить с нами за несколько секунд. И если бы они ставили перед собой такую цель, то не прислали бы эту на ладан дышащую громадину, которую саму ничего не стоит уничтожить. Они бы прислали именно истребители и бомбардировщики.

— Я так в этом не уверен. — Фарнхольма не прельщала отказ от намерения взять японский самолет на прицел карабина. — Я не доверяю этим подлецам ни на йоту.

— И правильно делаете, — признал Николсон. — Однако я сомневаюсь, что у этого парня есть что-то, более опасное, чем пулемет. — Гидроплан продолжал описывать круги, по-прежнему держась на приличном расстоянии. — Похоже, мы нужны им, но обязательно живыми — хотя одному Богу известно, зачем. Пилот же, как говорят американцы, просто держит нас под колпаком. Чего я не могу понять, так это почему мы столь важны для них. Давайте полагаемся на судьбу и немного подождем умирать.

— Я согласен со старшим помощником. — Ван Эффен уже убрал оружие. — Этот самолет действительно — как вы сказали? — просто следит за нами. Он не причинит нам вреда, генерал, будьте покойны.

— Может, так, а может, и нет. — Фарнхольм снял карабин с предохранителя. — Не вижу причин, по которым я не мог бы разок пальнуть по нему. Враг он, в конце концов, или нет? — Фарнхольм тяжело дышал. — Одна пуля в двигатель...

— Вы не сделаете этого, Фостер Фарнхольм. — Голос мисс Плендерлейт был холодным, резким и властным. — Вы ведете себя, как безответственное дитя. Немедленно положите оружие. — Фарнхольм начал осыпаться под ее яростным взглядом. — Зачем ворошить осиное гнездо? Вы в него выстрелите, и он — я надеюсь, вы понимаете это — выйдет из себя и отправит половину из нас на небеса. К сожалению, нет никакой гарантии, что вас не окажется среди уцелевшей половины.

Николсон изо всех сил пытался сохранить невозмутимость. Он понятия не имел, сколько может продлиться плавание, пока же бурная антипатия между Фарнхольмом и мисс Плендерлейт обещала массу легкого развлечения: никто еще не слышал их говорящими в корректных тонах.

— Значит так, Констанция, — начал Фарнхольм язвительно-спокойным голосом. — Вы не имеете права...

— Я вам никакая не Констанция, — холодно отрубил она. — Сейчас же уберите оружие. Никто из нас не желает быть жертвой на алтаре вашей запоздалой доблести и совершенно неуместного сейчас боевого духа. — Одарив его спокойным ледяным взглядом, она подчеркнуто отвернулась. Вопрос был закрыт, а Фарнхольм — должным образом повержен.

— Вы и генерал — вы что, давно знакомы? — отважился спросить Николсон.

Она на секунду остановила свой испепеляющий взгляд на старшем помощнике, и он было подумал, что зашел слишком далеко. Но она поджала губы и кивнула:

— Довольно давно. А для меня — невыносимо давно. За много лет до войны у него в Сингапуре был свой полк, однако я сомневаюсь,

видел ли он его в глаза. Он, считай, жил в Бенгальском клубе. Пьянство вал, конечно. Беспробудно.

— Клянусь небом, мадам! — вскричал Фарнхольм, устрашающе расширив глаза. — Будь вы мужчиной...

— Ах, да успокойтесь вы, — устало перебила она. — Когда вы постоянно твердите об этом, меня начинает подташнивать.

Фарнхольм пробурчал что-то под нос, но всеобщее внимание уже переключилось на самолет. Он по-прежнему кружил, неуклонно поднимаясь вверх, хотя это давалось ему с видимым трудом. На высоте приблизительно пяти тысяч футов гидроплан выровнялся и зашел на огромный круг четырех-пятимильного диаметра.

— Как вы думаете, зачем он это сделал? — спросил Файндхорн удивительно чистым и сильным при его ранении голосом. — Весьма любопытно, вы не находите, мистер Николсон?

Николсон улыбнулся ему.

— Я-то думаю, вы спите, сэр. Как вы теперь себя чувствуете?

— Голодным и умирающим от жажды. Ах, благодарю вас, мисс Плендерлейт. — Он потянулся за чашкой, сморщился от внезапно прозвизвшей его боли, и снова посмотрел на Николсона. — Вы не ответили на мой вопрос.

— Прошу прощения, сэр. Трудно сказать. Подозреваю, что он собирается познакомиться нас со своими друзьями и решил скорректировать высоту, используя нас, возможно, в качестве маяка. Но это только предположение.

— Ваши предположения обладают печальным свойством оказываться чертовски правильными. — Файндхорн умолк и впился зубами в бутерброд с солониной.

Прошло полчаса, и по-прежнему самолет-разведчик держался на том же почтительном расстоянии. Напряжение едва ли спало, но теперь по крайней мере стало очевидно, что у самолета относительно них нет прямых враждебных намерений.

Минуло еще полчаса, и кроваво-красное солнце быстро заскользило вертикально вниз, по направлению к кайме зеркально-гладкого моря, темнеющего у мглистого восточного горизонта. На западе море не было совершенно ровным — один или два крошечных островка, вкрапленные в сверкающую поверхность воды, выступали черными бугорками в мягких солнечных лучах. И слева от шлюпки, может быть, в четырех милях к зюйд-зюйд-весту, над безмятежной гладью начинал едва заметно вырастать еще один, приземистый и большой по размерам остров.

Вскоре после того, как показался этот клочок суши, самолет, теряя высоту, начал уходить на восток по длинной пологой дуге. Вэннер с надеждой посмотрел на Николсона.

— У нашего сторожевого пса отбой, сэр? Похоже, отправился домой, в теплую постель.

— Боюсь, что нет, четвертый. — Николсон кивнул в сторону исчезающего самолета. — В этом направлении нет ничего, кроме моря на сотни миль, затем — Борнео, — а этот остров отнюдь не дом для нашего часового. Ставлю сто к одному, что он заметит своих. — Николсон взглянул на капитана. — Как вы считаете, сэр?

— Вероятно, вы снова правы, черт вас раздери. — Улыбка Файндхорна скрасила грубость его слов и, словно бы выполнив свою миссию, исчезла. Вскоре, когда самолет принял горизонтальное положение на высоте около тысячи футов и вновь стал заходить на круг, глаза капитана посуровели. — Вы угадали, мистер Николсон, — тихо проговорил он, тяжело изогнувшись на своем месте и глядя вперёд. — Сколько бы миль вы отмерили до того острова?

— Две с половиной, сэр. Возможно, три.

— Скорее всего, три. — Файндхорн повернулся к Уиллоуби и кивнул на двигатель. — Можете вы выжать еще сколько-нибудь из этой таракелки, второй?

— Еще узел, сэр, если повезет. — Уиллоуби положил руку на буксирный трос, тянувшийся к шлюпке Сайрена. — Или два, если обрезать это.

— Не искушайте меня, второй. Прибавьте еще, не жалея двигателя. — Он кивком головы подозвал Николсона, и тот, передав руль Вэннеру, подошел. — Ваши соображения, Джонни?

— Касательно чего, сэр? Вида приближающегося судна или наших перспектив?

— И того, и другого.

— По поводу первого ничего сказать не могу — миноносец, эсминец, рыболовное судно, — все что угодно. Относительно же второго — что ж, теперь ясно: им нужны мы, а не наша кровь, — скривился Николсон. — Кровь будет потом. Пока же они возьмут нас в плен — со старой доброй пыткой молодым быстрорастущим бамбуком, вырыванием зубов и ногтей, водными процедурами, навозными ямами и прочими тонкостями. — Рот Николсона превратился в белую щель, глаза неотрывно смотрели на играющих на корме и смеющихся в полной беззаботности мисс Драмман и Питера. Файндхорн проследил за его взглядом и медленно кивнул:

— Мне тоже больно смотреть на этих двоих. По-моему, им здорово вместе. — Он задумчиво потер поросший седой щетиной подбородок. — Представлете, какая будет пробка, пройдишь она по Пикадилли?

Николсон улыбнулся в ответ и посерьезнел:

— Проклятые скоты. Вся эта японская братия. Господи, неужели так все просто и закончится?

Файндхорн медленно кивнул.

— Может быть... м-м... отсрочим наше пленение? Пусть пыточные тиски поржавеют еще немного? Эта идея имеет свои привлекательные стороны, Джонни. — Немного помолчав, он добавил: — По-моему, я что-то вижу.

Николсон тут же поднес к глазам бинокль и заметил на горизонте

силуэт судна, мерцавший в лучах садившегося солнца. Он передал бинокль Фарнхольму, плотно прижавшему его к глазам и вскоре возвратившему обратно старшему помощнику.

— Кажется, Фортуна оставила нас окончательно, правда? — нарушил молчание капитан. — Будьте добры, проинформируйте людей. Мне не перекирывать этот чертов двигатель.

Николсон кивнул и обернулся.

— Прошу прощения, но... в общем, боюсь, нас ждут неприятности. Японская подводная лодка нагоняет нас так, будто мы стоим на месте. Появись она на пятнадцать минут позже, мы бы успели дойти до того островка. — Николсон кивнул в юго-западном направлении.

— Судя по всему, она достигнет нас на полпути.

— И что же, вы думаете, случится потом? — Голос мисс Плендерлейт был спокоен, почти безразличен.

— Капитан Файндхорн полагает — и я с ним согласен, — что нас, вероятно, попытаются захватить в плен. — Николсон криво улыбнулся. — Единственное, что я могу сказать вам прямо сейчас, мисс Плендерлейт: пленения мы постараемся избежать. Но это будет трудно.

— Это будет невозможно, — холодно сказал Ван Эффе со своего места на носу. — Это подводная лодка, дружище. Что такое наши хлопоты против ее герметичного корпуса? Пули просто отскочат от него, как орехи.

— Вы предлагаете сдаться? — Николсон понимал логику слов Ван Эффена и знал, что страх голландцу чужд, — и все-таки он чувствовал смутное разочарование.

— Обыкновенное самоубийство — вот что вы предлагаете. — Ван Эффе постукивал ребром ладони по планшету. — Мы всегда сможем изыскать возможность бежать позднее.

— Вы, очевидно, не знаете японцев, — устало проговорил Николсон. — Это единственный и последний шанс, который нам предоставляется.

— А я говорю, вы несете чушь! — Каждая черточка лица голландца излучала теперь неприязнь. — Давайте решим вопрос голосованием. — Он оглядел сидевших в шлюпке. — Кто из вас предпочитает...

— Заткнитесь и не будьте кретинином! — грубо сказал Николсон. — Мы не на политическом митинге, Ван Эффе. Мы на борту судна британского торгового флота, которое управляется не исполнительным комитетом, а исключительно своим капитаном. Капитан Файндхорн сказал, что мы окажем сопротивление, — значит, так оно и будет.

— Капитан твердо это решил?

— Абсолютно.

— Примите мои извинения, — с легким кивком проговорил Ван Эффе. — Я уважаю и подчиняюсь власти капитана.

— Благодарю вас. — С ощущением странного дискомфорта Николсон перевел взгляд на подводную лодку. Теперь, на удалении менее мили, она ясно виднелась основными своими частями. Гидроплан по-прежнему кружил над головой. Николсон посмотрел на него и нахмурился.

— Лучше бы он отправлялся домой, — пробормотал он.

— Он лишь все усложняет, — согласился Файндхорн. — Время бежит, Джонни. Через пять минут лодка будет здесь.

Николсон рассеянно кивнул.

— Нам прежде такая встречалась, сэр?

— Скорее всего, да, — медленно проговорил Файндхорн.

— Конечно, встречалась. — Николсон теперь был абсолютно убежден. — Легкая пушка на корме, пулемет на капитанском мостике и крупнокалиберное орудие в носовой части — трех и семь десятых — или четырехдвойное — я точно не помню. Если они решат взять нас на бордаж, нам придется пройти борт о борт с их корпусом — возможно, прямо под боевой рубкой. Ни одна из пушек там нас не достанет. — Он покусал губу и всмотрелся вперед. — Через двадцать минут станет темнеть — ко времени же, когда лодка подойдет к нам, до острова останется не более полумили. Шанс, конечно, чертовски призрачный, но все-таки... — Он снова поднял бинокль и, посмотрев на подводную лодку, покачал головой. — Да, мне следовало помнить: эта четырехдвойная оснащена бронированным щитом для орудийного расчета. Щит, наверное, складной или откидной. — Он прервался, забарабанив пальцами по краю планшита, и рассеянно взглянул на капитана. — Довольно сбивчиво звучит, сэр?

— Не обращайтесь внимания, Джонни. — Файндхорн снова говорил с трудом. — Боюсь, моя голова не слишком ясна для подобного рода вещей. Если у вас есть какая-то идея...

— Есть. Безумная, но может сработать. — Николсон быстро объяснил ее капитану и поманил Вэннера. — Вы ведь не курите Вэннер, правда?

— Нет, сэр. — Четвертый помощник смотрел на Николсона как на сумасшедшего.

— С сегодняшнего дня начинаете. — Николсон порылся в кармане и вынул оттуда плоскую пачку «Венсона и Хеджеса» и коробок спичек. Отдав все это Вэннеру, он быстро снабдил его инструкциями. — Прямо с бушприта, сразу за Ван Эффеном. И не забудьте, все зависит от вас. Генерал? Можно вас на секунду?

Фарнхольм удивленно поднял глаза и, перешагнув через две банки,сел рядом. Николсон секунду или две молча глядел на него, затем серьезным тоном спросил:

— Вы действительно умеете обращаться с автоматическим карабином, генерал?

— Господи всемогущий, приятель, конечно! — фыркнул Фарнхольм. — Я практически избрал эту чертову штуковину.

— Насколько вы метки? — не отступался Николсон.

— Я — Бизли, — коротко ответил Фарнхольм. — Чемпион. Что еще, мистер Николсон?

— Бизли? — Брови Николсона изумленно поползли вверх.

— Королевский стрелок. — Голос Фарнхольма стал совершенно иным, чем ранее, — таким же спокойным, как у Николсона. — Бросьте консервную банку за борт, дайте ей отойти на сотню футов, и я в два счета превращу ее в решето. — Тон генерала не оставлял сомнений в его правдивости.

— Никаких демонстраций, — торопливо проговорил Николсон. — Только этого нам сейчас не хватало. Японцы должны быть уверены, что у нас нет даже хлопотки. Так вот, что мне от вас потребуется...

Указания старшего помощника были коротки и сжаты, равно как и касающиеся действий остальной части пассажиров.

Небо на западе по-прежнему сияло гаммой красного, оранжевого и золотого оттенков. Полосатые облака на горизонте купались в последних лучах солнца, которое, окончательно скрывшись, — о чем возвестил посеребривший восток, — освободило место несшейся где-то над морем тропической ночи. Черная, мрачная и угрожающая в собиравшихся сумерках подводная лодка под углом подходила к шлюпке со стороны правого борта, светясь в начавшей фосфоресцировать воде. Дизели лодки постепенно успокоились до приглушенного бормотания, черная зловещая пасть тяжелого носового орудия покачивалась и медленно смещалась назад, пока судно приспособилось к движению маленькой шлюпки. Вскоре из боевой рубки подводной лодки раздалась резкая непонятная команда. Маккиннот по знаку Николсона заглушил двигатель, и огромный железный корпус лодки со скрежетом прошелся вдоль борта шлюпки.

Николсон, вытянув шею, окинул быстрым взглядом палубу и боевую рубку судна. Большое носовое орудие было повернуто в сторону шлюпки, но ствол смотрел поверх их голов — как и предполагал старший помощник, у пушки был ограниченный угол склонения. Легкая кормовая пушка, однако, была точно наведена на самую середину шлюпки, что говорило о частичной ошибочности расчета Николсона. Дела это, тем не менее, не меняло — им в любом случае пришлось бы рисковать. В боевой рубке находились три человека, двое из них были вооружены — офицер — пистолетом, а матрос — чем-то похожим на пистолет-пулемет. У подножия рубки стояли еще пять или шесть матросов и только один из них — с оружием. В качестве приемной группы они выглядели довольно устрашающе, однако Николсон ожидал худшего. Он полагал, что предпринятое шлюпкой в последний момент резкое изменение курса, выведшее их прямо к левому борту подводной лодки, под покров застилавшего восток мрака — может быть понято японцами как паническая попытка к бегству, захлебнувшаяся в собственной тщетности. Капитан подводной лодки наверняка был уверен, что шлюпка не представляет собой никакой угрозы и что действовать он со всеми возможными предосторожностями, дабы в случае чего подавить жалкое сопротивление.

Три судна — подводная лодка и две шлюпки — все еще двигались со скоростью примерно два узла, когда с палубы лодки, извиваясь, упала веревка. Вэннер автоматически поднял конец и, обернувшись, посмотрел на Николсона.

— Игра окончена, четвертый, — с мрачной покорностью проговорил Николсон. — С кулаками и парой ножей против этой шайки не попрешь.

— Весьма, весьма благоразумно. — Офицер высунул из боевой рубки, сложив на груди руки со стволом пистолета на предлечь. С самодовольной ухмылкой, обнажившей белизну зубов на покрытом мраком лице, он любовался собой и своим английским. — Сопротивление было бы обременительно для всех нас, не так ли?

— Убирайтесь к черту! — буркнул Николсон.

— Какая неучтивость. Типичный англосакский недостаток воспитания. — Офицер печально покачал головой, смакуя происхождение. Внезапно он выпрямился и взглянул на Николсона поверх ствола пистолета. — Будьте осмотрительны! — Его голос прозвучал словно щелчок кнута.

Николсон медленно и равнодушно вытащил сигарету из протянутой Уиллоуби пачки, так же неторопливо зажег спичку, дал прикурить себе и второму механику и движением пальцев отправил спичку за борт.

— Ах! Ну конечно! — раздался отвратительный смех офицера. — Пресловутая английская флегматичность! Даже когда зубы стучат от страха, необходимо поддерживать репутацию, особенно перед лицом команды. И еще один! — Чиркнувшая на бушприте спичка бликами осветила склоненную голову Вэннера с зажатой между губами сигаретой. — Клянусь всеми святыми, это действительно патетично. — Тон его резко изменился. — Но довольно... этих дурацких выходов. Немедленно на борт. Все без исключения. — Он ткнул пистолетом в сторону Николсона. — Вы первый.

Николсон поднялся, опершись одной рукой о корпус подводной лодки, другую плотно прижав к бедру.

— Что, черт вас побери, вы собираетесь с нами делать? — громко, почти срываясь на крик, спросил он с отретпетированной дрожью в голосе. — Убьете всех? Запытаете до смерти? Отправите в Японию, в свои проклятые концлагеря? — Теперь он действительно в страхе и отчаянии кричал, увидев, что спичка Вэннера не перелетела через борт и услышав неожиданно громкое шипение с бушприта. — Лучшее уж пристрелите всех нас прямо сейчас, вместо того, чтобы...

С захватывавшей дух внезапностью с бушприта донесся яростный свист: два фонтана искр, огня и дыма взметнулись в темнеющее небо над палубой подводной лодки под углом шестьдесят градусов; и затем два сверкающих огненных шара ярко вспыхнули в небе, когда обе шлюпочных парашютных осветительных ракеты воспламени-

лись почти одновременно. Человек должен не быть простым смертным, чтобы не поддаться невольному, непобедимому искушению взглянуть на два взлетевших в небо факела, — японцы тоже сверхлюдьми не являлись. Подобно марионеткам в руках неведомого кукловода, они полубовернулись от шлюпки, вытянув шеи и запрокинув вверх головы. Так они и встретили свою смерть.

Трек автоматических карабинов, винтовок и пистолетов постепенно стих, раскатившись эхом по безмолвному спокойному морю, и Николсон прокричал всем лечь ничком на дно шлюпки. В этот момент тела двух мертвых матросов сползли с кренящейся палубы субмарины и рухнули на корму шлюпки. Один чуть ли не припечатал старшего помощника к плану, второй, болтая безжизненными ногами и руками, падал прямо на маленького Питера и двух санитаров, но Маккиннот оказался на месте раньше: два тяжелых всплеска прозвучали почти как один.

Прошла секунда, две, три. Николсон стоял на коленях, смотря вверх и в напряженном ожидании стиснув кулаки. Сначала он слышал лишь шарканье ботинок и глухой ропот голосов, доносившийся из-за щита большого орудия. Минула еще секунда, потом вторая. Глаза Николсона рыскали по палубе подводной лодки. Быть может, кто-то еще желает принять славную смерть во имя императора. Старший помощник не питал иллюзий по поводу фанатичной смелости японцев. Но пока все было спокойно, как смерть. Застреленный Николсоном офицер свисал с боевой рубки, все еще держа пистолет в обмякшей руке; еще двое валялись поодаль от него. Четверо бесформенной массой лежали у подножия рубки. Двух, стоявших у кормовой пушки, не было вообще: автоматический карабин Фарнхольма снес их за борт.

Напряжение становилось невыносимым. Хотя у большого орудия и был небольшой угол склонения и оно не могло поразить шлюпку, в памяти у Николсона копошились обрывки слышанных историй об ужасном эффекте стреляющих прямо над тобой морских пушек. Кто знает, может быть, контузия от выстрела, произведенного со столь близкого расстояния, окажется фатальной. Внезапно Николсон стал тихо проклинать собственную глупость, затем быстро повернулся к боцману.

— Заводите двигатель, Маккиннот. Затем дайте задний ход — как можно быстрее. Боевая рубка загородит нас от орудия, если мы...

Слова утонули в грохоте орудия. Это был даже не грохот — глухой, безжизненный щелчок бича, оглушительный по своей плотности. Длинный красный язык пламени вырвался из чрева орудия, почти касаясь шлюпки. Снаряд плюхнулся в море, вздымая внушительную стену брызг и столб воды, поднявшийся на пятьдесят футов в небо. Затем все утихло, дым рассеялся, и Николсон, отчаянно мотая головой, понял, что по-прежнему жив, что японцы судорожно готовят новый заряд, и время пришло.

— Приготовьтесь, генерал, — сказал он, заметив поднимавшегося на ноги Фарнхольма. — Ждите моего приказа. — Он быстро оглянулась на бушприт, где прогромыхала винтовка.

— Промалхнул, — с раздражением в голосе проговорил Ван Эффе. — Только что из-за боевой рубки выглядывал офицер.

— Держите винтовку наготове, — распорядился Николсон. Он услышал детский плач и понял, что разрыв орудия до смерти напугал ребенка. С яростно искаженным лицом, старший помощник прокричал Вэннеру: — Четвертый! Возьмите сигнальный комплект. Запустите в боевую рубку пару ракет. Это отвлечет наших желтых друзей. — Говоря, Николсон вслушивался в передвижения команды субмарины. — Всем не спускать глаз с рубки и люков по всему корпусу.

Прошло, вероятно, еще пять секунд, прежде чем старший помощник различил звук, которого давно ждал: скрежет снаряда в казеннике и твердый хлопок закрывшегося затвора.

— Огонь, — скомандовал он.

Фарнхольм даже не потрудился поднять оружие к плечу и стрелял, зажав ладонь карабина между локтем и боком, совершенно, казалось, не целясь. Это ему и не нужно было — он предстал еще лучшим снайпером, чем говорил. Произведя не более пяти выстрелов и положив все пули akurat в ствол орудия, он камнем упал на дно шлюпки, когда последняя из них врезалась в снаряд, и тот сдетонировал.

Несмотря на страшный грохот, с коим обычно вылетает снаряд, звук разрыва в казеннике был странно приглушенным. Зато зрелищность последующего эффекта оказалась поистине неопищаемой. Массивное крупнокалиберное орудие сорвало с лафета, и оно разлетелось на тысячи кусков покореженного металла, с неистовым лязгом отскакивавших от боевой рубки и со свистом пронесившихся над морем, окружая субмарину кольцом беспорядочных брызг. Члены орудийного расчета, видимо, так и умерли, не ведая того, что на расстоянии вытянутой руки от их лиц взорвалось столько тротила, сколько хватило бы для уничтожения Лондонского моста.

— Благодарю вас, генерал, — вставая на ноги, произнес Николсон, стараясь говорить спокойно. — Прошу извинить меня за все, что я когда-либо про вас говорил. Боцман, полный вперед. — Две шипящие малиновые ракеты описали в воздухе арки и благополучно приземлились внутри боевой рубки, высвечивая комингс ярко-красным сиянием. — Отлично сработано, четвертый. Вы, можно сказать, решили исход сегодняшнего дня.

— Мистер Николсон?

— Сэр? — Николсон посмотрел на капитана.

— Может быть, благоразумнее задержаться здесь ненадолго? Никто из них не рискнет сейчас высунуть голову из люка или рубки. Через десять-пятнадцать минут станет достаточно темно, чтобы достигнуть того острова безо всяких выстрелов за спиной.

— Боюсь, что нет, — извиняющимся тоном отозвался Николсон. — Пока японцы в растерянности, однако довольно скоро очухаются,

и, как только это произойдет, мы попадем под душ ручных гранат. А чтобы забросать шлюпку гранатами, — первая же из которых покончит с нами, — голову высовывать необязательно.

— Конечно, конечно. — Файндхорн грузно опустился на свою скамью. — Действуйте, мистер Николсон.

Николсон взялся за румпель, совершил тяжелый разворот на сто восемьдесят градусов, волоча за собой вторую шлюпку, обогнул тонкую, похожую на рыбий хвост корму субмарины, — в то время как четыре человека с оружием в руках не моргая следили за палубами, — и замедлил ход, немного не доходя до капитанского мостика, чтобы Фарнхольм длинной выверенной очередью разможил хрупкий боевой механизм кормового орудия. Капитан Файндхорн медленно, понимающе кивнул.

— Долой осадное орудие. Вы не упускаете ничего, мистер Николсон.

— Надеюсь, что так, — покачал головой Николсон. — Очень надеюсь.

Остров лежал, наверное, в полумиле от субмарины. Пройдя четверть пути, Николсон нагнулся, достал одну из двух стандартных шлюпочных плавучих дымовых шашек, сорвал дисковую пломбу, выдернул разблокирующую вилку и тут же швырнул воспламенившуюся шашку за корму, достаточно далеко, чтобы ее успела миновать шлюпка Сайрена. Густое облако оранжевого дыма неподвижно повисло в безветренном воздухе, образовав за шлюпками непроницаемую завесу. Через одну или две минуты сквозь оранжевую стену начали пробиваться пули с подводной лодки, просвистывая над головами или врезаясь фонтанчиками в воду вокруг шлюпок. Ни одна из них не причинила никакого вреда: охваченные слепой яростью, японцы стреляли наугад. Четыре минуты спустя, когда первая шашка с шипением догорала, через борт полетела вторая, и, задолго до того, как и она потухла, шлюпки благополучно достигли острова.

Глава 9

Едва ли это можно было назвать островом. Островком — возможно. Но не более того. Овальный по форме, этот клочок суши протянулся всего миль на сто пятьдесят от своей северной оконечности до южной. Идеально овальным он тоже не был: по обоим берегам море проело две глубокие выемки, почти напротив друг друга, — так что островок практически был разделен пополам. Обойдя из предосторожности вокруг него, Николсон выбрал южную из двух бухт, где они и высадились на берег, зачалив шлюпки за пару тяжелых камней.

Восточная оконечность острова была низкой, каменной и голой, но на западной рос низкорослый кустарник и чахлая трава. В южной же стороне возвышался холм, и примерно посредине склона они обнаружили небольшую пещеру, если не сказать нишу, куда Николсон и поторопил пассажиров после высадки. Капитана и капрала Фрейзера пришлось нести, однако маршрут был коротким, и не прошло и десяти минут, как все, нагружившись запасами пищи, воды и переносным оснащением, укрылись в пещере.

С заходом солнца и легким бризом небо медленно заполняли шедшие с северо-востока облака, гася ранние вечерние звезды. Тем не менее, было еще достаточно светло, чтобы воспользоваться биноклем, и Николсон не отрывался от него почти две минуты. Все в пещере беспокойно наблюдали за ним.

— Итак? — нарушил тишину Файндхорн.

— Они огибают западную оконечность острова, сэр. И довольно близко от берега.

— Но я их не слышу.

— Должно быть, используют аккумуляторное питание. Зачем, не знаю.

Ван Эффе прочистил горло:

— И каков, думаете, будет их следующий шаг?

— Понятия не имею. Останься у них хотя бы одно из двух орудий, они бы выбили нас отсюда за две минуты. — Николсон показал на каменный край, опоясывающий пещеру с юга. — Возможно, они попытаются высадиться в нескольких местах и окружить нас. Возможно, атакуют в лоб. — Он снова поднес к глазам бинокль. — Как бы то ни было, уйти отсюда с пустыми руками они не могут, скорее сделают массовое хакари.

— Они не уйдут, — необычайно убежденно проговорил Файндхорн. — Погибло слишком много их товарищей.

Некоторое время тишину нарушал лишь приглушенный ропот голосов, потом раздался голос Сайрена:

— Мистер Николсон?

Николсон опустил бинокль и посмотрел через плечо.

— Да?

— Мы тут посоветовались и хотим внести предложение.

— Обращайтесь к капитану. Командует здесь он. — Николсон опять поднял бинокль.

— Прекрасно. Дело в следующем, капитан Файндхорн: совершенно очевидно, что вы нам не доверяете. Вы вынудили нас занять отдельную шлюпку — и, полагаю, не оттого, что мы не принимаем душ два раза на дню. Вы считаете — и напрасно, уверяю вас, — что за нами нужен глаз да глаз. Я хочу сказать, что мы являемся для вас... мм... обузой. Мы, с вашего позволения, предлагаем избавить вас от нее.

— Ради Бога, давайте по существу, — с раздражением сказал Файндхорн. — У меня нет времени слушать ваши сладкие речи.

— Я предлагаю отпустить нас и избавиться от лишнего хлопота. Мы же предпочитаем попасть в плен к японцам.

— Что?! — с негодованием воскликнул Ван Эффен. — Господи всемогущий, сэр! Да я скорее их всех поубиваю.

— Прощу вас! — Файндхорн с любопытством взглянул на Сайрена. — Просто ради интереса — как вы намереваетесь сдаться? Пойдете вниз по склону, по направлению к бухте?

— Хотя бы.

— И какова же гарантия, что вас не убьют где-нибудь на полпути? Или, если вам удастся попасть в плен, — что вас не запытают там до смерти?

— Не отпускайте их, сэр, — настойчиво вклинился Ван Эффен.

— Не тревожьтесь, — сухо проговорил Файндхорн. — Я не намерен удовлетворять эту смехотворную просьбу. Вы остаетесь, Сайрен, хотя, видит Бог, вы не нужны нам. Прощу вас, не считайте нас за идотов.

— Мистер Николсон! — вскричал Сайрен. — Но вы же понимаете...

— Замолчите, — отрывисто сказал Николсон. — Вы слышали слова капитана. Насколько мы, по-вашему, наивны? Никто из вас не рискует своей драгоценной шеей, существуя хоть малейшая вероятность попасть под пули или пытки японцев. Готов поспорить...

— Уверю вас... — попытался перебить Сайрен, но Николсон остановил его.

— Поберегите легкие. Вы думаете, вам кто-нибудь поверит? Вы каким-то образом заодно с японцами — а у нас и так слишком много проблем, чтобы добавлять еще семерых противников. — Последовала пауза, после которой Николсон задумчиво продолжил: — Жаль, что вы обещали этому человеку виселицу, капитан Файндхорн. Думаю, Ван Эффен с первого раза попал в точку; дышать бы стало значительно легче, если бы мы пристрелили всю эту компанию прямо сейчас. Скорее всего, нам все равно придется это сделать.

Наступило долгое молчание, затем Файндхорн спокойно сказал:

— Благодарите Бога, что мы не убийцы, подобные вам. Но зарубите, пожалуйста, себе на носу — чтобы последнее предположение мистера Николсона осуществилось, нужна лишь малейшая провокация с вашей стороны.

— А теперь, не будете ли вы так добры отойти немного назад? — обратился Николсон, — к самому краю. И, по-моему, не повредит небольшой обыск ваших карманов.

— Все уже сделано, мистер Николсон, — уверил его капитан. — Мы изъяли у них целый арсенал прошлой ночью. Лодка по-прежнему видна?

— Почти прямо к югу, сэр. Примерно в двухстах ярдах от берега.

Внезапно он опустил бинокль и, резко пригнувшись, метнулся внутрь пещеры. На рубке подводной лодки зажегся прожектор, и ослепительно белый луч стал описывать быстрые дуги по скалистому побережью острова. Почти сразу же наткнувшись на небольшую выбоину в береговой линии, где находились шлюпки, он задержался на несколько секунд и стал медленно взбираться вверх по склону, постепенно подкрадываясь к пещере.

— Генерал! — окликнул Николсон.

— С удовольствием, — буркнул Фарнхольм. Он поднял карабин к плечу, прицелился и выстрелил.

Одного выстрела оказалось достаточно: сквозь утихавшее эхо послышался отдаленный звон разбитого стекла, и белое сияние прожектора поблекло до слабого красноватого свечения, вскоре исчезнувшего совершенно.

— Вы не побудете с нами еще несколько дней, генерал? — мрачно произнес Файндхорн. — Похоже, вы очень понадобитесь... Едва ли продуманный шаг с их стороны, не правда ли, мистер Николсон? Они ведь уже получили один урок генерала.

— Достаточно продуманный, — не согласился Николсон. — Они обнаружили наши шлюпки и по вспышке карабина знают теперь, где прячемся мы. Выяснение этого могло стоить им массу времени и нескольких жизней, высадись они сразу. По большому счету, их интересовали шлюпки, а не мы. Если они лишат нас возможности выбраться с острова, мы окажемся в западне, и они нас возьмут в любое удобное для них время — на досуге, например, или при свете дня.

— Боюсь, вы правы, — медленно проговорил Файндхорн. — Шлюпки для них важнее. Полагаете, их потопят с субмарины? В таком случае мы не сможем им помешать.

— Не с субмарины, — покачал головой Николсон. — Шлюпок они не видят, и вся ночь у них уйдет на пальбу по ним наугад — нужно, как минимум, сто удачных попаданий. Гораздо заманчивее выглядит десант — распороть днища и пробить воздушные ящики или же просто взять шлюпки на буксир, либо — увести их на веслах.

— Но... как они попадут на берег? — спросил Вэннер.

— Если надо, поплывут, — большинство субмарин оснащено складными или надувными лодками. Для действий в прибрежных водах они довольно эффективны.

Несколько минут никто не произносил ни слова. Маленький Питер что-то бормотал во сне, а Сайрен с его людьми неслышно шептались в дальнем углу пещеры. Затем раздались покашливание Уиллоуби, пытавшегося привлечь к себе внимание.

— Мне пришла в голову мысль.

Николсон улыбнулся в темноте.

— Будьте осторожны, Уилли.

— «Не терпит низменная зависть достоинств, ей непостижимых», — надменно проговорил Уиллоуби. — Мой план прост, как и все истинно гениальное. Давайте уплыдем.

— Блестяще, — с едким сарказмом проговорил Николсон. — С обмотанными веслами при лунном свете. И далеко мы, по-вашему, уйдем?

— Тыфу ты! Не надо меня недооценивать. Конечно, мы включим

двигатели! Дайте мне час на выхлопную трубу и дефлекторы, и я гарантирую, что в ста футах от шлюпки двигателя не будет слышно. Да если нас даже и услышат, — вы хоть понимаете, насколько трудно определить направление движения в ночи по едва уловимому шуму? Свобода зовет, джентльмены. Давайте без проволок.

— Уилли, — мягко произнес Николсон, — у меня для вас новости. Человеческое ухо создано не для определения направления движения, и японцы на него полагаются не будут. У них есть гидрофоны — очень чувствительные, и им наплевать, загнули ли вы выхлопную трубу или нет, им вполне достаточно исходящих от гребного винта колебаний.

— Ну и черт с ними, — горячо сказал Уиллоуби. — Не будем отчаиваться. Уиллоуби придумает что-нибудь еще.

— Не сомневаюсь, — добродушно сказал Николсон. — Не забудьте только, что северо-восточный муссон продлится еще пару месяцев и было бы хорошо, если бы... Вниз все, вниз!

Первые пули глухо вспахали землю вокруг, с визгом рикошетируя от камней и угрожающе посвистывая над головой. На палубе значительно приблизившейся к берегу субмарины открыли заградительный огонь, и казалось, что, по крайней мере, дюжина автоматов и, как минимум, два пулемета заговорили одновременно. На борту весьма точно засекали вспышку карабина: стрельба велась скученно.

— Кто-нибудь ранен? Никого не задело? — Низкий хриплый голос капитана едва был слышен в грохоте стрельбы.

Реакции не последовало, и Николсон ответил за всех:

— Не думаю, сэр. В тот момент я был единственным в зоне видимости.

— Уже хорошо. Но пока никакого ответного огня, — предупредил Файндхорн. — Особых причин подставлять головы под пули нет. — Он с явным облегчением понизил голос: — Мистер Николсон, это окончательно сбивает меня с толку. Истребители нас не тронули, когда мы покидали «Вирому», подводная лодка не пыталась нас потопить, и даже гидроплан оставил нас в покое после пальбы на субмарине. Теперь же они что есть мочи стараются превратить нас в кучу дуршлагов. Никак я не возьму этого в толк.

— Я тоже, — признался Николсон. Он невольно поморщился, услышав свист пролетевшей над головой пули. — Мы не можем сидеть здесь, игнорируя опасность, сэр. Это отвлекающий огонь для атаки на шлюпки. В противном случае стрельба бессмысленна.

Файндхорн тягостно кивнул:

— Что вы хотите предпринять? Боюсь, я буду для вас мертвым грузом.

— Пока что вы еще не мертвы, — мрачно проговорил Николсон. — Разрешите взять нескольких людей и спуститься на берег, сэр. Мы должны остановить их.

— Знаю, знаю... Удачи, дружище.

Через несколько мгновений Николсон и еще шесть человек перекатились через кряжистый вал, тут Николсон прошептал что-то на ухо Вэннеру, подхватил под руку генерала и возвратился с ним к восточной бровке пещеры. Они опустились на землю, вглядываясь в темноту. Николсон приблизил губы к уху генерала:

— Запомните — только наповал.

И лишь почувствовал, как Фарнхольм кивнул во мрак.

Ждать долго не пришлось. Через секунд пятнадцать они услышали первый, едва уловимый осторожный шорох и следом — резкий, хриплый оклик Файндхорна. В ответ, однако, раздался еще один злобный шорох, а затем — сбивчивая дробь ботинок. В то же мгновение Николсон включил фонарь, вырвавшийся из темноты три бегущих силуэта с поднятыми руками, и тут же раздался треск автоматического карабина Фарнхольма. Донесся звук падающих тел, после чего тьма и безмолвие вновь слились воедино.

— Черт! Совсем забыл про этих. — Николсон уже полз к пещере, закрыв ладонью луч фонаря. Он ненадолго осветил мертвых. — Два топорика из шлюпки номер два, сэр. В ближнем бою они орудуют ими, как никто. — Он направил луч фонаря в другой конец пещеры. Сайрен по-прежнему сидел там с невозмутимым выражением лица. Николсон знал, что Сайрен был виновен, виновен, как сам грех; это он послал троих своих людей помахать томагавками, а сам остался в безопасной тени.

— Идите сюда, Сайрен. — Голос старшего помощника был сродни выражению лица Сайрена. — Остальные не доставят неприятностей, сэр.

Сайрен поднялся на ноги, сделал несколько шагов вперед и упал как подкошенный, получив от Николсона яростный удар рукояткой морского «кольта» в ухо. Сила удара была достаточной, чтобы проломить череп, о чем и оповестил характерный хруст. Не успел Сайрен рухнуть на землю, как Николсон уже зашепшил к шлюпкам, ощущая дыхание генерала за спиной.

За тридцать ярдов от бухты они услышали резкий шквал выстрелов, а затем крики боли, ругань и возбужденные вопли; затем еще один огневой град, звуки ударов и бульканье в воде неистово сражавшихся людей. В десяти ярдах от моря Николсон, не сбавляя бега, включил на ходу фонарь, увидел дерущихся на мелководье вокруг шлюпок и прямо перед собой спину офицера, занесшего меч над головой упавшего Маккиннона. Старший помощник одним прыжком покрыл требуемое расстояние, обхватил японца сзади за горло, одновременно выстрелив ему в спину из пистолета. И снова взметнулся луч фонаря, остановившись ненадолго на Уолтере и японском матросе, яростно молотивших друг друга, разбрасывая вокруг брызги и перекатываясь в помутневшей воде. Здесь ничего сделать было нельзя — слишком велика была опасность попасть в своего. Луч снова поднялся и тут же замер.

Одна из шлюпок прочно села на мель, развернувшись почти па-

раллельно берегу. Два японских матроса по колено в воде возились у кормы. Один из них, ссутулившись, нагнуло голову, второй стоял прямо, занес правую руку за голову. Несколько долгих секунд они были как бы парализованы бившим в глаза светом, затем ссутулившийся выпрямился, что-то выхватив из поясной сумки, а второй бросился вперед, выпрастывая вверх занесенную за голову руку. Николсон, резко поднимая «кольт», решил, что опоздал. Но опоздали и японцы: их остановил треск карабина Фарнхольма, и они с тяжеловесной неторопливостью стали клониться вперед, поворачиваясь на налитых свинцом ногах. Один планшма ружья в воду, другой, грузно перевалявшись через планшир шлюпки, упал на ее кормовые шкоты с глухим стуком, за которым моментально последовал грохот гранаты, разорвавшейся в его руке.

После яркой вспышки взрыва темнота словно уплотнилась.

Николсон решил на еще один короткий обзор с фонарем и щелкнул выключателем. Все его люди были на ногах, враги же перестали быть врагами, спокойно лежа на отдели. У них с самого начала почти не было шансов выжить: полагая, что команда «Виромы» надежно загнана в пещеру заградительным огнем, они совсем не ожидали внезапной атаки в самый неблагоприятный для них момент — во время высадки в воду с резиновых лодок.

— Кто-нибудь ранен? — Николсон старался говорить тихо.

— Уолтерс, сэр, — по примеру старшего помощника почти неслышно ответил Вэннер. — И довольно тяжело, думаю.

— Дайте-ка взглянуть. — Николсон подошел к Вэннеру, прикрыв ладонью включенный фонарь. Четвертый помощник осторожно держал левое запястье Уолтерса с кровавой зияющей раной. Вэннер уже успел стянуть руку Уолтерса жгутом из носового платка, и ярко-красная кровь теперь очень медленно скапливалась в ране. Николсон потушил фонарь.

— Нож?

— Штык, — проговорил Уолтерс на удивление ровным голосом. Он пихнул ногой неподвижную обмякшую фигуру. — Я отнял его.

— Так я и подумал, — сухо сказал Николсон. — Ваше запястье ни к черту. Пусть мисс Драхманн обработает его. Боюсь, пройдет некоторое время, прежде чем вы снова сможете пользоваться рукой.

«Или никогда», — мрачно подумал про себя старший помощник. Сухожилия были полностью разорваны, и, скорее всего, то же самое произошло с лучевым нервом. Паралич — в любом случае.

— Лучше уж, чем в сердце, — весело проговорил Уолтерс. — Мне это на самом деле нужно.

— Поднимайтесь наверх как можно быстрее. Все остальные ступайте с ним. Только не забудьте назваться. Капитан держит оружие под рукой. Боцман, вы остаетесь со мной. — Он внезапно прервался, услышав плеск рядом с ближайшей шлюпкой. — Кто там?

— Я, Фарнхольм. Просто осматриваюсь, старина. Дюжины, их здесь, действительно, дюжины.

— О чем вы, черт побери? — раздраженно спросил Николсон.

— О гранатах. Полные сумки. Здесь вот парень — просто ходячий арсенал.

— Будьте добры, соберите их. Они нам могут понадобиться. Возьмите кого-нибудь в подмогу.

Николсон и Маккиннон дождались, пока все не ушли, и направились вброд к ближайшей шлюпке. Едва они приблизились к ней, как во тьме на юге застрочили два пулемета, изрыгая вереницы транслирующих пуль, врезавшихся в море, поднимаемая облака светящейся водяной пыли.

— К чему бы это, сэр?

В его мягком шотландском говоре слышалось замешательство. Николсон усмехнулся в темноте.

— Остается только гадать, боцман. Похоже, десант должен был подать сигнал — фонарем или как-нибудь еще — в случае благополучной высадки на сушу. На берегу же произошла некая осечка — вот наши друзья на субмарине и мыкаются. Сигнала не поступило, и они решили открыть огонь.

— Но если это все, что им нужно, почему бы нам не послать им весточку?

Николсон некоторое время молча смотрел во мраке на боцмана, затем тихо рассмеялся.

— Гениально, Маккиннон, просто гениально. Раз уж они в замешательстве и считают, что десант на берегу пребывает в таком же состоянии, значит, у любого сигнала есть шанс пройти.

Николсон оказался прав. Подняв руку над планширом шлюпки, он беспорядочно пощелкал фонарем и быстро убрал руку вниз. Для любого опытного пулеметчика подобный световой точечный ориентир стал бы манной небесной, однако темнота и безмолвие остались нерушимы. И даже неясный слышит мирно лежавшей в море подводной лодки был просто тенью, зыбкой и нематериальной, как плод разыгравшегося воображения.

Далее прятаться было не только нецелесообразно, но и опасно. Они неторопливо поднялись на ноги и осмотрели шлюпки при свете фонаря. Шлюпка номер два была продырявлена в нескольких местах, но везде — выше ватерлинии; и если и набрала воды, то немного: лишь некоторые из ее герметических воздушных ящиков были пробиты, однако уцелевшие обеспечивали необходимую плавучесть.

В лодку номер один угодило еще меньше случайных пуль, но она уже тяжело осела на мелководье. Заливавшая ее днище вода окрасилась кровью изувеченного японского моряка, свисавшего с планшира. Взрыв гранаты, оторвавший японцу руку и снесший ему половину лица, проделал в днище сквозную дыру, содрал участок шпунтового пояса и расщепил смежные доски. Николсон выпрямился и посмотрел на Маккиннона.

— Пробоина, — коротко буркнул он. — Да такая, что в нее можно просунуть голову вместе с плечами. Ее не залатать и за день.

Но Маккиннон его не слушал. Переместив луч фонаря, он взглядылся внутрь шлюпки. Когда он заговорил, голос его звучал с отстраненным безразличием:

— Это уже неважно, сэр. Двигатель мертв. — Помолчав, он спокойно продолжил: — Магнето, сэр: граната, видимо, взорвалась прямо под ним.

— О, Господи, только не это! Магнето? Возможно, второй механик...

— Его не починить никому, — убежденно перебил Маккиннон. — Тут и чинить-то, в общем, нечего.

— Понимаю, — тяжело кивнул Николсон, глядя на развороченное магнето и начиная ощущать в голове пустоту от осознания последствий. — Немного от него осталось, правда?

Маккиннон поежился:

— У меня даже мурашки по спине побежали. — Он покачал головой и, даже когда Николсон погасил фонарь, не мог оторвать взгляда от шлюпки. Потом слегка коснулся руки старшего помощника. — Знаете что, сэр? До Дарвина длинный, очень длинный путь на веслах.

Ее звали Гудрун, как она им сказала. Гудрун Йоргенсен Драхманн: Йоргенсен — в честь дедушки по материнской линии. На три четверти датчанка, она родилась в Оденсе в День перемирия 1918 года. Не считая двух коротких пребываний в Малайзии, она всю жизнь прожила в родном городе, пока не закончила курсы санитарок и медсестер и не отправилась на плантации своего отца, раскинувшиеся под Пенангом. Это случилось в августе 1938 года.

Николсон лежал на спине на склоне возле пещеры, сложив руки под головой, вперяясь невидящими глазами в темный багдахин облаков и ожидая, когда она продолжит рассказ.

Прошло две, затем три минуты, а девушка все молчала. Николсон понежному зашевелился и повернулся к ней.

— Вы за много миль от дома, мисс Драхманн. Дания — вы любите ее?

— Когда-то любила. — Категоричность ее тона словно бы пресекла дальнейшие попытки проникнуть в ее тщательно оберегаемые воспоминания.

Будь прокляты японцы, будь проклята их чертова субмарина, яростно подумал Николсон. Он резко изменил тему:

— А Малайзия? Едва ли вы питаете к ней такие же нежные чувства, правда?

— Малайзия? — Ее изменившийся голос прозвучал лишь вокальным сопровождением равнодушному пожатию плечами. — В Пенанге было хорошо. Но не в Сингапуре. Я... я ненавидела Сингапур. — Она неожиданно разгорячилась, но тут же взяла себя в руки. — Я бы тоже не отказалась от сигареты. Или мистер Николсон это не одобрит?

— Мистеру Николсону, боюсь, не хватает старой доброй общительности. — Он передал ей пачку, чиркнул спичкой и, когда она нагнулась прикурить, вновь ощутил слабый запах сандала от ее волос. Когда девушка опять ускользнула во мрак, Николсон, затушив спичку, мягко спросил:

— А почему вы ненавидели Сингапур?

Минуло почти полминуты, прежде чем она ответила:

— Не думаете ли вы, что это может быть очень личным вопросом?

— Весьма возможно. — Он секунду помолчал. — Только какое это теперь имеет значение?

Она мгновенно поняла смысл его слов:

— Вы правы, конечно. Даже если это всего лишь праздное любопытство, какая теперь разница? Как это ни нелепо, но я отвечу вам — вероятно, потому, что уверена в вашей неспособности питать к кому-либо ложное сострадание, чего я просто не выношу. — Некоторое время она молчала, и кончик ее сигареты ярко тлел в темноте. — Это правда, я действительно ненавижу Сингапур: ненавижу потому, что у меня есть гордость, равно как и жалость к самой себе. А еще потому, что я ненавижу одиночество. Вы ничего не знаете об этом, мистер Николсон.

— Зато вы много знаете обо мне, — мягко проворчал Николсон.

— Думаю, вы понимаете, о чем я говорю, — медленно начала она. — Я европейка, родившаяся, выросшая и получившая образование в Европе. И я всегда считала себя датчанкой, как и все живущие в Дании люди. Меня принимали в любом доме в Оденсе. В Сингапуре же я никогда не была вхожа в европейские круги, мистер Николсон. — Она старалась говорить бесстрастно. — Встречаться со мной белым не рекомендовалось. И это совсем не смешно, когда в твоём присутствии тебя называют полукровкой, после чего все оборачиваются и начинают газетить. И ты понимаешь, что больше никогда сюда не придешь. Я знаю, что мать моей матери была малайкой, прекрасной, добродетельной старой леди...

— Пожалуйста, успокойтесь. Я представляю, как это мерзко. И британцы усердствовали более других, не так ли?

— Да. — Она поколебалась. — А почему вы так говорите?

— Когда дело касается создания империи и колониализма, мы — лучше и одновременно хуже всех в мире. Сингапур стал настоящим раздольем для разного рода отребья, англо-саксонская часть которого, пожалуй, наиболее интересна. Божьи избранники, облеченные двойной миссией в жизни — в возможно кратчайшее время погубить печень и следить за тем, чтобы не подпадающие под категорию избранных не забывали о своем статусе, — эти сыновья Хама призваны быть чернокожими мира до конца своих дней. Они, безусловно, истинные христиане и непоколебимые ревнители церкви. И если успевают протрезветь к воскресному утру, исправно посещают

службу. Но таких не абсолютное большинство, даже в Сингапуре. С другими вам, видимо, просто не приходилось пересекаться.

— Не ожидала, что вы скажете все это, — медленно, с удивлением в голосе проговорила она.

— Но почему? Это ведь правда.

— Я не это имела в виду. Я просто не ожидала услышать от вас... а впрочем, неважно. — Она недовольно рассмеялась. — Цвет моей кожи — не самая насущная проблема.

— Совершенно верно. — Николсон похоронил сигарету под каблук и продолжил нарочито жестким тоном: — Но это чертовски важно для вас, и так быть не должно. На Сингапуре свет клином не сошелся. Вы нам нравитесь, и нам наплевать, что вы немного цветная.

— Вашему молодому помощнику — мистеру Вэннеру — не наплевать, — пробормотала она.

— Не глумитесь — и постарайтесь быть великодушной. Увидев шрам, он испытал шок, которого с тех пор стыдится. Он просто очень молод — вот и все. Капитан же находит вас восхитительной. «Полупрозрачный янтарь» — на него, как он говорит, походит ваша кожа. — Николсон тихо фыркнул. — Какой-то великовозрастный Лотарио.

— Неправда. Он очень, очень милый, и мне весьма по душе. — Она неожиданно добавила: — Вы заставляете его чувствовать себя стариком.

— Чуть! — яростно воскликнул Николсон. — С пулей в легких особо не попрыгаешь. — Он покачал головой. — Простите, я не хотел на вас набрасываться. Клинки в сторону, правда, мисс Драхманн?

— Гудрун. — Это слово было произнесено как ответ и просьба одновременно, тоном, лишенным даже намека на кокетство.

— Гудрун? Мне нравится это имя, и оно вам подходит.

— А вы не желаете — как бы это сказать? — сделать ответный реверанс? — спросила она с оттенком озорства в хриловатом голосе. — Я слышала, капитан называет вас «Джонни». Это мило, — задумчиво проговорила она. — В Дании подобным именем награждают только очень маленьких мальчиков. Но, думаю, я смогу к нему привыкнуть.

— Не сомневаюсь, — неуверенно сказал Николсон. — Однако...

— Ах, ну конечно! Назвать вас «Джонни» перед лицом команды — неслыханно! В этом случае, конечно же, прозвучит «мистер Николсон». — Или, вы думаете, «сэр» будет лучше?

— Ох, ради всего святого! Зовите меня, как заблагорассудится. Вероятно, я заслужил это.

Он поднялся на ноги, и направился ко входу в пещеру, где на часах сидел мусульманский священник. Коротко поговорив с ним, спустился вниз по склону холма, к Ван Эффену, дежурящему у ущельшей шлюпки. Он провел с голландцем около пяти минут, удивляясь, какой был смысл в охране шлюпки, затем поднялся назад к пещере. Гудрун Драхманн по-прежнему бодрствовала, расположившись рядом с мальчиком. Николсон тихо опустился подле.

— Не стоит сидеть так всю ночь, — мягко проговорил он. — С Питером все будет в порядке. Почему бы вам не лечь спать?

— Скажите мне прямо, — ее голос был очень тихим, — сколько у нас шансов?

— Ноль.

— Честно и достаточно категорично, — признала она. — И долго еще нам осталось?

— До завтрашнего полдня, — это в лучшем случае. — Сначала субмарина наверняка вышлет десант — или хотя бы попытается. Затем они вызовут подмогу. Как бы то ни было, с первыми лучами солнца здесь все равно уже будут самолеты.

— Вероятно, людей с подводной лодки окажется достаточно, им не потребуется вызывать помощь. Сколько...

— Мы зададим им жару, — убежденно проговорил Николсон. — Помощь им понадобится. И они ее получат. Потом они получат нас. Если не переубьют нас бомбами и снарядами. Надеюсь, этого не произойдет.

— Я уже сталкивалась с ними в Кота-Бару. — Она содрогнулась. — Поэтому я также надеюсь. А как же маленький Питер?

— Да, да. Питер станет еще одним пропавшим без вести, — с горечью в голосе сказал Николсон. — Кто вспомнит о двухлетнем ребенке? — Николсон чувствовал, что привязался к мальчику больше, чем хотел.

— Неужели ничего нельзя сделать?

— Боюсь, ничего. Только ждать.

— Но... неужели же вы не можете отправиться на субмарину и что-нибудь предпринять?

— Да, я знаю. С абсорбционными саблями в зубах и, захватив ее, с триумфом отплыть домой. Вы увлекаетесь не теми комиксами, мисс. — Он протянул ладонь и взял ее руку в свою. — Извините. Но они просто молятся, чтобы мы решились на подобное.

— А разве нельзя несильно уплыть на шлюпке?

— Милая девушка, это первое, о чем мы подумали. Безнадежно. Мы можем уйти в море, но недалеко. Они или их самолеты наступят на нас на рассвете, и если мы не погибнем, то утонем. Как ни странно, Ван Эффен тоже горит этой идеей. Это только способ самоубийства, — кратко закончил он.

Она подумала несколько секунд.

— Но вы ведь не считаете, что уплыть отсюда без шума невозможно?

Николсон улыбнулся:

— Вы упрямая молодая леди. Да, это возможно, особенно если кто-нибудь каким-то образом отвлечет их внимание. А почему вы спросили?

— Единственный способ выбраться отсюда — это заставить субмарину поверить, что мы исчезли.

— А вы и правда упрямы. — Николсон покорно сел. — Итак?

— Это ведь не сыграет особой роли, если мы останемся здесь, пока субмарина будет отсутствовать, не так ли?

— К чему вы клоните?

— Прошу вас, ответьте мне, Джонни.

— Нет, не сыграет. Это будет даже очень здорово — и если нам удастся просидеть на острове незамеченными примерно сутки, они, возможно, прекратят поиски. В этом районе, по крайней мере. Но как вы намереваетесь заставить их поверить в то, что нас нигде нет, и уплыть?

— Как заставить их поверить, что нас нет? — нетерпеливо сказала она. — Надо спрятать шлюпку.

— «Спрятать шлюпку!» На этом острове нет ни одного места, где японцы не нашли бы ее через полчаса. К тому же мы не протащим ее и на десять футов, — будет столько шума, что они перестреляют нас всех даже в темноте. А если и не перестреляют, — на острове нет таких зарослей, чтобы скрыть даже скромных размеров ялик. Извините, но это не проходит. Ну, нет здесь такого укрытия, чтобы японцы не смогли засечь его с закрытыми глазами.

— Это все ваши предположения, но не мои, — спокойной проговорила она. — Я согласна, что ее не укроешь на острове. Мое же предположение заключается в том, что ее следует спрятать ПОД водой.

— Что! — Николсон привстал, всматриваясь в нее во мраке.

— Надо произвести некую отвлекающую акцию на одном конце острова, — быстро начала она, — обогнуть в это время на шлюпке другой, зайти в ту небольшую бухту на севере, наполнить шлюпку камнями, выдернуть из нее пробку или как там вы это называете, и потопить ее на достаточную глубину; а потом, когда японцы уйдут...

— Конечно же! — шепотом перебил ее Николсон. — Конечно же, это работает! Господи, Гудрун, вы нашли это, нашли! — Он резко вскочил, заключил смеющуюся, протестующую девушку в объятия и бросился в другую сторону пещеры. — Капитан! Четвертый! Боцман! Просыпайтесь, просыпайтесь все!

Вэннер выступал в качестве приманки — почти десять минут вышагивал по берегу юго-западной оконечности острова, изредка украдкой помигивая фонарем. Он взял с собой бинокль ночного видения и, когда черная тень подводной лодки начала неслышно ползти на аккумуляторной питании, совсем выключил фонарь и спрятался за валуном. Две минуты спустя, когда субмарина поравнялась с ним, будучи всего в сотне ярдов от берега, он встал, выдернул разблокирующую вилку одной из шлюпочных плавающих дымовых шашек и изо всех сил вышвырнул ее в море. Легкий северный бриз за тридцать секунд донес густой оранжевый дым до подлодки, окутывая стоявших в боевой рубке людей удручившим слепающим облаком.

Обычных четырех-пяти минут горения оказалось более чем достаточно. Шлюпка с четырьмя человеками на борту, идя на обмотанных веслах, приблизилась к северной стороне острова за минуту до шипящего угасания шашки. Субмарина по-прежнему лежала в неподвижности. Николсон осторожно остановил шлюпку у крутого берегового уступа глубоко врезавшейся в сушу северной бухты, где его поджидали Фарнхольм, Ахмед, Уиллоуби и Гордон, уже собравшие внушительную груду круглых гладких камней.

Благодаря выдернутым пробкам по всему поясу обшивки шлюпки, и люди работали с предельной скоростью, почти в абсолютной тишине и стараясь избежать блокировки отверстий, сквозь которые уже вовсю заливалась вода. Через две минуты Николсон что-то тихо сказал Фарнхольму, и тот кинулся вверх по склону. Мгновения спустя он в одиночном режиме уже стрелял в направлении подлодки, заглушая звяканье удалявшихся железных воздушных ящиков. Несколько решено было оставить для придания шлюпке определенной подъемной силы.

Наконец шлюпка мягко погрузилась в море и плавно заскользила вниз, пока на пятнадцатифутовой глубине не коснулась килем усыянного галькой дна. По возвращении в пещеру они заметили парашютную сигнальную ракету, взмывшую с восточной оконечности острова и опустившуюся на северо-востоке. Вэннер безупречно выбрал момент, и если бы теперь субмарина вздумала туда сунуться, она бы нашла тот край острова спокойным и пустынным. Действия Вэннера полностью сбили с толку японцев, поселив в их головах массу разноречивых подозрений, с наступлением утра должных перейти во вполне очевидное заключение, что люди с «Виромы» обвели их вокруг пальца и ночью покинули остров.

Облачный рассвет сопровождался усилившимся ветром. Когда стало достаточно светло, наблюдатели на острове, тщательно укрывшиеся за кустарниками, увидели заполнивших боевую рубку подлодки людей, то и дело подносивших к глазам бинокли — за ночь субмарина сильно отдалась от берега — и отчаянно жестикулировавших. Вскоре послышался звук дизельных двигателей, и подлодка принялась описывать вокруг острова быстрые круги. Каждый раз, останавливаясь против оставшейся шлюпки, она наводила на нее кормовое орудие и открывала огонь — бортовые механики, должно быть, починили ночью ударный механизм пушки. В общей сложности было произведено шесть выстрелов, превративших шлюпку в дырявую расщепившуюся развалину. Когда последний снаряд разорвался на мелко-вось, тяжелые дизели взревели, и субмарина стремительно двинулась на запад, обследовав там два небольших островка. Полчаса спустя она окончательно скрылась за горизонтом.

Глава 10

Шлюпка, замерев, лежала на застывшем зеркале моря. Ничто не двигалось, даже не было едва заметной ряби, дробившей бы сверкающую сине-стальную поверхность океана, с безжалостной, скрупу-

лезной точностью отражавшую клин черных бортов шлюпки. Мертвая шлюпка в мертвом море, раскинувшись в пустом и мертвом пространстве. Над головой не было ни единого облачка, — и так уже три дня. Ужасающе пустынное небо казалось еще безжизненнее вкупе с палающим горнилом солнца над изнемогавшем от зноя морем.

Шлюпка также казалась мертвой, но отнюдь не пустой. В жалкой тени, отбрасываемой лохмотьями парусов, расластавшихся на скамьях, банках и рыбных лежах изможденные и измотанные жарой люди. Кто — без сознания, кто в зыбком кошмарном сне; остальные, то и дело просыпаясь, без движения в полудреме, бережно сохраняя теплившуюся искру жизни и волю к поддержке ее до захода солнца.

Из всех людей в шлюпке лишь двое могли смело именоваться живыми, хотя были так же плохи, как и остальные. Глаза и щеки у них ввалились, губы потрескались и кровоточили, а участки незагоревшей кожи под пропитанной солью и истлевшей от зноя одеждой покрывались ужасными гноившимися волдырями. Оба человека находились на корме и казались живыми только потому, что сидели на шкотовых абсолютно неподвижно и прямо, словно выточенные из камня. Один держал руку на румпеле, хотя не было ни ветра, наполнившего бы изодранные паруса, ни сил у людей, чтобы грести. Второй, с пистолетом в руке, застыл, как скала, и только глаза его жили.

В шлюпке, в общей сложности, было двадцать человек. Их насчитывалось двадцать два, когда шесть дней назад они отплыли с небольшого острова в Южно-Китайском море. Двое умерли. Капрал Фрейзер с самого начала был безнадежен: еще задолго до того, как снаряд истребителя разорвал ему левую руку, его сильно подточила лихорадка. Все обезболивающие средства и препараты закончились, капрал продержался без них четыре дня и с готовностью принял смерть сорок восемь часов назад, когда его рука почернела уже до плеча. Капитан Файндхорн прочитал, насколько позволяла память, заупокойную службу, и это было его последним сознательным актом перед провалом в беспокойное, с непрерывным бормотаньем забытье, из которого он, казалось, никогда больше не выберется.

Второй человек — один из оставшихся членов команды Сайрена — умер предыдущим днем. Он умер насильственно, ибо неправильно истолковал ленивую улыбку Маккиннона и его мягкий шотландский говор. Маккиннон, назначенный Николсоном ответственным за запасы воды, обнаружил, что один из баков поврежден прошлой ночью — возможно, проткнут — с уверенностью судить было трудно. В любом случае в их распоряжении остался всего один бак с менее чем тремя галлонами воды. Боцман сразу же предложил, чтобы каждый человек в шлюпке, за исключением ребенка, которому позволялось пить, сколько он захочет, ограничивался отныне полуторой унциями, распределенными на три раза в день при помощи мерного сосуда, частью обязательного оснащения любой спасательной шлюпки. Раздалось несколько несогласных возгласов, но Маккиннон проигнорировал их. На следующий день, когда он вручил мисс Драхманн очередную порцию воды для Питера, двое людей Сайрена встали со своих мест на бушприте и подошли к боцману, вооруженные тяжелыми металлическими брештуками. Маккиннон бросил взгляд на Николсона, увидел, что тот спит — старший помощник дежурил всю предыдущую ночь и, подкрепив свои слова поднятым револьвером, предложил им вернуться на бушприт. Один заколебался, но другой с животным ревом бросился вперед, яростно опуская брештук на голову боцмана, которая треснула бы, как гнилой арбуз, не завались Маккиннон на бок, нажимая одновременно спусковой крючок. Человек Сайрена по инерции перелетел через корму и упал в воду уже мертвым. Затем боцман безмолвно направил «кольт» во второго, однако жест был излишним: с искаженным от страха лицом тот не мог оторвать взгляда от струившегося из дула голубого дымка. В следующее мгновение он, спотыкаясь, кинулся на свое место. Впоследствии проблем с водой не возникало.

Прошло тридцать шесть часов с момента отплытия субмарины и двадцать четыре — со времени исчезновения последнего самолета-разведчика, несколько раз облетевшего остров в тщетных поисках признаков жизни. Они вышли в море с заходом солнца при небольшом волнении и сильном, дувшем с севера, муссоне. Всю ночь и почти весь следующий день они шли с попутным ветром, и небо по-прежнему оставалось пустынным, а единственным судном, увиденным за это время, было прахоз, маячившее далеко на востоке. Вечером, когда восточная оконечность острова Банка показалась на золотисто-багряном западном горизонте, они заметили поднимающуюся, не более чем в двух милях от них, на поверхность подводную лодку, почти тут же двинувшуюся на север. Возможно, она засекала их, возможно, нет — шлюпка могла легко слиться с морем и небом, потемневшими за это время, да и Николсон тут же спустил бросавшиеся в глаза оранжевые паруса. Так или иначе, подлодка не выказала никаких признаков подозрительности и скрылась из вида еще до захода солнца.

Той ночью они миновали Мэксфидский пролив. Это было самой трудной и опасной частью плавания, и спади или поменей направление ветер, их надежды безвозвратно бы рухнули, ибо шлюпка поутру оказалась бы в ясной видимости с суши. Но муссон неуклонно продолжал дуть с севера, и после полуночи они оставили позади Лиат, проплывший мимо по левому борту, и задолго до восхода солнца заметили впереди остров Лепар. Наступил полдень того дня, когда удача отвернулась от них.

Ветер утих полностью, и весь день напролет они лежали заштыленные всего в двадцати пяти милях от Лепара. Позднее тем же днем медлительный, неуклюжий гидроплан — вероятно, тот же, с которым они уже встречались, — попытался на западе, с час покружил над шлюпкой и улетел, даже не попытавшись атаковать. Солнце как раз начало садиться, и задул наконец легкий бриз, когда на западе

снова появился самолет, направлявшийся прямо на них. На этот раз это был не гидроплан, а истребитель, явно не настроенный попусту тратить время. Меньше чем за милю он с протяжным завыванием бросился вниз, изрыгая из своих сдвоенных орудий красные молнии, вспахавшие безмятежную поверхность моря двумя параллельными бороздами и окатившие беспомощно дождавшуюся своей участи шлюпку волной брызг. Хотя, не так уж и беспомощно: с автоматическим карабином в руках генерал заставил самолет совершить тяжелый крутой разворот и, мелькнув гладким фюзеляжем, испещренным струйками выливавшегося топлива, устремиться обратно на запад, в направлении Суматры. Не пролетев и двух миль, истребитель встретился с возвращавшимся гидропланом, и оба вместе исчезли в бледно-золотом закате. Шлюпка была довольно сильно пробита в двух местах, но, как ни странно, пострадал всего один человек: Ван Эффен, чье бедро оказалось на пути осколка шрапнели.

Меньше чем через час ветер неожиданно возрос до неистовой силы, и разразилась тропическая буря. Она длилась десять часов; десять часов ветра, темноты, и необычайно холодного дождя, когда измотанные члены экипажа шлюпки боролись за свои жизни, вычерпывая перехлестывавшую через борта воду. Николсон шел в направлении шторма с опущенным кливером и зарифленным люгером, пока не добился скорости, при которой шлюпка слушалась руля. Каждая пройденная на юг миля приближала их к Зондскому проливу, и старший помощник не мог более ничего поделать, как только позволить буре нести их. Долгий кошмар той ночи закончился так же резко, как и начался. Но настоящий кошмар ждал их впереди.

И теперь, сидя бок о бок с вооруженным и по-прежнему бдительным Маккинноном, Николсон пытался отогнать от себя изводящие приступы жажды, забыть о распухшем языке, потрескавшихся губах и обожженной солнцем спине; равно как о нанесенных шлюпке повреждениях и той перемене, что произошла с людьми в последующие дни, проведенные при полном штиле под безжалостным солнцем.

Прежний дух товарищества испарился, будто его никогда и не было. Если раньше всякий старался прежде всего помочь соседу, то теперь думал лишь о себе, и безразличие к другим преобладало. Когда кто-то получал свою жалкую порцию воды, сгущенного молока или леденцов — галеты закончились два дня назад, — дожина жадных, настороженных глаз следила за каждым движением высохших рук, дабы удостовериться, что никому не досталось каплей или крошечки больше. Алчный, голодный блеск налившихся кровью глаз казался еще невыносимее, когда маленький Питер получал дополнительную порцию воды, тоненькой струйкой стекавшей по его подбородку и капавшей на расклеванную скамью, мгновенно испаряясь. Наступила та стадия изнеможения, когда даже смерть казалась спасением.

Физические перемены были еще более угрожающими. Капитан Файндхорн находился в глубокой коме, беспокойной и мучительной, и Николсон из предосторожности некрепко привязал его к планширу и одной из банок. Дженкинса, хоть он и был в сознании, также привязали. Испытываемые им муки были просто неопишуты — на лодке не осталось ни бинтов, ни средств от ожогов, полученных им в день гибели «Виромы», и палищее солнце терзало его обожженную губу, пока он не сошел с ума. Ногти Дженкинса были покрыты засохшей кровью от яростного царапанья сырых горящих ожогов. Теперь его запястья были связаны вместе, а веревка обмотана вокруг банки, но не затем, чтобы лишить Дженкинса возможности и дальше раздирать то, что осталось от кожи, а дабы предотвратить прыжок за борт, который он уже дважды пытался осуществить. Долгие минуты он мог сидеть без движения, затем вдруг изо всех сил напрягал кровоточащие запястья, стремясь разорвать веревку, и часто и хрипло дышал. Николсон не переставал задаваться вопросом, а есть ли у него моральное право обрезать моряка на медленную, нескончаемую агонию и не лучше ли просто разрезать веревку и позволить Дженкинсу покончить со всем разом в манящей воде за бортом? Ибо он все равно должен умереть. В его облике уже сквозила печать смерти.

Раненная рука Ивэнса и изуродованное запястье Уолтерса неуклонно становились все хуже. С окончанием лекарств восстановительные силы иссякли, а от высохшей на полуистлевших бинтах соленой воды открытые раны вспалались еще сильнее. С Ван Эффеном дело обстояло немного лучше, но его ранение было недавним, к тому же голландец обладал непостижимой стойкостью. Он мог часами неподвижно лежать, откинувшись на рыбины или опершись на банку, и смотреть перед собой. Казалось, он просто перешел порог сна.

И все-таки наибольшие опасения вызывало психическое состояние людей. Вэннер и старый второй механик еще не перешагнули за грань безумия, однако проявляли схожие симптомы потери контакта с реальностью: те же длительные периоды подавленного молчания, то же бормотанье с самим собой и извиняющиеся полуулыбки, когда они понимали, что их слышат, и снова подавленность и молчание. Мусульманский священник оставался совершенно бесстрастным, хотя не произнес ни слова — он, однако, вообще не отличался разговорчивостью, так что сказать про него что-либо определенное было невозможно. То же касалось и Гордона, то широко улыбавшегося, напряженно блуждая глазами, то опускавшего голову в бессильном отчаянии.

Касательно же Синклера, как это ни прискорбно, сомнений быть просто не могло: полностью потеряв связь с действительностью, он был совершенно безумен, проявляя классические признаки острой шизофрении.

Но, несмотря ни на что, упадок всеобщим и абсолютным назвать было нельзя. Кроме самого Николсона, в шлюпке оставалось еще

двое, которых не коснулись ни слабость, ни отчаяние, ни даже сомнения, — это боцман и генерал. Маккиннон по-прежнему был все тем же Маккиннотом, спокойным и негибким. И генерал... Николсон смотрел на него уже в сотый раз и в невольном удивлении качал головой. Фарнхольм был неотразим. Чем хуже становилось их положение, тем великодушнее проявлял себя Фарнхольм. Где надо было поудобней устроить раненого или вычерпать воду — теперь редко когда дно шлюпки не оказывалось залитым, — там всегда возникал генерал, помогавший, подбадривающий улыбкой и без единой жалобы работавший, не надеясь на благодарности или вознаграждение. Для человека его возраста — Фарнхольму уже перевалило за шестьдесят — его энергия была совершенно невероятной. Николсон наблюдал за ним с недоверчивым восхищением. Вероятно, наиболее убедительным доказательством его превращения был тот факт, что генерал не только закопал топор войны с мисс Плендерлейт, но и проводил основную часть времени, сидя подле нее и о чем-то говоря с нею. Она теперь была очень слаба, и хотя ее язык нисколько не утратил своей язвительной остроты, милостиво принимала бесчисленные маленькие услуги со стороны Фарнхольма. Она и сейчас сидела рядом, и Николсон бесстрастно смотрел на них, про себя улыбаясь. Будь они лет на тридцать помоложе, он обязательно предположил бы, что у Фарнхольма есть определенные намерения относительно мисс Плендерлейт. Самые благородные, конечно.

Николсона толкнули в колено, и он взглянул вниз. Вот уже почти три дня, как мисс Драхманн сидела там, на нижней перекрестной скамье, следя за резвящимся около банки ребенком — мальчик был единственным на шлюпке человеком, располагавшим избыточной энергией, — и часами убаюкивая его на руках, когда ему хотелось спать. Она, должно быть, сильно мучилась от тесноты, но никогда не жаловалась. Ее лицо исхудало, скулы выступили, а большой шрам на левой щеке посинел и на фоне загорелой кожи выглядел еще ужаснее. Девушка вымученно улыбнулась Николсону потрескавшимися губами, затем отвернулась и кивнула на Питера. Но Маккиннон первым поймал и правильно понял этот кивок — погрузил ковш в остатки теплой, противной на вкус воды в баке. Будто по условному сигналу поднялась дюжина голов и проследила за осторожным переливанием воды в стакан, за тем, как пухлые ручки ребенка жадно схватили его и быстро опрокинули в рот. Потом все отвернулось от Питера и посмотрело на боцмана обезличенными ненавистью и страданиями глазами, но тот лишь улыбнулся своей медленной терпеливой улыбкой, и пистолет в его руке даже не шелухнулся.

Ночь, когда она наконец опустилась, принесла относительное облегчение. Испепеляющее солнце исчезло, но воздух все еще оставался горячим и удушливым, а жалкая доза воды, получаемая каждым с закатом, только обостряла жажду, делая ее еще более невыносимой. В течение двух или трех часов после наступления сумерек люди в шлюпке беспокойно ворочались на своих местах, и кое-кто даже пытался заговорить с соседом, однако их запекшиеся рты были слишком воспалены для этого. В головах с безнадежным постоянством просыпалась мысль, что если не случится чуда, то этот закат будет последним. Однако природа сжалась над истощенными голодом, жадной и палящим солнцем людьми, и они постепенно погрузились в горячечный полубредовый сон.

Николсон и Маккиннот также уснули, хотя намеревались разделить ночное дежурство, однако изнеможение запустило в них свои когти так же глубоко, как и в остальных, и они время от времени проваливались в тяжелую дрему, склонив головы на грудь и, то и дело вздрагивая, просыпались. Один раз Николсону, очнувшись от короткого забытия, показалось, что кто-то передвигается по шлюпке, и он тихо окликнул его. Ответа не последовало и на повторный оклик. Тогда старший помощник вытащил из-под скамьи фонарь. Батарея почти села, однако даже слабого желтоватого лучика было достаточно, чтобы увидеть, что все по-прежнему спокойно, никто не покидал своего места и каждая черная бесформенная тень лежит, распластавшись поперек банки или рыбины, как и прежде. Через некоторое время Николсон уже готов был поклясться, что сквозь сон до него донесся всплеск, и опять потянулся за фонарем. И опять увидел, что никто не делал и шагу со своего места. Он пересчитал все скрытые силуэты, и цифра никак не изменилась: восемнадцать человек, не считая его самого.

Он продолжал бодрствовать остаток ночи, сознательно борясь с почти непреодолимой усталостью, свинцовыми веками и шумом в голове.

Шли минуты, и Николсон стал различать мачту, отчетливо выделяющуюся на фоне неба, затем линию планшира и, наконец, отдельных лежавших в шлюпке людей. Ребенок по-прежнему мирно спал поодаль на кормовых шкотах, закутанный в одеяло, спрятав голову под мышку Гудрун. Девушка, как и раньше, сидела на нижней перекрестной скамье, неудобно повернув тело, а щекой жестко упираясь в деревянный край настила. Он осторожно приподнял голову, подоткнул под нее угол одеяла и, повиная какому-то странному импульсу, мягко отодвинул назад упавшую ей на лицо прядь иссиня-черных волос, закрывавшую длинный неровный шрам. Несколько мгновений он сидел неподвижно, затем увидел блеск ее глаз во мраке и понял, что она не спит. Он не почувствовал ни неловкости, ни стыда и просто молча ей улыбнулся. Она, должно быть, заметила как блеснули зубы

на темном лице и улыбнулась в ответ, потеревшись щекой об его руку, и медленно выпрямилась, стараясь не потревожить спящего мальчика.

Шлюпка понемногу оседала, уровень воды составлял два или три дюйма над рыбинами, и Николсон подумал, что давно пора заняться вычерпыванием. Но дело это представлялось шумным. Многие, действительно, были по лодыжку в воде, а некоторые буквально сидели в ней, однако это было ничто по сравнению с тем, что им предстояло испытать с новым восходом солнца.

И затем он увидел нечто, отбросившее прочь все мысли о бездействии. Он быстро растряс Маккиннотона, поднялся на ноги и, перешагнув через кормовую банку, опустился на колени перед Дженкинсом, лежавшим в довольно странной позе, как бы свалившись с короточек и уронив голову рядом с банкой, к которой по-прежнему были привязаны его руки. Николсон нагнулся и потряс его за плечо. Дженкинс еще больше завалился на бок, но не пошевелился. Николсон снова потряс его и позвал по имени, но Дженкинс уже не мог слышать его. Случайно ли, намеренно ли — несмотря на веревки, он ночью соскользнул с банки и захлебнулся в нескольких дюймах скопившейся на дне воды.

Николсон выпрямился и посмотрел на боцмана, понимающе кивнувшего в ответ. Настроение находившихся в шлюпке людей совсем не улучшится, обнаружат они по пробуждении мертвого; к тому же тихое спихиванье его за борт казалось небольшой ценой, заплаченной ради сохранения мутнеющего рассудка остальных.

Дженкинс оказался тяжелее, чем думалось, и его тело неловко застряло между банок. Маккиннотон разрезал связывавшие Дженкинса веревки и помог Николсону подтащить его к боковой скамье. По меньшей мере, половина людей в шлюпке проснулась и, уже зная, что Дженкинс мертв, наблюдала за их возней с тусклыми и странно непонимающими глазами. Никто не вымолвил ни слова, и казалось, что они так и позволят перекинуть Дженкинса через борт без всяких истерических припадков, когда откуда-то с носа раздался пронзительный вопль, заставивший всех повернуть головы в направлении бушприта. Николсон с Маккиннотом вздрогнули, выпустили из рук тело и обернулись: в безмолвии тропического рассвета крик прозвучал неестественно громко.

Вскрикнул молодой солдат Синклер, однако он смотрел не на Дженкинса. Он стоял на коленях, слегка покачиваясь, и не отрывал глаз от человека, лежавшего внизу.

Через три секунды Николсон был рядом с лежащим. Его ноги продолжали цепляться за банку и нелепо указывали ступнями в небо, словно человек внезапно свалился с сиденья назад и не успел прийти в себя. Это был священник Ахмед, загадочный и молчаливый друг Фарнхольма. Абсолютно мертвый.

Николсон сунул руку под черную рясу, нащупывая сердце, и так же быстро ее вытащил. Кожа Ахмеда была холодной как лед — он был мертв уже несколько часов.

Николсон в недоумении взглянул вверх на Маккиннотона и снова склонился над телом, пытаясь приподнять его за плечи, и вот тогда испытал уже настоящий шок. Он не смог оторвать туловище от рыбин больше, чем на два дюйма. И только когда боцман поднял левый бок Ахмеда, Николсон, согнувшись так, что его лицо едва не касалось воды, понял, почему у него ничего не вышло. Торчавший между лопаток священника нож, всаженный по самую рукоять, застрял черенком меж досками рыбин.

Продолжение следует

**Перевели с английского
И. АЛЧЕЕВ, Н. НЕПОМНЯЩИЙ
Рисунки
Ю. НИКОЛАЕВА**

СВЯЩЕННЫЕ ГОЛОВЫ ПРОФЕССОРА ГАСТО

В престижном районе Марселя, на шикарной вилле есть комната. А в ней — высушенные, бальзамированные, украшенные мозаикой или ракушками... человеческие головы.

Сразу вспоминается известная французская сказка. У хозяина этой комнаты, профессора Гасто, тоже есть борода, правда не синяя, а, как говорят французы, — «соль с перцем».

Вот голова, принадлежавшая когда-то женщине из племени мундуруку, живущего в бразильской Амазонии. Волосы длинные и волнистые, украшенные сухими цветами. В глазницы вставлены зубы тапира, они удлиняют линию глаз и придают лицу вневременной, безмятежный вид. Этот и другие экстравагантные «трофеи» свидетельствуют о странном пристрастии профессора к собиранию предметов погребальных культур разных народов.

Анри Гасто, элегантный шестидесятилетний мужчина, известный нейропсихиатр, занимающийся проблемами эпилепсии, хранит у себя больше священных голов, чем, наверное, все музеи антропологии мира. Обладатель этого необычного сокровища неплохо чувствует себя как в роли директора Института нейробиологических исследований при госпитале в Тимоне, так и исследо-

вателя примитивного искусства. Профессор Гасто знает все о любом из ста двадцати экспонатов своей коллекции: где и кто нашел каждую священную голову и даже предполагаемую причину смерти.

Экспонаты его частной коллекции уникальны. Например, головы воинов враждовавших индейских племен Амазонии — хиваро и мундуруку.

Каждая косичка, спускающаяся из рта, символизирует врага, убитого воином, прежде чем он сам разделит его судьбу. Красивейший экспонат коллекции — череп из Мексики, украшенный турецкой мозаикой и обсидианом (вулканическим стеклом). К сожалению, это всего лишь отличная подделка под священную голову доколумбовой эпохи. Зато нет никаких сомнений в оригинальности головы из Новой Ирландии (Папуа — Новая Гвинея), дотроенной с помощью пасты, изготовленной из молока кокоса, сухих лиан и мякоти хлебного дерева, и напоминающей театральную маску. Из Папуа привезено и раскрашенное цветными глинами панно с головой воина одного из племен реки Сепик. Для сравнения художественных стилей в этой же витрине помещен скромный череп в очках с Соломоновых островов.

Очки сделаны из срезов тихоокеанских раковин. Какая-то колдовская магия исходит от этих усохших загнивших священных голов, дошедших до нас из глубин времен и собранных здесь, на вилле профессора Гасто. Как же случилось, что врач-психиатр стал охотником за головами?

«Изучая человеческий мозг, я ставил себе научные и философские вопросы о механизме его функционирования, о способности к мышлению. Меня всегда поражала жизненная энергия человека и его страх перед смертью, — говорит профессор часто навещающим его журналистам. — Во все времена человек плохо переносил ее неизбежность. И чтобы преодолеть тоску, он замаскировал, приукрасил лицо смерти».

...Научный конгресс в Рио-де-Жанейро — и вот Анри Гасто, его участник, в сердце Амазонии. Как не воспользоваться возможностью изучить древний ритуал обезглавливания и уменьшения голов? Хотя это очень непросто. И первому встречному секреты не раскрывают.

Охота за головами была вызвана не столько кровожадностью индейцев, сколько страхом и суевериями. С младенчества внушали им шаманы, что нет естественной смерти. Что бы ни случилось плохое: болезни,

смерть, ранения, падеж скота, неурожай — во всем виноват шаман враждебного племени или же злой дух, вселившийся в воина-чужака.

Племя шуаров, живущее в верховьях Амазонки, всегда считало, что правду можно узнать только во снах, когда дух не обременен плотью, а дневная жизнь человека — это сплошной обман. Чтобы отвести зло, все члены племени начинали под руководством шамана сложную череду обрядов. Это и ритуальные танцы с трещотками, и раскраска тела для отпугивания злого духа, и магические заклинания. Для усиления «сновидений» все участники обрядов принимали одурманивающие средства. В состоянии транса шаман указывал на врага, наводящего порчу, и тогда все воины племени обязаны были объявить ему войну, выследить и убить. Другое племя в ответ начинало мстить. И так возникал вечный круг страха и вражды.

Но, даже убив врага, воин-победитель не чувствовал себя в безопасности, скорее, наоборот.

Шаманы внушали индейцам, что мертвый враг еще страшнее живого. Отсюда и пошел обряд «тсантсы» — уменьшения головы врага. Его цель — не только укротить враждебный дух, но заставить его служить себе и племени, иначе он убьет и своего победителя, и всех его родных. Поэтому, вопреки воле шамана, индеец старался переселиться в другое место, благо, безбрежные леса Амазонии это позволяли, лишь бы не убивать врага и не вызывать его дух и духов его соплеменников.

Ходит множество легенд о магических заклинаниях, с помощью которых индейцы уменьшают человеческую голову вместе с черепом. На самом деле речь идет лишь о сжатию кожи, снятой с черепа, и придании ей формы головы, хотя и этот процесс до сих пор не очень ясен этнографам.

Обряд тсантсы длительный, требовавший терпения и ловкости от воина, не говоря уже о постоянном страхе за свою жизнь. Он не должен был прикасаться к оружию (оно могло быть заколдовано духом убитого), заплетать свои волосы, разрывая себя, украшать перьями, носить — только узкую повязку на бедрах, обязан был соблюдать строгий пост, подкрепляя силы лишь побегами пальм и вареной маниокой. Его не допускали к женам, и даже спал он вне общего жилища.

Обряд длился два-три месяца, и все члены рода участвовали в сложных ритуальных действиях. В промежутках между ними саму тсантсу — голову врага, высушенную и заполненную камешками и песком, подвешивали за лиану над очагом, где дым завершал процесс ее консервации, и кожа приобретала темно-коричневый цвет. Лицо сжималось до размера кулака, сохраняя при этом черты лица умершего. Злой дух был покорен. Голова врага становилась священным оберегом племени воина-победителя.

Участвуя в научных конгрессах и конференциях, проходивших в разных странах, Анри Гасто всегда использовал редкие свободные минуты, чтобы войти в контакт с продавцами и перекупщиками древних релик-

вий. Иногда страсть коллекционера заводила его в дебри Папуа — Новой Гвинеи или на остров Борнео, жители которого грешат канибализмом.

Профессор говорит о губительном влиянии туризма на жизнь примитивных племен. В некоторых районах он породил торговлю головами и телами умерших, обработанными под обереги племени хиваро. Вам могут подсунуть такую подделку на рынке Манауса за бесцельные деньги. Непрофессионал и не догадается, что эти высушенные головы, принадлежали скорее мертворожденным или умершим от болезней новорожденным детям. А настоящую антропологическую редкость вы найдете в Музее американских индейцев в Нью-Йорке или в коллекции профессора Гасто. Есть такие ловкачи, мастера подделки, которые знают, как обработать дымом черепа и высушить их в горячем песке, чтобы кости затвердели, а кожа приобрела древний вид, но сам ритуал балъзамирования и консервации уже не исполняется — слишком хлопотно.

Разоблачая этих мошенников, Анри Гасто все же признает, что и сам обязан им несколькими прекрасными подделками под примитивное искусство. Будучи знатоком, он предпочитает общаться с проверенными торговцами древностями из Парижа или Нидерландов, с некоторыми из них он знаком более двадцати лет. Профессор любит посещать аукцион Сотби в Нью-Йорке, на котором каждый год продают два-три прекрасных экземпляра этнографического искусства. Но инфляция на этом рынке ошеломляет. За несколько лет цены на раритеты выросли в сто раз. Правда, и настоящие находки редки.

Анри Гасто вспоминает о путешествии, которое совершил сразу после войны. Он стал тогда свидетелем необычной находки — хранилища черепов племени фон в Дагомее (сейчас — Бенин). Обычаи племени требовали сохранения всех черепов умерших соплеменников. В случае пропажи хоть одного черепа, закон предписывал назначить нового вождя. А кому хочется потерять власть и прослыть нерадивым правителем? Вот почему воины племени фон совершали ночные набеги на лагерь немецкого экспедиционного корпуса, чтобы с риском для жизни вернуть головы соплеменников, погибших на поле боя, которые немецкие солдаты брали как трофеи.

Как настоящий фанат, профессор Гасто, уж если начинает говорить о происхождении разных погребальных культов, — его не остановить. Он рассказывает лучше, чем иные научные книги: об островах Томан из архипелага Новые Гебриды, о черепках из Мексики с цветной мозаикой, о море у Андамских островов, откуда у него есть великолепная голова, украшенная ракушками...

Пряча улыбку в седеющей бороде, мэтр заключает: «Официально больше нет охотников за головами, так как считается, что открыты все примитивные племена планеты: реписаны, засняты, зарисованы все их малейшие жесты, танцы, праздники, обряды, костюмы, татуировки. Как феномен первобытнообщинного строя, охота за головами перестала существовать, хотя отдельные случаи и возможны».

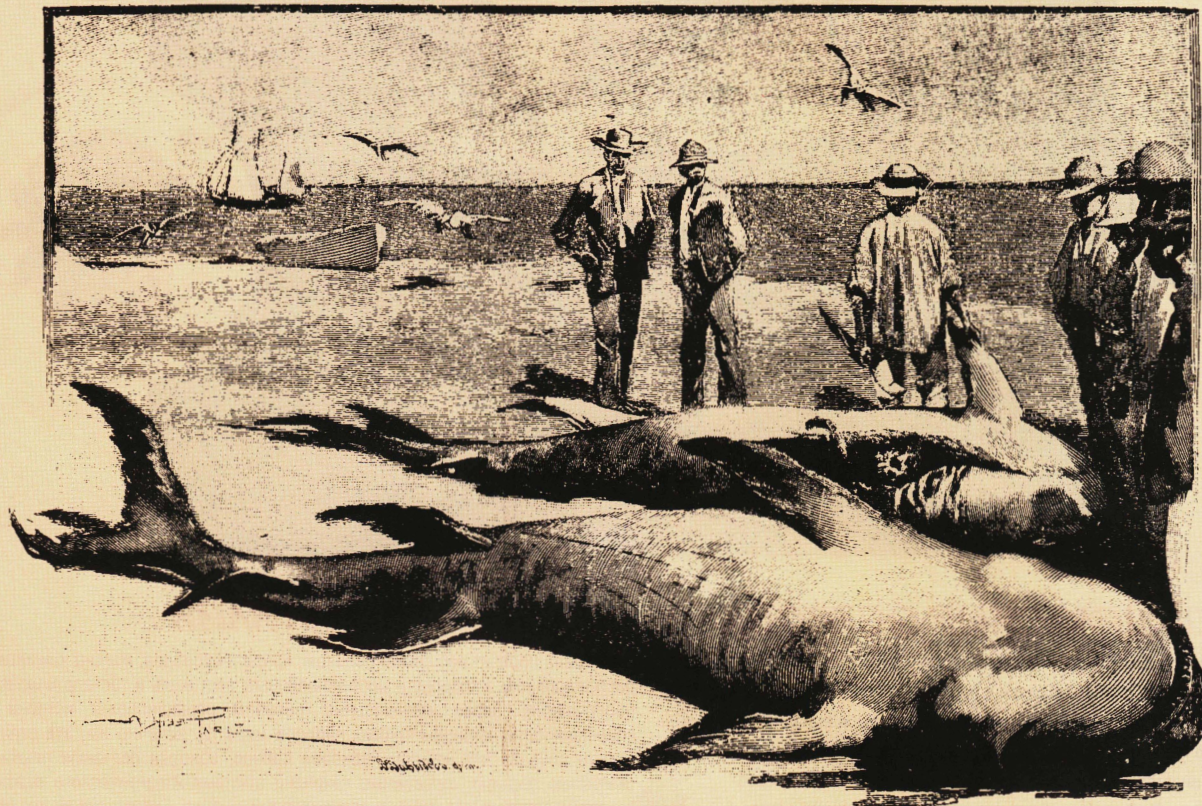
По материалам журнала
«Grands reportages»
подготовила Н. МАЛИНИЧЕВА

ВОКРУГЪ СВѢТА

ЖУРНАЛЪ ПУТЕШЕСТВІЙ И ПРИКЛЮЧЕНІЙ НА СУШЬ И НА МОРЬ. 1895 г.

Въ утробѣ акулы.

Французский турист Эжен Жирарден рассказывает, что, когда он плывал в австралийских морях на пароходе "Океания", то близ Порт-Филиппа матросы выловили из моря огромную акулу. Чудовище было тут же убито, и когда его стали потрошить, что в брюхе у него оказался... проглоченный целиком молодой матрос. Труп его вынули из акулы и похоронили, а по наведенным справкам узналось, что проглоченный чудовищем матрос был марсовой с португальского корабля "Беллона", упавший дня три тому назад в воду и в тот же миг подхваченный и проглоченный прожорливой рыбиной.

ПЕРВАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА В КИТАЕ

Китай, несмотря на всю обширность своей территории, — 11 миллионов квадратных километров земли и 360 миллионов жителей, — едва имеет в настоящее время 200 километров железного пути. Первая попытка привить Китаю современный способ сообщения относится к началу 1870 года и была сделана в портовом городе Шанхае. Дело в том, что этот "Ливерпуль Востока" лежит на реке Вушунг, впадающей при городе того же имени в Янцзенкианг, причем река Вушунг, как у Шанхая, так и при своем впадении, достаточно глубока для плавания больших панцирных судов. Между тем у самого своего устья река Вушунг заграждена во всю ширину песчаной отмелью, которая даже во время половодья покрывается водой не выше 5 1/2 метра, что составляет весьма существенное препятствие для судоходства. В виду этой отмели большие почтовые и грузовые пароходы европейских пароходных сообщений принуждены при своем прибытии в Вушунг облегчать себя, т.е. разгружать часть своего груза, а при своем отбытии вновь пополняться грузом. В обоих случаях китайские шкипера берут на себя перевозку товаров с пароходов и доставку их на пароходы. Но так как "время — деньги", то заинтересованные в этом деле пароходные компании остановились на мысли построить железную дорогу между Шанхаем и Вушунгом, рассчитывая, что с ней дело пойдет быстрее, чем с помощью китайских джонков. По ходатайству компаний и при содействии представителей при китайском дворе держав, европейское общество пароходных компаний получило разрешение на построй-

ку предполагаемой дороги. Не малых затрат потребовала доставка из Европы всего нужного материала на сооружение линии в 45 километров. Наконец после целого года работ, в 1876 году, первая железная дорога в Китае была окончена, и ее открытие отпраздновано европейцами как начало новой эры сообщений с Китаем. К сожалению, в этом торжестве совершенно упустили из виду китайские порядки. Сотни и тысячи людей, добывавшие себе средства существования в качестве шкиперов, лодочников, нагрзчиков, с проведением железной дороги остались без дела. К тому же стародавний китайский закон запрещает всем так называемым речным рабочим, к которым принадлежат все рыбаки, лодочники, боцмана и пр., всякий промысел на суше. Понятно поэтому, что весь этот люд со злобой и ненавистью отнесся к новому учреждению. Сюда же присоединился и религиозный фанатизм, и в один прекрасный день ожесточившаяся толпа начала срывать рельсы и, завладевши пушками, стрелять по поездам. Когда же правительство явилось на защиту железнодорожного пути, то по всей местности вспыхнуло открытое восстание. Китайское правительство уступило. Оно купило железную дорогу у компаний и приказало ее срыть. Таким образом, едва возникшая в Китае первая железная дорога была стерта с лица земли. Рельсы были отправлены в Такао на остров Формозу с тем, чтобы послужить для портовых сооружений, но так как для последних не хватало денег, то рельсы и по сие время лежат там без употребления и съедены ржавчиной.